

ISSN 0131-7741

Экономика Украины

научный журнал

6/2016

Главный редактор: ГЕЕЦ В. М. (д.э.н., проф., академик НАН Украины)

Заместитель главного редактора: КОРНИЕНКО И. В.

Редакционная коллегия: БЫСТРЯКОВ И.К. (д.э.н., проф.), БОРОДИНА Е.Н. (д.э.н., проф., член-кор. НАНУ), БУДКИН В.С. (д.э.н., проф.), ГНИБИДЕНКО И.Ф. (д.э.н., проф.), ГРИНБЕРГ Р.С. (д.э.н., проф., член-кор. РАН, Россия), ГРИЦЕНКО А.А. (д.э.н., проф., член-кор. НАНУ), ДАНИЛЕНКО А.И. (д.э.н., проф., член-кор. НАНУ), ЭРВЕ Ж.-Ж. (профессор, Франция), ЕФИМЕНКО Т.И. (д.э.н., проф., член-кор. НАНУ), ЗВЕРЯКОВ М.И. (д.э.н., проф., член-кор. НАНУ), ЗИМОВЕЦ В.В. (д.э.н.), КОЛОДКО Г.В. (профессор, Польша), КРЕДИСОВА И.И. (д.э.н., проф.), КУДРЯШОВ В.П. (д.э.н., проф.), ЛИБАНОВА Э.М. (д.э.н., проф., академик НАН Украины), МАЗАРАКИ А.А. (д.э.н., проф.), МАКСЮТА А.А., МАНЦУРОВ И.Г. (д.э.н., проф., член-кор. НАНУ), МОЛДАВАН Л.В. (д.э.н., проф.), МЯРКОВСКИЙ А.И. (к.э.н.), НИКИТЕНКО П.Г. (д.э.н., проф., академик НАН Беларуси), НИЖНИК Е.Н. (к.э.н.), ОСАУЛЕНКО А.Г. (доктор наук по госуправлению), ПАВЛЕНКО А.Ф. (д.э.н., проф.), ПАНЧЕНКО Е.Г. (д.э.н., проф.), ПАПАВА В.Г. (д.э.н., проф., академик НАН Грузии), ПАРНЮК В.А. (к.э.н.), РЫБАК С.А. (к.э.н.), СИДЕНКО В.Р. (д.э.н., проф., член-кор. НАНУ), СТАТТЕВ С. (профессор, Болгария), ТАРАСЕВИЧ В.Н. (д.э.н., проф.), ЧЕРНЯК А.И. (д.э.н., проф.), ШРЕТТЛЬ В. (профессор, Германия), ЯКУБОВСКИЙ Н.Н. (д.э.н., проф.).

Editor-in-Chief: VALERIY HEYETS (Doctor of Econ. Sci., Professor, Academician of the NAS of Ukraine).

Deputy Editor-in-Chief: IRINA KORNIENKO.

Editorial Board: BYSTRYAKOV I.K. (Doctor of Econ. Sci., Professor), BORODINA E.N. (Doctor of Econ. Sci., Professor, Corresponding Member of the NAS of Ukraine), BUDKIN V.S. (Doctor of Econ. Sci., Professor), GNYBIDENKO I.F. (Doctor of Econ. Sci., Professor), GRINBERG R.S. (Doctor of Econ. Sci., Professor, Corresponding Member of the RAS, Russia), GRYTSSENKO A.A. (Doctor of Econ. Sci., Professor, Corresponding Member of the NAS of Ukraine), DANYLENKO A.I. (Doctor of Econ. Sci., Professor, Corresponding Member of the NAS of Ukraine), HERVE J.-J. (Professor, France), EFYMENKO T.I. (Doctor of Econ. Sci., Professor, Corresponding Member of the NAS of Ukraine), ZVERYAKOV M.I. (Doctor of Econ. Sci., Professor, Corresponding Member of the NAS of Ukraine), ZYMOVETS' V.V. (Doctor of Econ. Sci.), KOLODKO G.V. (Professor, Poland), KREDISOV A.I. (Doctor of Econ. Sci., Professor), KUDRYASHOV V.P. (Doctor of Econ. Sci., Professor), LIBANOVA E.M. (Doctor of Econ. Sci., Professor, Academician of the NAS of Ukraine), MAZARAKI A.A. (Doctor of Econ. Sci., Professor), MAKSYUTA A.A., MANTSUROV I.G. (Doctor of Econ. Sci., Professor, Corresponding Member of the NAS of Ukraine), MOLDAVAN L.V. (Doctor of Econ. Sci., Professor), MYARKOVSKYI A.I. (Cand. of Econ. Sci.), NIKITENKO P.G. (Doctor of Econ. Sci., Professor, Academician of the NAS of Byelorussia), NYZHNYK E.N. (Cand. of Econ. Sci.), OSAULENKO A.G. (Professor, Doctor of Sci. on State Management), PAVLENKO A.F. (Doctor of Econ. Sci., Professor), PANCHENKO Ye. G. (Doctor of Econ. Sci., Professor), PAPAVA V.G. (Doctor of Econ. Sci., Professor, Academician of the NAS of Georgia), PARNYUK V.A. (Cand. of Econ. Sci.), RYBAK S.A. (Cand. of Econ. Sci.), SIDENKO V.R. (Doctor of Econ. Sci., Professor, Corresponding Member of the NAS of Ukraine), STATTEV S. (Professor, Bulgaria), TARASEVYCH V.N. (Doctor of Econ. Sci., Professor), CHERNYAK A.I. (Doctor of Econ. Sci., Professor), SHRETTL V. (Professor, Germany), YAKUBOVSKYI N.N. (Doctor of Econ. Sci., Professor).

Рекомендовано в печать Редакционной коллегией журнала
(протокол № 11 от 17 мая 2016 г.)

Recommended for publication by the Editorial board
(Minutes № 11 of May 17, 2016)

При перепечатке ссылка на журнал “Экономика Украины” обязательна.

While using refer to “Economy of Ukraine” is obligatory

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ И ТОРГОВЛИ УКРАИНЫ,
МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ УКРАИНЫ
И НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ

Экономика Украины

6 (647)

ИЮНЬ

2016

Издается
с января
1960 г.

Выходит ежемесячно

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

ЗВЕРЯКОВ М. И. — Промышленная политика и механизм ее реализации 3

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ФИЛИПЕНКО А. С. — Народная, солидарная экономика: концептуальный
эскиз 19

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ЮРЧЕНКО Ю. Ю. — Концептуальные направления развития внутреннего
туризма в Украине 29

ФИНАНСЫ. НАЛОГИ. КРЕДИТ

КОЗЮК В. В. — Предпосылки и глобальные макрофинансовые эффекты
активного портфельного менеджмента валютных резервов 40

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ АПК

ПАВЛОВ А. И. — Руральный дискурс междисциплинарных научных
исследований 59

ГРИЦЮК П. М., БАЧИШИНА Л. Д. — Влияние изменения климатических
условий на динамику урожайности зерновых в Украине 68

МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

ТИТАРЬ И. А. — Имидж Украины в контексте ассоциации с Европейским
Союзом 76

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПУБЛИЦИСТА

ХОМИН И. П. — Homo Empathicus и Homo economicus на фоне иллюзий,
или псевдореформирование аграрного сектора как следствие
эквистристики между этатизмом и принципом "laissez faire" 87

РЕЗЮМЕ (на английском языке) 96

THE SCIENTIFIC JOURNAL
OF THE MINISTRY OF ECONOMIC
DEVELOPMENT AND TRADE OF UKRAINE,
MINISTRY OF FINANCES OF UKRAINE,
AND NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE

Economy of Ukraine

6 (647)

JUNE

2016

It is monthly published
since January
1960

CONTENTS

Pages

SCIENTIFIC DISCUSSIONS

ZVERYAKOV M. I. – Industrial policy and a mechanism of its realization 3

PROBLEMS OF ECONOMIC THEORY

FILIPENKO A. S. – National and solidarity economy: conceptual sketch 19

GOVERNING THE ECONOMY: THEORY AND PRACTICE

YURCHENKO Yu. Yu. – Conceptual directions of development of domestic
tourism in Ukraine 29

FINANCES. TAXES. CREDIT

KOZIUK V. V. – Preconditions and global macrofinancial effects of the active
portfolio management of currency reserves 40

QUESTIONS OF THE DEVELOPMENT OF AIC

PAVLOV A. I. – The rural discourse of interdisciplinary scientific studies 59

GRITSYUK P. M., BACHISHINA L. D. – Influence of a change in climatic
conditions on the dynamics of the crop yield of cereals in Ukraine 68

WORLD ECONOMIC TIES: TRENDS OF THEIR DEVELOPMENT

TITAR' I. A. – Image of Ukraine in the context of its association with
the European Union 76

THOUGHTS OF PUBLICISTS

KHOMIN I. P. – Homo empathicus and Homo economicus against
the background of illusions or the pseudoreformation of the agrarian sector
as a result of the equilibration between the etatism and the “laissez faire”
principle 87

SUMMARIES 96

М. И. ЗВЕРЯКОВ,
*профессор, доктор экономических наук,
член-корреспондент НАН Украины,
ректор Одесского национального экономического университета*

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И МЕХАНИЗМ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ *

Обоснована объективная необходимость проведения промышленной политики как формы неоиндустриализации. Рассмотрены модели промышленной политики на разных этапах индустриального развития. Показано, что в большинстве развитых стран произошла эволюция промышленной политики от отраслевой к политике повышения конкурентоспособности. Инструментами достижения такой цели служат меры институционального характера. Сделан вывод, что главные задачи промышленной политики в Украине – это формирование полноценного корпоративного сектора, восприимчивого к нововведениям, а также создание институтов развития.

Ключевые слова: неоиндустриализация, промышленная политика, протекционизм, “новая экономика”, промышленная политика конкурентоспособности, институты развития.

M. I. ZVERYAKOV,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Corresponding Member of the NAS of Ukraine,
Rector of Odessa National Economic University*

INDUSTRIAL POLICY AND A MECHANISM OF ITS REALIZATION

The objective necessity to realize the industrial policy as a form of neoindustrialization is substantiated. Some models of industrial policy on different stages of the industrial development are considered. It is shown that, in the majority of developed countries, the evolution of the industrial policy from the sectoral one to a policy aimed at the competitiveness enhancement has been implemented. The tools to attain such purpose are measures of the institutional character. The conclusion is drawn that the main tasks of the industrial policy in Ukraine is the formation of a sound corporative sector receptive to innovations and the creation of development institutions.

Keywords: neoindustrialization, industrial policy, protectionism, “new economy”, industrial policy of competitiveness, development institutions.

Объективные основания для существования промышленной политики

В настоящее время Украина переживает сложный социально-экономический кризис, который отбросил ее на обочину экономического прогресса. Продолжа-

© Зверяков Михаил Иванович (Zveryakov Mikhail Ivanovich), 2016; e-mail: rector@oneu.edu.ua.

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начало которой положил академик НАН Украины В.М. Гец статьей “Институциональная обусловленность инновационных процессов в промышленном развитии Украины” // Экономика Украины. – 2014. – № 12. – С. 4–19.

ющееся усугубление экономического положения нашего государства обусловлено неустойчивой политической ситуацией, падением цен на сырьевые товары, разрывом экономических связей с восточным соседом. Но главная утрата последних десятилетий — деиндустриализация национальной экономики. Даже в годы восстановительного роста ВВП его динамика не была обусловлена структурной трансформацией, переходом к производству наукоемкой продукции. Такой экономический рост обеспечивался благоприятной ценовой конъюнктурой на сырьевые товары.

Таким образом, нынешнее социально-экономическое положение в стране связано не столько с внешними, сколько с внутренними факторами, под которыми следует понимать деиндустриализацию и отсутствие движущих сил высокотехнологичного производства ВВП. Сокращение доли промышленного производства, а также добавленной стоимости в структуре ВВП свидетельствует о негативных тенденциях деиндустриализации *. Украина во все большей степени погружается в зависимость от экспорта сырья. Такая зависимость придает системному кризису более острые формы проявления, причем не только экономические, но и политические.

В широких слоях общества стала общепринятой мысль о том, что развитие Украины не возможно без модернизации отечественного производства. А это, в свою очередь, означает целенаправленную концентрацию факторов производства на выпуске товаров с высокой долей добавленной стоимости. Реализация таких целей требует структурных преобразований в экономике, что предполагает наличие промышленной политики и стратегического прогнозирования.

Сама по себе постановка вопроса о промышленной политике как основе долгосрочной стратегии является дискуссионной. Некоторые авторы считают, что выработка элементов промышленной политики и реализация ее основных составляющих в практике хозяйствования ограничивают действие рыночных механизмов, а также могут повлечь за собой неэффективное использование материальных, трудовых и финансовых ресурсов в случае выбора ложной стратегии, не отражающей общего технико-экономического тренда в условиях функционирования экономики инновационного типа [1, с. 12; 2, с. 8].

Между тем существует иная позиция, суть которой заключается в том, что разработка адекватной промышленной политики и проведение новой индустриализации являются единственно возможными альтернативами дальнейшему отставанию Украины от высокоиндустриального развития стран мира. Об этом свидетельствуют научные дискуссии, ведущиеся отечественными и зарубежными учеными [3; 4; 5; 6].

В эпоху глубокого системного кризиса, когда обсуждаются составляющие новой экономической модели как основы для долгосрочной стратегии развития, обозначенная проблема актуализируется. В настоящее время она должна находиться в центре внимания как исследователей, так и практиков нашей страны. Сегодня очень важно фиксировать те наметившиеся тенденции, которые связаны с изменениями в экономике западных стран, где реиндустриализация проходит в виде возвращения ряда производств из-за рубежа в форме создания новых промышленных производств. На практике в этом и заключается реализация промышленной политики в современных условиях.

* В 2014 г. в украинской экономике доля обрабатывающей промышленности в добавленной стоимости по видам деятельности сократилась на 7,83%, тогда как в странах ЕС — соседях Украины она возросла: в Болгарии — на 4,45%, в Чехии — на 5,51%, в Венгрии — на 6,75%, в Польше — на 7,78%, в Словакии — на 11,36% [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://unstats.un.org/unsd/snaama/selbasicFast.asp>.

В силу этого **цель статьи** — проанализировать некоторые подходы, обосновывающие саму необходимость промышленной политики и ее осуществления в отдельных странах (например, в Украине).

Сама необходимость проведения промышленной политики обусловлена, во-первых, объективно существующей потребностью в развитии высокотехнологичных отраслей, являющихся результатом функционирования национальных инновационных систем, и во-вторых — необходимостью координировать развитие отдельных фирм и инвестиций смежных отраслей по технологической цепочке производства добавленной стоимости в условиях глобальной конкуренции. Так, реализация планов развития предприятий отечественного оборонного комплекса, получающих финансирование из бюджета, не возможна без инвестиций в смежные отрасли (и прежде всего, в машиностроительный комплекс). Здесь объективно необходима координация действий между предприятиями, получающими заказы на конкурентной основе от конечных производителей. Таким способом могут восстанавливаться кооперационные связи в сфере машиностроения.

Следовательно, необходимость координации планов развития отдельных предприятий и инвестиций смежных отраслей, связанных технологически, становится объективным основанием для существования промышленной политики. Сами по себе рыночные сигналы не могут выполнять эту координирующую роль, в чем и заключается их ограниченная природа. Их дополняют государственное стратегическое планирование и регулирование: они должны снимать риски для инвестора, поскольку ни один инвестор не решится сделать стартовые капитальные вложения, пока не будет уверен в их возврате и окупаемости.

Именно с помощью промышленной политики возможно изменить отраслевую структуру в целях стимулирования экономического роста, основанного на росте производительности труда. Сама промышленная политика становится способом государственного регулирования прогрессивных структурных изменений в сфере производства, обеспечивающих выход на траекторию устойчивого экономического роста. Между тем неграмотное использование инструментов промышленной политики может привести к серьезным просчетам, то есть к утрате отраслями промышленности конкурентоспособности. Подобных примеров много. Их анализ показывает, что неэффективность такой промышленной политики была связана или с применением ошибочных механизмов регулирования, или с лоббированием интересов определенных бизнес-групп. Важно понимать влияние последнего обстоятельства.

Отечественный и зарубежный опыт показывает: от того, в чьих интересах работает хозяйственная система страны, зависят успехи или провалы промышленной политики. В тех случаях, когда хозяйственная система посредством государственного вмешательства подчинена клановым и групповым интересам, такая промышленная политика будет иметь худшие последствия, чем при так называемых “провалах рынка”. Об этом свидетельствует опыт развитых и развивающихся стран [7].

Но сами по себе неудачные примеры не должны ставить под сомнение необходимость проведения промышленной политики.

На наш взгляд, следует исходить из того, что любая страна, имеющая в структуре своего экспорта значительную долю сырья, испытывает влияние конъюнктуры сырьевых рынков на экономическое развитие. Она сталкивается с необходимостью проведения промышленной политики, направленной на поддержку развития обрабатывающих производств и снижение зависимости от внешних рынков. Важность стоящих перед страной структурных преобразований еще больше актуализировалась падением цен на товары сырьевого экспорта. За 2015 г. мировые цены

на железную руду снизились на 38%, на сталь — на 31%, на пшеницу — на 25%. Но это еще не предел. По прогнозам Всемирного банка, негативная тенденция сохранится: цены на железную руду могут снизиться на 15%, на сталь — на 10%, на сельскохозяйственную продукцию — на 1,4% [8].

Таким образом, в среднесрочной перспективе национальная экономика, ориентирующаяся на сырьевой экспорт, будет жить под постоянными угрозами внешней безработицы, платежного кризиса, валютной нестабильности и структурной перестройки вследствие изменений в отношениях и силах, находящихся за пределами ее влияния.

Как показывает отечественный и зарубежный опыт, необходимость проведения промышленной политики, направленной на ликвидацию структурных диспропорций, обусловлена тем обстоятельством, что, как правило, автоматически действующих механизмов, способных выровнять структурные диспропорции, не возникает.

Кроме того, исследование структурных деформаций в украинской экономике ещё в 80-е годы XX в. позволило сделать такой вывод: "Если в экономике страны возникают неблагоприятные структурные диспропорции, например, формируется отсталая, утяжеленная структура экономики, то, в конечном счете, это неблагоприятно влияет на всю систему управления в стране, поскольку структура экономики существенным образом влияет на систему управления" [9, с. 9–10].

При выработке вариантов промышленной политики, направленной на изменение модели экономического роста, следует проанализировать существующие концептуальные теоретические подходы к определению принципов функционирования хозяйственных систем на конкретно-исторических этапах их развития.

Промышленная политика в разных экономических школах

Анализируя общие подходы к реализации промышленной политики, следует указать на некоторые ее особенности в рамках разных экономических школ. Каждая из них по-своему понимает роль движущих сил в экономическом развитии и формировании макроэкономической политики государства.

Известно, что в рамках разных экономических школ (в частности, исторической, кейнсианской, неоклассической и институциональной) сложились разные, а подчас и противоположные, взгляды на роль государства в осуществлении промышленной политики.

Из истории экономической мысли известно, что поиск выхода из состояния технической отсталости страны позволил немецкому экономисту, выдающемуся представителю *исторической* школы Ф. Листу в начале XIX в. сформулировать основные принципы проведения промышленной политики. Он полагал, что неразвитость национальной промышленности опасна и губительна для национальной экономики, и утверждал, что отсутствие развитой промышленности ведет "к национальной слабости: материальной, умственной и политической" [10, с. 39].

Выход из ловушки технологической отсталости Ф. Лист видел в поддержке и развитии промышленности, а также в ее кооперации в масштабах национальной экономики для защиты слабой национальной экономики. То, что ученый рекомендовал для немецкой экономики, не было чем-то особенным. Протекционизм был присущ Европе и США практически весь XIX в., то есть во времена их индустриализации уровень тарифной защиты промышленности (30–40%) был в среднем в 5 раз выше, чем сейчас в развивающихся странах [11, с. 105].

Существующие исследования связи между средним уровнем тарифного обложения импорта готовых изделий и среднегодовым темпом прироста ВВП по 10 стра-

нам Запада и Азии показали их тесную корреляцию с конца XIX — начала XX в. Тогда многие развитые сегодня государства индустриализировались. Например, в период индустриализации США приблизительно с конца XVIII до начала XX в. вклад импортозамещения в прирост ВВП составил весомую долю — $1/5$, а в расширение внутреннего рынка — около $3/4$, тогда как вклад экспорта в это расширение — менее $1/10$ [11, с. 105].

Однако со II половины XX в. связь между тарифной защитой импорта и экономическим ростом в целом в мире стала ослабевать. Для ряда стран развивающегося мира — латиноамериканских и азиатских — импортозамещение приводило ко многим негативным последствиям (в частности, из-за отсутствия конкурентных рынков — к торможению роста ВВП, к снижению технологического уровня и доходности производства, к увеличению внешней валютной задолженности [11, с. 105].

Как показывает пример развития новых индустриальных стран (таких, как Китай, Южная Корея, Тайвань), очень важно наращивать экспортоориентированное импортозамещение. Без активной промышленной политики сделать это невозможно. Из опыта Китая известно, что в 80-х годах прошлого века в структуре его экспорта около половины приходилось на сырье и топливо (включая нефть). Была поставлена цель — сократить экспорт сырья и нарастить экспорт продукции обрабатывающей промышленности.

Способом достижения указанной цели служила установка: “импортом вскармливать экспорт”. В замещении импорта осуществлялась политика освоения и наращивания производства экспортной продукции на импортном оборудовании внутри страны. В промышленной политике Китая различали два основных варианта производства: “с головы” и “с хвоста”, то есть частичное или полное производство изделий внутри страны [12, с. 106]. Эти два варианта промышленной политики Китая позволили сократить (с более чем 50% до 36%) экспорт продукции из импортных комплектующих и увеличить долю участия национальной экономики в так называемых “GVC” (“глобальных цепочках создания стоимости”). В результате проведения такой промышленной политики в Китае повысилось соотношение между стоимостью экспорта и импорта в сегменте внешней торговли (с 1,4 в начале века до 1,76 в 2014 г.) [12, с. 106].

Успешная реализация промышленной политики в Китае показывает, что сначала промышленная политика основывалась на давальческой торговле (то есть на продаже продукции в результате ее сборки из импортных комплектующих — “processing trade”), а затем осуществился постепенный переход к разработке собственной продукции с высокой добавленной стоимостью. Иначе говоря, в промышленной политике Китая наблюдались использование сравнительных преимуществ дешевой рабочей силы в начале разворачивания этой политики в 80-е годы прошлого века, а затем — постепенный переход к разработке и полному освоению технологий производства промышленных товаров с высокой добавленной стоимостью.

Таким образом, при выработке модели промышленной политики необходимо учитывать все конкурентные преимущества на данном историческом этапе развития страны. Как отмечал М. Портер, исследуя конкурентные преимущества отдельных стран, “национальное процветание не наследуется — оно создается, национальное процветание не вырастает просто из природных ресурсов, имеющейся рабочей силы, процентных ставок или покупательной силы национальной валюты, как это настойчиво утверждается в классической экономике. Конкурентоспособность нации зависит от способности ее промышленности вводить новшества и модернизироваться” [13, с. 362].

Следовательно, история индустриального развития промышленно развитых стран, а также успешная реализация промышленной политики в современную эпоху дают основания утверждать, что при правильной разработке промышленной политики и ее успешной реализации конкурентные преимущества и место страны в мировой экономике могут создаваться.

Именно эта идея лежит в основе исторической школы. Иначе говоря, сам выбор вариантов промышленной политики — как средства достижения конкурентных преимуществ и более высокого положения в мировой экономике — зависит от понимания теми, кто осуществляет такой выбор, движущих сил, лежащих в основе обеспечения экономического прорыва.

Особое понимание движущих сил экономического развития с помощью инструментов промышленной политики сложилось в *кейнсианстве*. Например, в 50–60-е годы на базе кейнсианства для развитых стран активно разрабатывались вопросы стабильного экономического роста, а для развивающихся стран — концепции ускоренного экономического развития. Так, применительно к развивающимся странам, столкнувшимся с проблемой ускоренной индустриализации экономики, распространение получила разработанная в рамках кейнсианской школы так называемая концепция “большого толчка” (“big push”). Эта теоретическая концепция возникла как своеобразная реакция на проблемы послевоенного развития экономики. В центре ее внимания оказались проблемы индустриального развития стран послевоенной Европы, а также постколониальных стран. По мнению кейнсианцев, в этих странах наблюдались явления “порочного круга нищеты” и отсутствие “самоподдерживающегося экономического роста”. Концепция “большого толчка” возникла под влиянием “плана Маршалла”, ставшего своеобразным исходным импульсом для послевоенного развития западноевропейских стран [14, с. 451–459]. В центре внимания этих стран оказались проблемы новой индустриализации. Что же касается постколониальных стран, то для них главными стали проблемы первичной индустриализации. Классическое кейнсианство не было готово к решению возникших проблем, поскольку его модели были применены к индустриальным экономикам, находящимся в депрессивном состоянии в краткосрочном периоде. Поэтому возникли новые кейнсианские концепции, которые под развитием понимали прогрессивные структурные изменения в национальных экономиках. Сами эти изменения являются следствием технико-экономических преобразований, которые должны обеспечивать устойчивый экономический рост.

Обобщающая идея этого уже нового кейнсианского направления заключалась в несомненной связи между темпами роста инвестиций и темпами роста ВВП. Для модели роста стратегической переменной были инвестиции. Неокейнсианцы исходили из того, что для модернизации страны необходимы крупные вливания капитала, результатом которых может стать экономический рост. В рамках этой теоретической концепции “большого толчка” определяющая роль изменений отводилась государству, которое должно ориентировать экономическое развитие в направлении прогрессивных структурных изменений. Рост инвестиций в приоритетные отрасли экономики должен происходить путем увеличения нормы сбережений и трансформации их в инвестиции [14, с. 451–459].

Иной взгляд на общие принципы реализации промышленной политики сложился в рамках *неоклассики*. Представители неоклассической школы всегда исходили из того, что рынок служит идеальным регулятором всех экономических пропорций. Поэтому вмешательство государства в рыночную экономику они считали

крайне нежелательным, поскольку, на их взгляд, экономика функционирует наилучшим образом на основе естественных законов развития.

За основу своих теоретических концепций неоклассики принимают проблему рационального использования имеющихся ресурсов и свободу предпринимателей в организации производства. В промышленной политике неоклассическая школа особое внимание уделяет проблеме конкурентоспособности национальной экономики и созданию условий для внедрения инноваций за счет частной инициативы. В условиях развития высокотехнологичных производств неоклассическая концепция промышленной политики выступает в форме новой модели экономики — так называемой “новой экономики” (“new economy”), которой присуще стремительное увеличение инноваций в производство. Характерной чертой новой экономики является ускоренное разворачивание новых производств с высокой добавленной стоимостью. Акцент в промышленной политике переносится на обеспечение конкурентоспособности национальной экономики в условиях открытого рынка. Смена приоритетов и механизмов реализации промышленной политики привела к тому, что в литературе сам термин “промышленная политика” (“industrial policy”) стал заменяться термином “промышленная конкурентная политика” (“industrial competitiveness policy”). В рамках неоклассической концепции современная промышленная политика приобрела “мягкие” формы влияния со стороны государства. Они смещаются на реализацию мер поддержки наукоемкой сферы посредством подготовки кадров, создания условий для упрощения внедрения инноваций и т. п.

Заслуживает внимания также *институциональная* концепция промышленной политики. Именно в рамках институциональной школы были выдвинуты идеи создания “полюсов роста” и поддержки отраслей — “локомотивов развития”. Эта концепция состоит из трех основных взаимосвязанных элементов. Главным “локомотивом роста” определяется ведущая отрасль, обладающая мощным потенциалом роста и большим мультипликативным эффектом. Импульсы развития ведущей отрасли стимулируют развитие технологически сопряженных отраслей, связанных с ведущей отраслью системой отношений типа “затраты — выпуск”. Эти отношения, образующие второй элемент “полюса роста”, служат способом передачи мультипликативного эффекта ведущей отрасли на всю национальную экономику. Наконец, третьим элементом “полюса роста” становится пространственное объединение производств, обеспечивающее предприятиям получение “внешней экономии”, то есть взаимосвязанных эффектов, изменяющих экономическое пространство территорий [15, с. 64].

В отношении стран с развивающейся экономикой институционалисты делали акцент на модернизации национальной промышленности [16, с. 181, 232].

Таким образом, анализ различных взглядов на промышленную политику в рамках основных экономических школ дает основания утверждать о наличии ее разных моделей. Поэтому на выбор конкретной модели влияют степень развитости национальной экономики и производственная специализация отраслей ее промышленности. Как показывает опыт, обычно страны, имеющие развитую обрабатывающую промышленность и модернизированный финансовый сектор, склоняются к реализации неоклассических сценариев промышленной политики.

Эволюция промышленной политики

Осознание реальных трудностей экономического развития нашей страны, проявляющихся в снижении темпов роста промышленности, нарастающем старении основного капитала из-за низких норм накопления и конкурентоспособности оте-

чественных предприятий, в условиях открытых рынков ставит на повестку дня проблему дальнейшего развития украинской промышленности.

Усиление структурных деформаций в национальной экономике вследствие более быстрого роста ее сырьевых отраслей привело к снижению уровня технического развития промышленности, углублению межотраслевых и территориальных диспропорций, сокращению экспорта и опережающему росту импорта, что, в свою очередь, обострило дефицит валютных поступлений. Все это демонстрирует утрату украинской экономикой конкурентных преимуществ на глобальных рынках.

Наращение серьезных проблем в промышленном секторе экономики вынуждает власть и бизнес искать новые подходы к хозяйственному развитию. На наш взгляд, наиболее приемлемым из них может стать разработка макроэкономической политики с учетом интересов предприятий реального сектора экономики. Как уже отмечалось, конкретной формой такого взаимодействия государства и промышленного бизнеса является выработка национальной промышленной политики. Однако среди ученых и управленцев нет единого мнения по поводу существования самой промышленной политики в Украине. Негативное отношение многих экономистов и государственных управленцев к активной промышленной политике можно объяснить тем, что они понимают ее как *набор традиционных инструментов по поддержке отдельных отраслей (как правило, отстающих) путем бюджетного субсидирования и предоставления различных льгот*. Именно такое содержание промышленной политики имело место в прошлом украинской национальной экономики и в советский период, и в годы независимости. Получение налоговых льгот; поддержка отраслей из бюджета в форме или бюджетного финансирования инвестиционных программ, или финансирования части процентных ставок по кредитам; и т. п. — все это наблюдалось в макроэкономической политике Украины на протяжении всего периода ее независимого существования. У такого рода промышленной политики вполне обоснованно могут быть противники — как среди управленцев, так и среди научного и экспертного сообщества, как в стране, так и за рубежом [7].

Но такая прямая поддержка отдельных отраслей как один из видов промышленной политики, осуществлявшаяся в современной украинской экономике, почти не встречалась в зарубежной практике, за исключением непродолжительного послевоенного периода (в 50–60-е годы) в экономиках Франции и ФРГ.

В промышленной политике Франции особое значение придавалось отраслям — “локомотивам” экономического роста, с определенными целевыми установками. Одни из этих отраслей (в частности, металлургическая и цементная) выполняли задачу модернизации реального сектора экономики в целом, а другие — например, сельскохозяйственное машиностроение — поддерживались ради подъема аграрной сферы, тогда как автомобильная промышленность — для наращивания поступлений валютных ресурсов в экономику. В 50–60-е годы приоритетные сферы в промышленной политике были выделены также в Западной Германии, а в 70-е годы — в Южной Корее. Однако непосредственными объектами промышленной политики становились не сами по себе отрасли, а отдельные предприятия в этих приоритетных отраслях [17, с. 45].

Это была институциональная политика выращивания “национальных лидеров экономики”. Критериями выделения одной-двух фирм в национальной экономике были: во-первых, их способность создавать мультипликативный эффект для сопряженных предприятий (сегодня это называют “взаимодействие в рамках кластеров”); во-вторых, их способность конкурировать с зарубежными фирмами на мировых рынках; в-третьих, реальное технологическое лидерство предприятия в определенных товарных группах. Например, в ФРГ в 50–60-е годы таким предприя-

тиям — лидерам отрасли предоставлялась кредитная поддержка путем рефинансирования государственными банками частных банков, которые, в свою очередь, оказывали поддержку самим этим предприятиям.

В 70-е годы в промышленной политике произошли изменения критериев, на основании которых осуществлялась поддержка отдельных предприятий отрасли. Например, в Южной Корее приоритетными стали те предприятия, где высокими были доля расходов на НИОКР и уровень менеджмента, где существовала четкая стратегия их развития, и т. п. Крупные компании, взаимодействуя с государством, определяли механизмы освоения тех производств, которые позволяли им накапливать технологические новшества, кадровые и финансовые ресурсы. В результате такого взаимодействия финансово-промышленные группы, возникшие в автомобилестроительной отрасли, постепенно охватывали другие сферы — электронику, информатику и биотехнологии [17, с. 45]. Главный итог взаимодействия государства и бизнеса — понимание того, что не существует отстающих отраслей, а существуют устаревшие технологии. Именно это утверждал известный исследователь современной теории конкуренции американский экономист М. Портер [13, с. 136–137].

Стало быть, когда в отдельных отраслях были созданы мощные корпорации, успешно конкурирующие на глобальных рынках, тогда в 90-х годах промышленная политика эволюционировала от корпоративно-отраслевой стадии к институциональной.

Государство отказалось от жестких отраслевых приоритетов, а новое влияние на бизнес начало осуществлять путем создания эффективной институциональной среды. В условиях высокодиверсифицированной структуры бизнеса в рамках корпораций стали концентрироваться также инвестиционные ресурсы, играющие ключевую роль в долговременном росте промышленности.

Итак, в высокоразвитых странах произошла эволюция государственной промышленной политики от отраслевой к *политике конкурентоспособности*.

При выработке конкурентной политики государство и бизнес выступают как равные партнеры. Именно создание эффективной инвестиционной среды, отход от отраслевых приоритетов стали заключительным этапом и современной формой промышленной политики. Это произошло уже после создания крупных ТНК в ведущих отраслях, что не было исходным пунктом такой политики.

Поэтому вопросы формирования промышленной политики в странах с формирующимися рынками (в том числе в Украине) не могут быть решены по какому-то шаблону. Они требуют внимательного изучения специфики каждой отдельно взятой страны. Уровень экономического развития национальной ресурсной базы, технологического состояния промышленности, развития конкурентных позиций в отдельных сегментах глобальной экономики государству необходимо учитывать при выработке конкретного сценария промышленной политики.

Некоторым западным исследователям, изучающим проблемы разработки промышленной политики в странах с переходной экономикой, присущи стандартные подходы, не учитывающие специфику каждой отдельной страны. Так, в рамках стандартного подхода рекомендуется сначала получить выгоду от наиболее конкурентных в данное время продуктов (например, для Украины это производство зерна). Как результат, накопленные инвестиционные ресурсы могут быть реинвестированы в отрасли с более высокой добавленной стоимостью. Ориентация же на более высокотехнологичные отрасли, не соответствующие индустриальным возможностям страны, с большой долей вероятности закончится неудачей. При этом рекомендуется определить модель социально-экономической трансформации и при-

нять меры для поэтапного усиления и развития соответствующих преимуществ [18, р. 139]. Разработчики промышленной политики должны в большей степени заботиться о том, насколько та или иная отрасль конкурентоспособна, нежели о том, насколько она высокотехнологична.

При внимательном рассмотрении этого современного теоретического подхода к промышленной политике слаборазвитых стран становится очевидным, что в его основе лежит "теория сравнительных преимуществ", изложенная Д. Рикардо в книге "Начала политической экономии и налогообложения", увидевшей свет в XIX в. [19, с. 144–150]. Поскольку текущая конкурентоспособность слаборазвитых стран ограничивается, главным образом, сырьевыми отраслями, постольку сторонники такой модели промышленной политики воспроизводят теорию Д. Рикардо, утверждающую, что это "позволяет стране полноценно специализироваться на бедности" [20, с. 151]. Подобная теоретическая позиция не может устраивать эти государства (в том числе и Украину).

Поэтому применительно к развивающимся странам и странам с переходной экономикой возникла другая концепция промышленной политики, обосновывающая тезис о том, что эти страны не должны придавать первостепенное значение своим сравнительным преимуществам на *текущий момент*. Суть такой концепции заключается в том, что промышленный капитал перетекает из отраслей с низкой добавленной стоимостью в те отрасли, где производятся товары и предоставляются услуги с большой добавленной стоимостью. В этих последних отраслях происходит активное развитие передовых технологий, что, в свою очередь, способствует научно-техническому развитию национальной экономики [21].

Сторонники такой позиции, по сути, являются приверженцами теории межотраслевой конкуренции, отражающей процессы притока промышленного капитала в более доходные отрасли. Организация именно высокотехнологичной индустрии, развитие производств с большой долей добавленной стоимости становятся главными приоритетами промышленной политики. Такие приоритеты являются формой неоиндустриального развития.

Для Украины, с ее не до конца утраченным технологическим потенциалом, приоритет в промышленной политике предприятий с наибольшим потенциалом конкурентоспособности должен стать определяющим.

Таким образом, история развития и функционирования промышленной политики показывает, что произошла ее постепенная эволюция от *отраслевой* к государственной промышленной политике повышения *конкурентоспособности*, к которой в настоящее время стремится большинство развитых и быстроразвивающихся стран. В ее выработке на правах равноправных партнеров принимают участие органы государственного управления и "корпоративный сектор".

Сегодня в странах ЕС конкурентная промышленная политика выступает в форме "новой промышленной политики", которая является основой для обеспечения устойчивого экономического роста на базе повышения конкурентоспособности отраслей реального сектора экономики *.

* Вследствие экономического кризиса 2007–2009 гг. в ЕС промышленное производство сократилось на 10%, а количество рабочих мест — на 3 млн. В то же время на долю промышленной продукции приходится более 80% европейского экспорта и 80% частных инвестиций. В соответствии со "Стратегией-2020", за счет инноваций в реальный сектор экономики планируется увеличить долю промышленности в ВВП ЕС с 15% до 20%. Поэтому в 2010–2012 гг. Европейская комиссия разработала основные направления развития *промышленной политики*. Правительства ряда европейских стран (в частности, Франции, Германии, Великобритании, Италии, Испании) обнародовали национальные среднесрочные промышленные стратегии.

Инструментами для достижения поставленных целей служат меры институционального характера, создающие условия для усиления инновационной активности фирм как способа повышения их конкурентоспособности. Поэтому следует иметь в виду, что качество институциональной среды оценивается на макро- и микроуровнях. В первом случае это качество определяется действенностью системы государственного управления, направленной на обеспечение заинтересованности в инновационных технологиях, на учетывание национальных особенностей социально-экономического и исторического развития страны. Иначе говоря, создание институциональных условий для возникновения фирм в любой отрасли, реализующей масштабные инновационные проекты как основной ресурс своей конкурентоспособности, — главная задача промышленной политики на *макроуровне*.

Такие фирмы-новаторы, являясь источником инновационных изменений для других предприятий отрасли и за ее пределами, вызывают тем самым мультипликативный эффект нововведений *. Они же заинтересованы иметь устойчивые конкурентные преимущества в форме *технологической ренты*, основным носителем которой выступает более высокая по сравнению со среднеотраслевой добавленная стоимость.

Следовательно, целью промышленной политики на макроуровне являются создание и развитие в экономике, в какой-либо ее отрасли, высокотехнологичных фирм, которые смогут обеспечить конкурентоспособность на глобальных рынках. Именно наличие таких фирм, способных осуществлять необходимые инвестиционные проекты по повышению конкурентоспособности, то есть обеспечивать расширенное воспроизводство, является необходимым институциональным элементом промышленной политики на *микроуровне*, где создаются реальные товары и услуги и обеспечивается экономический рост. Именно на такие фирмы, существующие в форме корпораций, в наиболее развитых странах приходится значительная доля финансирования на научные разработки. Так, в Японии на частные корпорации приходится 77% инвестиций в инновационные разработки, в США — соответственно, 65%, в ФРГ — 68%. В Китае этот показатель составляет 69% [23, с. 6].

Крупные компании инвестируют в инновационные разработки по следующим причинам. Во-первых, организация собственных исследовательских подразделе-

“Стратегия-2020” определила 6 основных приоритетных направлений инновационного развития европейской промышленности на ближайшие десятилетия. В их числе: 1) передовые производственные процессы (3D-технологии, энерго- и материалоеффективные процессы, возобновляемые энергоресурсы); 2) ключевые стимулирующие технологии (макро- и нанoeлектроника, новые материалы, промышленная биотехнология, фотоника, нанотехнологии, новые производственные системы); 3) продукция на основе биотехнологии; 4) устойчивые строительные и сырьевые материалы; 5) “чистые” транспортные средства; 6) “интеллектуальные” энергосистемы.

Развитие обозначенных направлений и формирование европейской промышленности будут зависеть от комплекса мероприятий институционального и рыночного характера, в числе которых:

- функционирование новых координирующих структур (включая рыночные регуляторы единого рынка, скоординированное развитие инфраструктуры, координацию научной, инновационной и кадровой политик);
- обеспечение доступа к рынкам и финансированию (включая развитие рынков промышленных товаров [22]).

Крупнейшим современным финансовым инструментом стимулирования инвестиционного развития в ЕС является семилетняя Программа “Горизонт-2010”, с общим объемом финансирования на 2014—2020 гг. в 80 млрд. евро.

* По оценкам европейских экспертов, в процессе реализации конкретных планов “Стратегии-2020” создание 100 новых рабочих мест в промышленности приведет к возникновению до 200 новых рабочих мест в других секторах экономики.

ний позволяет экономить на масштабах производства и транзакционных издержках. Во-вторых, это дает возможность получать большую часть прибыли, возникающую в результате инвестиций в инновации, через охрану прав интеллектуальной собственности. В-третьих, использование монополии на инновационные технологии обеспечивает фирмам поддержание лидирующих позиций на рынках в условиях строгого антимонопольного законодательства [23, с. 6].

Поэтому в высокоразвитых странах сама корпорация как одна из форм *института фирмы* обладает специфическими чертами. В них знания, интеллектуальный капитал становятся главным элементом активов. В этом новом типе активов все большую долю занимают научные открытия ("ноу-хау"), патенты, брэнды и т. п. Взаимоотношения с сотрудниками оформляются более гибкими контрактами. Например, в корпорации "Google" контрактами предусматривается использование трети рабочего времени на свободное творчество сотрудников. Иначе говоря, происходит отказ от жесткого контроля деятельности сотрудников, работа которых во все большей мере приобретает элементы творчества.

Приведенные черты современной фирмы отображают одну из двух тенденций в развитии корпоративного сектора в условиях глобальной конкуренции. Второй тенденцией в развитии фирм являются усиление процессов диверсификации в корпорациях и создание многоотраслевых финансово-промышленных групп. Такого рода черты характерны для корпораций стран с развивающимися рынками (Китай, Индии, Бразилии, Малайзии).

В странах, возникших на постсоветском пространстве (в том числе и в Украине), началось формирование крупных корпораций.

Финансово-экономический кризис 2007—2009 гг. в Украине показал, что именно такие многоотраслевые корпорации-холдинги оказались наиболее устойчивыми институциональными образованиями, сумевшими пережить все кризисные потрясения.

Однако в украинской экономике корпоративный сектор формируется в основном в сырьевых отраслях, на базе "традиционных" предприятий, отличающихся высокой капиталоемкостью. Такие корпорации традиционного типа имеют вертикально интегрированную структуру с жестким прямым контролем производства по цепочкам добавленной стоимости и предпочитают использовать разные формы рентного поведения, а не разрабатывать инновационные стратегии. В этом заключается главная проблема отечественных корпораций. Занимая монопольное положение на внутреннем рынке, они, хотя и уступают глобальным мировым лидерам в производстве определенных товаров, но пока еще удерживают конкурентные позиции на глобальных сырьевых рынках за счет, например, либерального природоохранного законодательства. В свою очередь, это позволяет украинским корпорациям не нести огромные расходы по восстановлению окружающей природной среды, которые для западных корпораций составляют существенную долю их производственных затрат. Также, благодаря низким издержкам по воспроизводству основного капитала и рабочей силы, им удается удерживать конкурентные позиции на глобальных рынках.

Следовательно, в украинской экономике такие важнейшие институты промышленной политики, как *фирмы, корпорации*, остаются индифферентными к нововведениям как способу повышения их конкурентоспособности. Поэтому главным недостатком всех реформ, проводимых в прошлом, была недооценка необходимых институциональных изменений, стимулирующих инновации на микроуровне, то есть на фирме, где создаются реальные материальные блага.

Стало быть, главная задача новой промышленной политики — это формирование полноценного корпоративного сектора, *восприимчивого к нововведениям* во всех секторах экономики. Достижение такой цели будет первым, но очень важным шагом в создании компаний нового типа. Для этого государственным органам необходимо решить две задачи: первую — создать для бизнеса систему стимулов к повышению инновационной активности, развитию наукоемких производств; вторую — увеличить долю инновационно активных компаний в отраслях экономики.

Мировой опыт свидетельствует, что промышленная политика не может быть независимой от экономического регулирования со стороны государства. Таким образом, промышленная политика в узком понимании — это совокупность государственных решений, стимулирующих внедрение инноваций в корпоративном секторе.

В серьезном обсуждении нуждается вопрос об институтах развития, или инновационной инфраструктуре. Например, для активизации присутствия иностранных инвесторов и трансфера передовых технологий в украинском промышленном секторе необходимо создать специальное *агентство по трансферу новых технологий* — такое агентство, которое бы, с одной стороны, принимало сигналы от бизнеса и передавало их носителям передовых технологий, а с другой, оказывало помощь, совместно с другими институтами развития (инновационными центрами, специальными банками наподобие немецкого “KfW” — “кредитного учреждения для возрождения”), в трансфере передовых технологий.

Еще одна актуальная проблема для украинского бизнеса — это превращение национальных корпораций в активных участников поиска инновационных технологий путем обеспечения открытости корпоративных структур. Сегодня они закрыты и не “прозрачны” для иностранных инвесторов. Наличие высокого внутреннего контроля активов со стороны собственников, придерживающихся консервативной политики, тормозит технологическое развитие, которое бы стало возможным с помощью иностранных технологий.

Как показывает изучение зарубежного опыта последнего десятилетия, и в европейских, и в азиатских странах в фокусе промышленной политики находятся компании, быстро растущие на основе ассимиляции инновационных достижений. С подачи американского исследователя Д. Берга, они получили название “газели”. Эти компании служат площадкой для возникновения “национальных чемпионов”, способных завоевывать национальные и мировые рынки. Примеры работы государства с этими национальными лидерами свидетельствуют, что такое взаимодействие происходит селективно, целенаправленно путем перехода от одного уровня к другому.

Исследователи промышленной политики в других странах отмечают, что создание и развитие крупных мировых компаний всегда происходили при участии государства. “Если поскрести хорошенько любого лидера мировой высокотехнологической индустрии, то обнаружится большое количество государственных генов. Как создавался тот же “Самсунг”? Это десятилетия государственной поддержки... Именно они (такого типа фирмы. — *М.И.З.*) будут выступать как технологические концентраторы, порождая и объединяя вокруг себя тот самый малый инновационный бизнес, о котором все мечтают” [24, с. 45].

Разработка национальной промышленной политики должна, с одной стороны, опираться на богатый исторический опыт высокоразвитых стран, а с другой — исходить из собственного прошлого и современного социально-экономического и политического развития страны.

Анализ исторических этапов развития промышленной политики позволяет сделать вывод о том, что в современных реалиях происходит стирание существенных различий между моделями прошлого. Появляются схожие тенденции, в частности — создание условий со стороны государства фирмам и корпорациям для повышения их конкурентоспособности на глобальных рынках.

При выработке и реализации промышленной политики применительно к украинской экономике нужен поэтапный подход. На первом этапе необходимы: во-первых, понимание безальтернативности неоиндустриализации как политическим классом, так и бизнесом; во-вторых, осознание того, что модернизация может стартовать и в таком "исходном пункте", в каком пребывает отечественная промышленность (следует лишь четко понимать цели и этапы самого движения, о чем свидетельствует опыт реализации активной промышленной политики во многих странах); в-третьих, учитьтвание того обстоятельства, что из-за нехватки инвестиционных ресурсов для модернизации промышленности на первом этапе важно создать институты и механизмы технологического заимствования (о чем свидетельствует опыт Китая, который в начале своей модернизации на протяжении 10–15 лет осуществлял ее путем технологического заимствования). На первом этапе роль государства в процессе выработки промышленной политики может ограничиваться созданием рыночных институтов и условий для формирования корпораций, накопления ими финансовых ресурсов для инвестиций, поддержки конкурентной среды. На втором этапе, когда уже заработают рыночные институты и у государства будут накоплены финансовые ресурсы, станет возможным переход к поддержке активной инновационной промышленной политики фирм, утвердившихся на глобальных рынках.

Список использованной литературы

1. *Гуриев С., Плеханов А., Сонин К.* Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. — 2010. — № 3. — С. 12.
2. *Мау В.* Между модернизацией и застоем экономической политики 2012 года // Вопросы экономики. — 2013. — № 2. — С. 8.
3. *Вишневский В.* Промышленная политика: теоретический аспект // Экономика Украины. — 2012. — № 2. — С. 4–15; № 3. — С. 25–35.
4. *Гец В.М.* Барьеры на пути развития промышленности на инновационной основе и возможности их преодоления // Экономика Украины. — 2015. — № 1. — С. 4–25.
5. *Рассади́на А.* Промышленная политика как фактор структурной трансформации // Экономист. — 2015. — № 7. — С. 30–42.
6. *Толкачев С.* Две модели неоиндустриализации: Германия — "индустриализация 4.0", США — "Промышленный интернет" // Экономист. — 2015. — № 9. — С. 13–23.
7. *Khan M.* The Industrial Policy. Governance Challenge // SOAS, University of London. German Development Institute, Bonn, 2014. — September. — P. 1–9.
8. *Петлевой В.* Металл без спроса // Ведомости. — 2015. — 25 декабря.
9. *Яременко Ю.В.* Приоритеты структурной политики и опыт реформ. — М. : Наука, 1999. — С. 9–10.
10. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. — М. : Европа, 2005. — С. 39.
11. *Мельянце́в В.А.* Обзор дискуссии // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. — № 10. — С. 105.
12. *Салицкий А.И.* Обзор дискуссии // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. — № 10. — С. 106.

13. Портер М. Конкуренция. — М. : Издательский дом “Вильямс”, 2005. — С. 362.
14. Худокормов А.Г. История экономических учений. Глава 21. § 2. Кейнсианские концепции “большого толчка”. — М. : Инфра — М, 1998. — С. 451–459.
15. Гугняк В.Я. Институциональная парадигма в политической экономике на примере Франции. — М. : Наука, 1999. — С. 64.
16. Мюрдаль Г. Современные проблемы “третьего мира”. — М. : Прогресс, 1972. — С. 181, 232.
17. Кондратьев В. Государство и корпорации в стратегии глобальной конкурентоспособности // Международные процессы. — 2006. — № 3. — С. 45.
18. Lin J. New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy. — Washington, DC : World Bank, 2012. — P. 139.
19. Рикардо Д. Начала политической экономики и налогообложения. — Т. 1. — Глава 7. — М. : Госполитиздат, 1955. — С. 144–150.
20. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. — М. : Высшая школа экономики, 2013. — С. 151.
21. Lin J., Chang Ha-J. Should Industrial Policy in Developing Countries Conform to Comparative Advantage or Defy it? A Debate between Justin Lin and Ha-Joon Chang // Development Policy Review. — 2009. — № 27 (5). — P. 483–502.
22. Шелюбская Н.В. Новые приоритеты промышленной политики: опыт стран Западной Европы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : VPK.name/news/124357_noxtie_prioritety_promxis//poeikiki_opyit_stran_zapadnoi_evropyi.html.
23. Иванова Н.И. Инновационная политика: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. — 2016. — № 1. — С. 6.
24. Механик А. Селекция и отбор // Эксперт. — 2016. — № 6. — С. 45.

References

1. Guriev S., Plekhanov A., Sonin K. *Ekonomicheskii mekhanizm syr'evoi modeli razvitiya* [The economic mechanism of a raw-material model of development]. *Vopr. Ekonom.* — *Quest. of Economy*, 2010, No. 3, p. 12 [in Russian].
2. Mau V. *Mezhdru modernizatsiei i zastoem ekonomicheskoi politiki 2012 goda* [Between a modernization and a stagnation of the economic policy of 2012 year]. *Vopr. Ekonom.* — *Quest. of Economy*, 2013, No. 2, p. 8 [in Russian].
3. Vishnevskii V. *Promyshlennaya politika: teoreticheskii aspekt* [Industrial policy: theoretical aspect]. *Ekonomika Ukrainy — Economy of Ukraine*, 2012, No. 2, pp. 4–15; No. 3, pp. 25–35 [in Russian].
4. Heyets V.M. *Bar'ery na puti razvitiya promyshlennosti na innovatsionnoi osnove i vozmozhnosti ikh preodoleniya* [Barriers on a way of development of the industry on the innovative basis and possibilities to overcome them]. *Ekonomika Ukrainy — Economy of Ukraine*, 2015, No. 1, pp. 4–25 [in Russian].
5. Rassadina A. *Promyshlennaya politika kak faktor strukturnoi transformatsii* [Industrial policy as a factor of the structural transformation]. *Ekonomist — Economist*, 2015, No. 7, pp. 30–42 [in Russian].
6. Tolkachev S. *Dve modeli neoindustrializatsii: Germaniya — “industrializatsiya 4.0”, SShA — “Promyshlennyyi internet”* [Two models of neoindustrialization: Germany — “industrialization 4.0”, the USA — “Industrial internet”]. *Ekonomist — Economist*, 2015, No. 9, pp. 13–23 [in Russian].
7. Khan M. The Industrial Policy. Governance Challenge. SOAS, University of London, German Development Institute, Bonn, September 2014, pp. 1–9.

8. Petlevoi V. *Metall bez sprosa* [Metal without demand]. *Vedomosti — Statements*, December 25, 2015 [in Russian].
9. Yaremenko Yu.V. *Prioritety Strukturnoi Politiki i Opyt Reform* [Priorities of the Structural Policy and the Experience of Reforms]. Moscow, Nauka, 1999, pp. 9–10 [in Russian].
10. List F. *Natsional'naya Sistema Politicheskoi Ekonomii* [Das Nationale System der Politischen Ökonomie]. Moscow, Evropa, 2005, p. 39 [in Russian].
11. Mel'yantsev V.A. *Obzor diskussii* [Review of a discussion]. *Mir. Ekon. i Mezhdun. Otnosh. — World Econ. and Intern. Relat.*, 2015, No. 10, p. 105 [in Russian].
12. Salitskii A.I. *Obzor diskussii* [Review of a discussion]. *Mir. Ekon. i Mezhdun. Otnosh. — World Econ. and Intern. Relat.*, 2015, No. 10, p. 106 [in Russian].
13. Porter M. *Konkurentsiya* [On Competition]. Moscow, Vil'yams, 2005, p. 362 [in Russian].
14. Khudokormov A.G. *Istoriya Ekonomicheskikh Uchenii. Glava 21. § 2. Keinsianskie kontseptsii "bol'shogo tolchka"* [History of Economic Doctrines. Chapter 21. Section 2. Keynesian conceptions of a "big push"]. Moscow, Infra — M, 1998, pp. 451–459 [in Russian].
15. Gugnyak V.Ya. *Institutsional'naya Paradigma v Politicheskoi Ekonomii na Primere Frantsii* [The Institutional Paradigm in Political Economy by the Example of France]. Moscow, Nauka, 1999, p. 64 [in Russian].
16. Myrdal G. *Sovremennyye Problemy "Tret'ego Mira"* [Modern Problems of "the Third World"]. Moscow, Progress, 1972, pp. 181, 232 [in Russian].
17. Kondrat'ev V. *Gosudarstvo i korporatsii v strategii global'noi konkurentosposobnosti* [State and corporations in the strategy of global competitiveness]. *Mezhdun. Prots. — Intern. Process.*, 2006, No. 3, p. 45 [in Russian].
18. Lin J. *New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy*. Washington, DC, World Bank, 2012, p. 139.
19. Ricardo D. *Nachala Politicheskoi Ekonomii i Nalogooblozheniya* [On the Principles of Political Economy and Taxation]. Vol. 1, Chap. 7. Moscow, Gospolitizdat, 1955, pp. 144–150 [in Russian].
20. Reinert E. *Kak Bogatye Strany Stali Bogatymi, i Pochemu Bednye Strany Ostayutsya Bednymi* [How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, Publ. House of the State Higher School of Economy, 2013, p. 151 [in Russian].
21. Lin J., Chang Ha-J. Should industrial policy in developing countries conform to comparative advantage or defy it? A debate between Justin Lin and Ha-Joon Chang. *Develop. Policy Rev.*, 2009, No. 27 (5), pp. 483–502.
22. Shelyubskaya N.V. *Novyye priority promyshlennoi politiki: opyt stran Zapadnoi Evropy* [New priorities of the industrial policy: the experience of countries of the West Europe], available at: [VPK.name/news//124357_noxtie_priority_promxis//poeikiki_opyt_stran_zapadnoi_evropyi.html](http://vpk.name/news//124357_noxtie_priority_promxis//poeikiki_opyt_stran_zapadnoi_evropyi.html) [in Russian].
23. Ivanova N.I. *Innovatsionnaya politika: teoriya i praktika* [Innovative policy: theory and practice]. *Mir. Ekon. i Mezhdun. Otnosh. — World Econ. and Intern. Relat.*, 2016, No. 1, p. 6 [in Russian].
24. Mekhanik A. *Selektsiya i otbor* [Selection and sampling]. *Ekspert — Expert*, 2016, No. 6, p. 45 [in Russian].

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 338.2

А. С. ФИЛИПЕНКО,
*профессор, доктор экономических наук,
профессор кафедры мирового хозяйства и международных экономических отношений
Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко*

НАРОДНАЯ, СОЛИДАРНАЯ ЭКОНОМИКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ЭСКИЗ

Рассмотрены вопросы альтернативных экономических систем, актуальность которых особенно остро ощущается в начале XXI в., что обусловлено, с одной стороны, исчерпанием ресурсов и источников традиционного индустриального развития передовых стран мира, а с другой – неудачами социально-экономических трансформаций постсоциалистических стран. Обосновано, что главными составляющими альтернативной модели народной, солидарной экономики являются народное мировоззрение, народный суверенитет и солидарность.

Ключевые слова: экономическая модель, народность, солидарность, кризис, трансформация, модернизация.

A. S. FILIPENKO,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Professor at the Department of World Economy and International Economic Relations,
Institute of International Relations,
Taras Shevchenko National University of Kiev*

NATIONAL AND SOLIDARITY ECONOMY: CONCEPTUAL SKETCH

The article considers alternative economic systems, the relevance of which is particularly acute at the beginning of the XXI-st century. This is caused by the depletion of resources and sources of a traditional industrial development of the developed countries, on the one hand, and by the failures of socio-economic transformations of the post-socialist countries, on the other one. It is shown that the main components of an alternative model of national and solidarity economy are the national world outlook, national sovereignty, and solidarity.

Keywords: economic model, nationality, solidarity, crisis, transformation, modernization.

Идея создания в Украине народной экономики возникла еще на заре независимости, когда благодаря теоретическому видению трансформационных процессов стартовые возможности представлялись равными в контексте отношений собственности, управления, доступа к различным ресурсам и т. д. “Учитывая исторические традиции, ментальность нашего народа, очевидно, наиболее оптимальной моделью для Украины является создание народной экономики, которая предусматривала бы возможность самореализации каждым гражданином своего права собственности и на рабочую силу, и на средства производства” [1, с. 19].

© Филипенко Антон Сергеевич (Filipenko Anton Sergeevich), 2016; e-mail: anton_filipenko@ukr.net.

Однако механическое введение в Украине либеральной рыночной экономики на основе принципов Вашингтонского и поствашингтонского консенсуса без учета всего комплекса украинских реалий привело к созданию в стране политико-экономической системы, чуждой историческим традициям народа. Единственной альтернативой предыдущей модели, которая способна предотвратить повторение ситуаций 2004–2005 гг., 2008–2009 гг. и 2013–2014 гг., является формирование принципиально новой модели экономики — народной, солидарной экономики. Термин “народная экономика” впервые применил венецианский монах Гиамария Ортез в 1774 г. [2, S. 228]. В отечественном языковом пространстве чаще употребляют термин “национальная экономика”. В связи с этим сошлемся на мнение итальянского интеллектуала А. Грамши, который отмечал, что “во многих языках “национальное” и “народное” являются синонимами или почти синонимами” [3, с. 165].

Целью статьи является теоретическое, концептуальное обоснование предпосылок, механизмов и инструментов трансформации нынешней экономической системы Украины в соответствии с вызовами и параметрами эпохи постмодерна, с одной стороны, и национальными, историческими, ментальными и другими особенностями отечественного социума — с другой.

Учение о социальной солидарности и двух ее разновидностях — “механической солидарности” и “органической солидарности” — как важных чертах эпохи модерна сформулировал французский социолог Э. Дюркгейм [4, с. 114, 118, 140, 182]. Принцип солидарности был провозглашен после Второй мировой войны, и касался он международной торговли и других форм мирохозяйственных связей. В ноябре 2006 г. в Берлине прошел конгресс “Солидарная экономика в глобализированном капитализме”, в котором приняли участие 1400 человек [5, S. 118].

Основными детерминантами, обуславливающими возможность и необходимость развития народной, солидарной экономики, являются: социально-исторические (социально-экономическое устройство Киевской Руси и Запорожской Сечи, отсутствие большого социального расслоения между представителями украинской нации в течение последних 1000 лет), ментальные (народное мировоззрение: свободомыслие, индивидуализм, честь, достоинство, справедливость), высокий уровень образованности населения, отсутствие взаимоотношений “работодатель — наемный работник” в советское время, широкая информатизация современной экономической жизни (социальные сети) и др.

Основными императивами трансформации существующей экономической системы на основе модели народной, солидарной экономики, выступают острые противоречия, отрицательные социально-экономические последствия глубокого расслоения в обществе, люмпенизации значительной части населения, сползание страны на маргинальные позиции в мировом экономическом пространстве, человеческие и территориальные потери, порожденные существующей моделью экономики и общества. В период независимости в Украине де-факто создана мальтузианская модель экономики, при которой перманентно происходит снижение ВВП на душу населения *. Фактически Украина находится в мальтузианской ловушке, единственным выходом из которой является трансформация действующей экономической системы.

* Г. Кларк называет мальтузианской моделью ситуацию, при которой в стране не растет или даже снижается показатель ВВП на душу населения [12, р. 31]. В Украине, начиная с 1990 г., ВВП на душу населения снизился с 6023 дол. до 2081,04 дол. в 2014 г., но это произошло не за счет опережающего роста населения по сравнению с ВВП, по Мальтусу, а вследствие существования анемичной, вялотекущей, асимметричной экономической системы [13, р. 111].

Проблемы поиска альтернативных экономических моделей в целом и социальной, солидарной экономики в частности в последнее время широко обсуждаются в экономической литературе, на международных конференциях, социальных форумах [5–11]. Социальная модель является устоявшейся, испытанной на практике, теоретически и методологически обоснованной в рамках онтологических и эпистемологических координат эпохи позднего модерна. Теоретическое обоснование данной модели осуществлено немецкой научной школой ордолиберализма, а ее практическое воплощение — канцлером Л. Эрхардом. В настоящее время существуют континентальная, северная (скандинавская), англо-саксонская и средиземноморская социальные модели, которые различаются между собой по характеру и уровню предоставления социальных услуг. Однако в последнее время социальная модель подвергается критике в связи с жестким режимом экономии в странах ЕС после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и сокращением социальных услуг в формате государства благосостояния (*welfare state*). Как определенная альтернатива предлагается модель социальной, солидарной экономики (ССЭ), которая является в большей степени человеко- и экологоориентированной, содержит признанные ценности, направлена на сотрудничество, солидарность, демократическое управление, автономию государства, бизнеса и рыночных институций. Речь идет о своеобразной синергии социальной и солидарной экономик, которые дополняют друг друга и формируют модель, которая может стать альтернативой капитализму, с одной стороны, или “троянским конем” либерализма XXI в. — с другой. Такую модель называют пластичной, экономикой участия, смешанной и др. Она может принимать горизонтальный, вертикальный и комбинированный (трансверсальный) уровни. Горизонтальный уровень отражает деятельность микропредприятий, кооперативов и других подобных форм, позволяющих их членам решить проблемы преодоления бедности, безработицы, обеспечивающих доступ к материальным и финансовым ресурсам, участие в тренингах и др. Вертикальный уровень означает возможность и необходимость эффективного функционирования бизнес-структур ССЭ на основе известной формулы “затраты — выпуск” путем присоединения к стоимостным цепочкам высшего качества (обрабатывающая промышленность, экспорт, распределение, торговля, новые товары и технологии). На данном уровне, как видим, к предприятиям социально-солидарного сектора экономики выдвигаются достаточно жесткие требования в контексте производительности, технологичности, конкурентоспособности. Комбинированный, или трансверсальный, уровень требует использования диверсифицированной стратегии, направленной не только на взаимодействие с партнерами по производству, но и на установление связей с потребителями, с местным населением. Мировая практика свидетельствует о наличии успешных проектов центров ССЭ с крупным бизнесом, который также развивается в общем русле социализации общественных процессов в условиях постмодерна.

Собственно, солидарная экономика не имеет единой теоретической и методологической основы. Как отмечалось, она рассматривается, с одной стороны, как составляющая социальной или народной экономики и ассоциируется с работами и практической деятельностью социалистов-утопистов Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Прудона и других. С другой стороны, подчеркивается трансформационная функция солидарной экономики, которая реализуется через создание альтернативных капитализму форм производства, потребления, финансов и т. д. [10, р. 117–118]. Таким образом, принципиальное различие между социальной и солидарной моделями экономики заключается в том, что первая предусматривает включение в со-

циально-экономические процессы широких слоев населения, вторая — подразумевает трансформацию действующей капиталистической системы путем постепенного, но неуклонного внедрения альтернативных экономических форм, которые движутся снизу вверх (bottom-up approach).

Солидарная экономика базируется на трех основных принципах, которые исторически сопровождали обмен и развитие рыночных отношений, — рыночных принципах, при которых спрос и предложение на товары и услуги согласовываются на основе цен; перераспределении, которое предусматривает делегирование центральной власти полномочий по использованию и размещению ресурсов; взаимности (реципрокности), корреспондирующей с отношениями между группами или индивидами, которые отвечают взаимностью, поскольку выражают желание демонстрировать социальную связь между участниками экономического процесса. Следует отметить, что данные принципы постулируются в современных экономических изданиях по солидарной экономике, но сформулированы они в трудах А. Смита, К. Поланьи, К. Леви-Стросса.

Особенность отечественной альтернативы действующей экономической системе состоит в необходимости осуществления трансформации в направлении народной, солидарной экономики на двух главных ступенях — макро- и микроуровнях. Народная экономика охватывает целостное национальное хозяйство как систему, солидарная — отдельные первичные секторы, звенья, объединения (народные предприятия, кооперативы, фермерские хозяйства, ассоциации, некоммерческие организации, волонтерские объединения и т. д.).

Народная, солидарная экономика опирается на три основополагающих принципа: народное мировоззрение, народный суверенитет и солидарность. Народность является своеобразием каждого народа, которое обусловлено его историческим развитием, географическими, экономическими, политическими и другими условиями жизни. Народность — это национальная самобытность народа, и проявляется она в его характере. Близким к народности понятием является и народоведение как наука о жизни, обычаях, обрядах и духовном творчестве народа. И. Франко писал: "Ведь познать народ, значит познать людей, проживающих на определенной территории, а также узнать их настоящее и прошлое положение, их физические и умственные особенности, их институты и экономическое положение, их торговые отношения и интеллектуальные связи с другими народами" [14, с. 254]. М. Ковалевский утверждает, что народное хозяйство не представляет собой в действительности чего-то изолированного, самобытного; оно — экономическая сторона народной жизни [15, с. 123]. Д. Чижевский, рассматривая украинский народный характер и мировоззрение, подчеркивает: "Народное мировоззрение является национально обусловленным отношением данного народа к миру и жизни. Оно проявляется и в том, что этот народ в мире любит, чего в жизни он избегает, что в человеке выше оценивает, к чему относится отрицательно и т. д." [16, с. 14].

Еще одна составляющая народности — народный суверенитет — означает, что народу принадлежит вся суверенная полнота власти на территории страны, право самому решать свою судьбу непосредственно или через представительские органы, участвовать в реализации политики своего государства, контролировать деятельность органов государственной власти. В данном определении акцент делается на взаимоотношениях гражданина и государства. Экономический аспект народного суверенитета предполагает наличие экономических прав в плане свободного доступа к различным ресурсам на рыночных принципах, владение собственностью, участие в распределении создаваемого продукта и т. д.

Солидарность как третья фундаментальная черта народной экономики ассоциируется, прежде всего, с определениями Э. Дюркгейма об органичной солидарности, основанной на общественном разделении труда. Современный вариант солидарности дополнен такими признаками, как справедливость, достоинство, добровольное сотрудничество, равноправие, взаимопомощь, личная безопасность и др. Преодоление периодических трансформационных кризисов экономического и политического характера возможно только путем осуществления широкомасштабной, глубокой модернизации экономики и общества в Украине на принципах общественной солидарности. Выступая 20 ноября 2014 г. на Второй международной конференции по вопросам питания, Папа Римский Франциск отметил, что одним из вызовов современному человечеству выступает нехватка солидарности в обществах, которые характеризуются растущим индивидуализмом и разделением. Солидарность наделяет людей способностью идти навстречу ближнему и побуждает заботиться о всеобщем благе. Принципы солидарности имеют глубокие исторические корни. Они в разных формах провозглашались отечественными и зарубежными мыслителями и поэтами. Вспомним вечно живое Шевченковское: “Полюбите щирим сердцем Велику руїну, Розкуйтеся, братайтеся!..”, “Обніміться ж, брати мої, Молю вас, благаю” [17, с. 288, 294]. Философские, научные основы солидарности заложены в творчестве Г. Сковороды, в его философии сердца. Данная проблематика нашла свое отражение и в трудах М. Ковалевского. Различные аспекты солидарности рассматривали О. Конт, Г. Спенсер и другие. Солидарность, солидаризм — чрезвычайно важные компоненты успешной реализации трансформационных процессов в бывших социалистических странах.

Предметом данного анализа выступает, безусловно, экономическая солидарность, которая проявляется на микро-, макро- и геоэкономическом уровнях. В литературе по вопросам солидарной экономики преобладают исследования на микроуровне, когда создаются самоуправляющиеся предприятия семейного типа, кооперативные, народные, коммунальные предприятия, развивается социальный бизнес. Опыт такого солидарного предпринимательства накоплен не только в бедных странах (Бангладеш), но и в ряде развитых стран (США, Великобритании, Канаде и др.). Сейчас в мире насчитывается около 800 тыс. кооперативов, ассоциаций, других форм солидарной экономики, в которых заняты 813,5 млн. чел. Активы данных предприятий составляют 18,8 трлн. дол., а ежегодные доходы — 2,4 трлн. дол. [8, р. 3]. Как свидетельствует статистика, центры солидарной экономики с различными национально-историческими и экономическими особенностями создают определенное “созвездие” от Бразилии до Австралии, от Скандинавских стран до Южной Африки.

В основе такой солидарности микроуровня лежит процесс производства общественных благ. Солидарность проявляется в консолидированной совместной деятельности с целью реализации общих целей и задач на базе согласованного принятия норм и правил общественного (гражданского) объединения, общих нравственных смыслов, норм и ценностей. Чрезвычайно высоко оценивал такую форму солидарности Э. Дюркгейм, подчеркивая, что это “источник жизни *sui generis*. От него (источника) идет тепло, согревающее и вдохновляющее сердца, притягивающее их друг к другу, растапливающее лед эгоизма” [4, с. 32]. Сложнее реализуются принципы солидарности на макро- и геоэкономическом уровнях. На макроуровне, то есть на уровне государства, принципы солидарности заключаются, прежде всего, в создании необходимых и достаточных предпосылок для реализации сущностных сил личности, в частности свободного доступа к ресурсам с целью развития предпринимательства. Согласно социологическим опросам, около 50% украинцев хотят заниматься малым

и средним бизнесом. Практика развитых стран показывает, что именно данная категория граждан составляет основу экономической и политической системы общества. Укреплению солидарных отношений способствуют справедливая судебная система, надежная защита прав собственности, устранение коррупции и т. д. Важной составляющей солидарности также является социальная защита экономически уязвимых категорий населения: инвалидов, людей преклонного возраста, сирот и т. д.

На геоэкономическом уровне три разновидности торговли на основе принципов солидарности получили развитие после Второй мировой войны: благотворительность религиозных организаций, оказание помощи беженцам и другим жертвам войны, государственное содействие со стороны развитых стран (декады развития ООН, Ломейские конвенции ЕС — АКТ и др.). Актуальными и сейчас остаются положения о справедливой торговле, эквивалентном обмене, улучшении условий торговли между развитыми и развивающимися странами и т. д.

Экономическая структура народной, солидарной экономики ориентирована, прежде всего, на нужды и интересы широких слоев населения. Краеугольным камнем народной, солидарной экономики должны стать демократизация и социализация отношений собственности в направлении обеспечения реального участия в управлении ею трудовых коллективов, миноритарных инвесторов, формирование трудовой кооперативной собственности, наполнение реальным содержанием муниципальной собственности, собственности территориальных общин всех уровней для эффективного решения местных проблем на принципах субсидиарности, передача в управление граждан жилых домов на основе кооперации со специализированными учреждениями жилищно-коммунального хозяйства, внедрение современных форм рыночных земельных отношений. В конечном счете речь идет об органичном взаимодействии государственной, акционерной и кооперативной (народной) собственности, в рамках которых реализуются интересы работников-совладельцев (народные предприятия), работников-акционеров (акционерные предприятия) и наемных работников на государственных предприятиях с законодательным обеспечением твердых социально-экономических гарантий. Демократизация и социализация форм собственности создают реальную почву для децентрализации власти и управления, широкого привлечения населения к решению его собственных проблем, формированию действенного гражданского общества. На основе трансформации собственности формируется новая система межбюджетных отношений между центром и регионами, между регионами и местными общинами. Осуществление научно-технической, промышленной, структурной политики происходит в основном за счет использования экономических стимулов с целью концентрации бюджетных средств для обеспечения таких отраслей, как оборона, безопасность государства и его граждан, образование, наука, здравоохранение и т. д. Главными требованиями к деятельности всех типов предприятий, финансовых и банковских учреждений, государственных институций всех уровней должны стать прозрачность, подотчетность, доступность информации для акционеров, широкой общественности. Нужно создать механизмы демополизации и де бюрократизации экономической жизни, минимизации коррупции. Развитие конкурентной среды, повышение социальной мобильности граждан также являются важными составляющими народной экономики.

Процесс формирования народной, солидарной экономики предусматривает широкомасштабную, глубокую модернизацию экономики и общества в Украине. Почему именно сегодня нужна модернизация, чем обусловлена необходимость осовременивания экономической и других сфер жизни? Во-первых, нужно преодолеть тяжелое экономическое наследие советских времен, когда экономика

Украины в составе единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР была подчинена выполнению задач союзного центра с акцентом на преимущественном развитии отраслей тяжелой и оборонной промышленности. Другие сферы экономики имели второстепенное значение и уже тогда ощутимо отставали от лучших мировых образцов в техническом, технологическом, организационном и других измерениях. Во-вторых, во времена независимости технико-технологический уровень национальных предприятий продолжал падать. Если передовые страны развивают свое производство на базе V и VI технологических циклов, то наши производители довольствуются уровнем III или IV. В-третьих, нынешняя модель экономического развития, создав определенные предпосылки для повышения деловой активности, повлекла за собой серьезные и глубокие социальные диспропорции в огромных размерах, обострив до предела социальное неравенство, поправ нормы социальной справедливости и др. В-четвертых, по сравнению с 1990-ми годами, Украина утратила свои позиции по основным макроэкономическим и социальным показателям: ВВП на душу населения, индексу человеческого развития, рейтингам конкурентоспособности, продолжительности жизни и т. д. Эти и другие важные причины и факторы жестко поставили на повестку дня вопрос модернизации экономики и общества как средства приостановления дальнейшей деградации страны, ее “сползания” на периферию мирового хозяйства и создания предпосылок для постепенного приближения по основным показателям к группе развитых стран мира.

Еще одна позиция модернизационного процесса следует из теории компенсации. Немецкий автор Е. Гакке пишет: “Компенсация означает воссоздание ситуации (состояния) путем замещения или компенсации позиций (результатов)” [18, S. 77]. В модернизационном процессе Украина должна, во-первых, компенсировать свою субъектность и окончательно утвердиться как член международного сообщества, чего она была лишена последние 700–800 лет. Во-вторых, компенсации подлежат ожидания широких слоев населения, особенно молодежи, от Оранжевой революции 2004 г. и Революции достоинства 2013–2014 гг. В-третьих, определенная прослойка людей преклонного возраста, к которым в последнее время добавились граждане других возрастных категорий Востока Украины, нуждаются в компенсации от якобы потерь, которые они понесли в результате распада СССР.

Ключевым вопросом модернизации являются ценности, в контексте которых она осуществляется, и ее промежуточные и конечные цели. В широком цивилизационном измерении в развитых капиталистических странах, в деятельности ведущих международных финансовых организаций доминирующими остаются либеральные ценности, которые исповедуют свободу, демократию, рыночное экономическое устройство, гражданское общество, обеспечение прав человека и гражданина, и т. д. Данные принципы вошли в Конституцию Украины и другие важные государственные документы. Однако, как показывает мировой опыт, либерализм как политико-экономическое течение эпохи модерна исчерпывает свой исторический, креативный потенциал из-за накопления (под его непосредственным влиянием) таких острых социально-экономических, политических, экологических и других проблем, которые невозможно решить в системе либеральных координат. В связи с этим модернизация, которая ориентируется исключительно на либеральные ценности, с самого начала обречена быть догоняющей и бесперспективной, что, по словам У. Черчилля, означало бы конец начала.

Должны ли быть отброшены в процессе модернизации ценности, задекларированные на знаменах буржуазных революций несколько веков назад? Очевидно, нет, но они сами нуждаются в модернизации согласно вызовам нынешней эпохи.

Приоритетное значение в настоящее время приобретают такие универсальные ценности, как развитие, социальная справедливость, экономическое равенство, человеческое достоинство, доступ к образованию, безопасность. Кроме того, каждая нация, каждый народ унаследовали собственные ценности, которые составляют их своеобразный генетический код. Важно также учесть сакральные ценности, прежде всего, христианской этики. Таким образом, в контексте ценностей можно классифицировать отечественную модернизацию как либерально-консервативную, основанную на универсальных, цивилизационных и собственных ценностях.

Остановимся на центральном звене модернизации в Украине, то есть экономике. Практика показала бесперспективность существующей экономической модели, в пределах которой нет необходимых и достаточных условий для реформирования. Она нуждается в радикальной трансформации. Во-первых, в ней отсутствуют внутренние, имманентные источники, факторы и механизмы устойчивого сбалансированного развития, что подтверждает вялотекущая динамика за последнюю почти четверть века. Во-вторых, действующая экономическая система чрезвычайно уязвима к внешним шокам, что проявилось во время финансовых кризисов 1997–1998 гг. и 2008–2009 гг. В-третьих, она не препятствует углублению социального расслоения, росту неравенства, социальной несправедливости и другим негативным явлениям. В-четвертых, отечественная экономическая система сужает возможности хозяйственного взаимодействия с внешним миром и получения на этой основе дополнительных источников для решения экономических и социальных проблем. Особенно это касается сотрудничества с ЕС и другими развитыми странами мира.

Выводы

Какой же должна быть модернизация экономической системы? Как уже отмечалось, в существенном упорядочении нуждаются отношения собственности. Результаты приватизации государственных и коммунальных предприятий устраивают разве что их нынешних собственников (примерно 10% населения Украины). Абсолютно неучтенными остаются права миноритарных инвесторов, то есть подавляющего большинства населения страны. Открытость, прозрачность, доступность, а главное, возможность получить свою долю в прибыли должны быть гарантированы мелкому совладельцу предприятия. Особенно актуальны данные принципы накануне формирования рынка земли. При определенных условиях возможны реприватизация и национализация собственности. К экономическим измерениям модернизации относятся также развитие емкого, основанного на национальном разделении и кооперации труда внутреннего рынка; формирование, в том числе на принципах государственно-частного партнерства, современных предпринимательских структур, способных на равных конкурировать на мировых рынках; создание реальных предпосылок для развития малого и среднего бизнеса, развертывание современных сетевых экономических систем, направленных на достижение синергетического эффекта в пределах национальной и международной стоимостной цепочки.

Наконец, следует сказать о производственно-технологических приоритетах модернизации. Иногда они считаются едва ли не главным компонентом модернизации. Действительно, реальные ресурсы жизнедеятельности общества создаются именно в производственно-технологической сфере, но без четкой формулировки и осознания ценностей и целей, без осовременивания экономической системы простое наращивание ресурсов может только обострять социальные противоречия. Например, такие страны, как Египет, Тунис, Ливия, Сирия, охваченные социальными беспорядками, в последние десятилетия развивались достаточно стабильными темпами и получали одобрительные оценки со стороны МВФ. Предлагаем взять за основу

концепцию новой структурной экономики и выделить две группы приоритетных отраслей модернизационного направления, которые будут нуждаться в соответствующей государственной поддержке: отрасли — локомотивы экономического развития и отрасли, которые имеют сравнительные, конкурентные и выявленные преимущества на международных рынках. К первой группе относятся энергетика, машиностроение, жилищное строительство, инфраструктура, информационная сфера; ко второй — ракетно-космический комплекс, авиа- и судостроение, военно-промышленный комплекс, аграрный сектор, транзит, информационно-компьютерные технологии, программное обеспечение, образовательные услуги и т. д.

Главными составляющими модели народной, солидарной экономики должны стать: новая институциональная структура, способная обеспечить на макроуровне необходимый коридор свободы для экономической самоорганизации населения и формирования центров солидарной экономики на микроуровне; демократические (транспарентные) отношения собственности с последующим их распространением на максимально широкий круг субъектов; современная индустриальная система, основу которой формируют мобильные средние и малые предприятия при оптимизации крупного бизнеса; динамичная аграрная сфера, “зеленая” экономика, цивилизованный рынок земли; сбалансированная, не зависящая от внешних кредиторов финансовая и денежно-кредитная система; стимулирующий инновационный механизм, который будет органично взаимодействовать с мировыми инновационными сетями; региональная децентрализация на основе принципов subsidiarity; скорректированная на ЕС, поиск и закрепление новых рынков, эффективная внешне-экономическая стратегия, модернизированная в условиях нового качества гражданского общества социальная и гуманитарная политика.

Список использованной литературы

1. *Филипенко А.* Цивилизационные детерминанты украинской экономической модели // Экономика Украины. — 1994. — № 4. — С. 11–19.
2. *Klosinski K.A.* Wprowadzenie do ekonomii w epoce globalizacji / in: Europa Wschodnia ; [pod redakcja H. Laszkiewicza Ireny Wodzianowskiej]. — Lublin, 2012. — 312 s.
3. *Грамші А.* В'язничні зошити. Вибрані записи ; [пер. з італ.]. — К. : Вид-во Вперед, 2014. — 241 с.
4. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда ; [пер. с франц.]. — М. : Канон, 1996. — 318 с.
5. *Notz G.* Theorien alternativen Wirtschaftens. Fenster in eine andere Welt. — Stuttgart : Schmetterling Verlag, 2012. — 278 s.
6. *Corneo G.* Bessere Welt: Hat der Kapitalismus ausgedient? Eine Reise durch alternative Wirtschaftssysteme. — Berlin : Goldberg, 2014. — 367 s.
7. *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century. — London, 2014. — 632 p.
8. Social and Solidarity Economy. Beyond the Fringe ; [ed. by P. Utting.]. — London, 2015. — 386 p.
9. *Stiglitz J.E.* The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. — New York, 2012. — 482 p.
10. The Solidarity Economy Alternative. Emerging Theory and Practice ; [ed. by V. Satgar]. — Pietermaritzburg, 2014. — 318 p.
11. *Yunus M., Weber K.* Building Social Business. The New Kind of Capitalism that Serves Humanity's Most Pressing Needs. — New York : Public Affairs, 2010. — 226 p.
12. *Clark G.* A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. — Princeton and Oxford : Princeton Univ. Press, 2007. — 420 p.

13. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. — Paris, 2003. — 273 p.
14. Франко І. Найновіші напрямки в народознавстві / Збір. тв. у 50 томах. — Т. 45. — К., 1986. — 542 с.
15. Ковалевский М.М. Социология. — СПб., 1997. — 384 с.
16. Чижевський Д. Філософські твори у чотирьох томах. — Т. I. — К. : Смоло-
скуп, 2005. — 378 с.
17. Шевченко Т. Кобзар. — К. : Дніпро, 1982. — 647 с.
18. Hacke J. Philosophie der Bürgerlichkeit. Die liberalkonservative Begründung der
Bundesrepublik. — Göttingen, 2008. — 482 s.

References

1. Filipenko A. *Tsivilizatsionnye determinanty ukrainskoi ekonomicheskoi modeli* [Civilizational determinants of the Ukrainian economic model]. *Ekonomika Ukrainy — Economy of Ukraine*, 1994, No. 4 [in Russian].
2. Klosinski K.A. Wprowadzenie do ekonomii w epoce globalizacji, in: Europa Wschodnia, edited by H. Laszkiewicz, I. Wodzianowska. Lublin, 2012.
3. Gramsci A. *V'yaznychni Zoshyty. Vybrani Zapysy* [Selections from the Prison Notebooks]. — К., Vpered, 2014 [in Ukrainian].
4. Durkheim E. *O Razdelenii Obshchestvennogo Truda* [De la Division du Travail Social]. Moscow, Kanon, 1996 [in Russian].
5. Notz G. Theorien alternativen Wirtschaftens. Fenster in eine andere Welt. Stuttgart, Schmetterling, 2012.
6. Corneo G. Bessere Welt. Hat der Kapitalismus ausgedient? Eine Reise durch alternative Wirtschaftssysteme. Berlin, Goldberg, 2014.
7. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. London, 2014.
8. Social and Solidarity Economy. Beyond the Fringe, edited by P. Utting. London, 2015.
9. Stiglitz J.E. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. New York, 2012.
10. The Solidarity Economy Alternative. Emerging Theory and Practice, edited by V. Satgar. Pietermaritzburg, 2014.
11. Yunus M., Weber K. Building Social Business. The New Kind of Capitalism that Serves Humanity's Most Pressing Needs. New York, Public Affairs, 2010.
12. Clark G. A Farewell to Alms. A Brief Economic History of the World. Princeton and Oxford, Princeton Univ. Press, 2007.
13. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, 2003.
14. Franko I. *Nainovishi Napryamky v Norodoznavstvi. Zibr. tv. u 50 tomakh* [The Newest Directions in the Ethnography. Collection of works in 50 volumes]. Kyiv, 1986, Vol. 45 [in Ukrainian].
15. Kovalevskii M.M. Sotsiologiya [Sociology]. St.-Petersburg, 1997 [in Russian].
16. Chyzhevs'kyi D. *Filosofs'ki Tvory u 4-kh tomakh* [Philosophical Works. In 4 volumes]. Smolockyp Kyiv, 2005, Vol. 1 [in Ukrainian].
17. Shevchenko T. *Kobzar* [A Folk Singer with Kobza]. Kyiv, Dnipro, 1982 [in Ukrainian].
18. Hacke J. Philosophie der Bürgerlichkeit. Die liberalkonservative Begründung der Bundesrepublik. Göttingen, 2008.

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК: 338.486(477)

Ю. Ю. ЮРЧЕНКО,
доцент, доктор экономических наук
(Киев)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В УКРАИНЕ

Рассмотрены такие функции туризма, как социальная и гуманитарная. Отмечена роль внутреннего туризма в качестве мощного стимула процессов национальной самоидентификации. Предложено практическое решение научно-прикладной проблемы коренной трансформации, совершенствования методологии и основных направлений глубоких преобразований в системе въездного и внутреннего туризма, в том числе алгоритм формирования Программы развития внутреннего туризма в Украине. Представлены предложения по формированию “дорожной карты” и современных институций туристической сферы деятельности.

Ключевые слова: туризм, въездной и внутренний туризм, стейкхолдеры, “дорожная карта”, модель развития, резервы развития, инновационные структуры.

Yu. Yu. YURCHENKO,
Assoc. Professor, Doctor of Econ. Sci.
(Kiev)

CONCEPTUAL DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM IN UKRAINE

Such functions of tourism as social and humanitarian ones are considered. The article emphasizes the role of domestic tourism as a powerful incentive to the process of national self-identity. A practical solution of the scientific applied problem of fundamental transformation and improvement of the methodology and the main directions of substantial changes in the system of inbound and domestic tourisms, as well as the algorithm of formation of the Program of development of domestic tourism in Ukraine, is proposed. Some suggestions on the formation of a “roadmap” and modern institutions of the tourism industry are presented.

Keywords: tourism, inbound and domestic tourism, stakeholders, “roadmap”, model of development, reserves of development, innovative structure.

Положение, в котором оказалась Украина вследствие политических неурядиц, тяжелым бременем сказалось на экономической жизни как общества в целом, так и каждой семьи и продолжает ухудшаться из-за отсутствия понимания необходимости единства власти, бизнеса, науки и образования, потребности создания новых механизмов их взаимодействия в решении ключевых проблем подъема экономики и обеспечения ее устойчивого развития. Нет также общего взгляда на действующие инструменты для формирования общенациональной и региональных стратегий развития.

Оценивая общее состояние экономики Украины с позиций перспектив присоединения к ЕС, становится очевидным следующее: чтобы занять достойное место в историческом развитии государств, национальная экономика должна в максимально сжатые сроки преодолеть эволюционную спираль и войти в качественно иное состояние. Пути выхода из кризиса также известны: они сводятся к количественному и качественному обновлению отечественного производства, созданию конкурентоспособного продукта. Но на фоне финансового кризиса, на наш взгляд, следует обратить внимание на наименее уязвимые или вообще не влияющие на бюджетные расходы секторы развития, в частности туризм, который Законом Украины еще в 1995 г. признан одним из приоритетных направлений развития экономики и культуры *.

Соглашаясь со всеми экономическими расчетами, фактами и цифрами ученых-исследователей по поводу низкой доли доходов от туризма, с тем, сколько мы теряем и сколько можем заработать, сколько дополнительных рабочих мест может быть создано и т. д., и отдавая должное научным достижениям ученых, следует подчеркнуть, что проблема выявлена, она теоретически обоснована, но история не оставляет нам времени на дальнейшие раздумия. Нам крайне необходима стратегия прорыва на основе инновационной и научной составляющих в туристическом секторе экономики.

Таким образом, **цель статьи** — практически решить научно-прикладную проблему коренной трансформации, усовершенствовать методологию существенных преобразований в системе въездного и внутреннего туризма.

Главный показатель эффективности туристической отрасли — это получаемый страной доход от предоставления туристических услуг. Так, в 2014 г. страны мира получили от въездного туризма 1245,4 млрд. дол., наибольшие поступления — в Европе, доля которой в общем их объеме составляет 40,86% (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение регионов и стран мира
по показателям развития туризма в 2014 г. ***

Регионы и страны	Поступления от въездного туризма (млн. дол.)	Доля в общем объеме поступлений (%)
Европа.....	508897	40,86
в том числе:		
Южная и Средиземноморье (Испания, Италия, Турция, Греция, Израиль, Кипр и др.).....	199249	16,0
Западная (Франция, Германия и др.).....	171074	13,74
Северо-Западная (Великобритания и др.)	80850	6,49
Центральная и Восточная.....	57725	4,63
Азиатско-Тихоокеанский регион (Китай, Таиланд, Австралия, Индия, Япония и др.).....	376 815	30,26
Америка (США, Канада, Карибы и др.)....	273996	22,00
Средневосточный регион (Египет и др.)....	49303	3,96
Африка.....	36432	2,92
Всего.....	1245443	100,00

* Рассчитано автором по: Отчет Всемирной туристической организации (UNWTO) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284416899>.

Как показано в таблице 1, среди европейских стран наименее развит туризм в Центральной и Восточной Европе, на которые приходится только 4,63% от объема

* Про туризм : Закон України від 15.09.1995 р. № 324/95-ВР [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/324/95-вр/page>.

мировых поступлений. Речь идет об 11 бывших советских республиках (РФ, Азербайджане, Грузии, Украине, Литве, Эстонии, Казахстане, Армении, Латвии, Беларуси, Молдове) и 6 постсоветских странах (Польше, Чехии, Венгрии, Болгарии, Словакии, Румынии). Украина в этом списке занимает 10-е место с поступлениями от въездного туризма в 2014 г. (всего 1,61 млрд. дол., 0,13% от общего объема). Польша за тот же год получила 10,9 млрд. дол., Чехия — 6,7 млрд. дол., Венгрия — 5,9 млрд. дол. и т. д., хотя эти страны по площади, численности населения и количеству рекреационных ресурсов уступают Украине *. Выгодное географическое положение Украины в Европе, природные рекреационные ресурсы, богатое и разнообразное культурное наследие, дворцово-парковые ансамбли и другие архитектурные объекты, ряд которых входит в список Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО, являются свидетельством огромного потенциала (пока незадействованного) развития отечественного туризма.

Что касается внутреннего туризма, то в 2014 г. субъектами туристической деятельности было реализовано гражданам Украины для путешествия в пределах страны 233922 путевки общей стоимостью 1,64 млрд. дол., что почти совпадает с поступлениями от въездного туризма **.

Еще в 2002 г. въездной и внутренний туризм был признан Государственной программой развития туризма на 2002—2010 годы приоритетным видом деятельности, являющимся “важным фактором повышения качества жизни в Украине, создания дополнительных рабочих мест, пополнения валютных запасов государства и повышения его авторитета на международной арене... существенно влияет на такие секторы экономики, как транспорт, торговля, связь, строительство, сельское хозяйство, производство товаров широкого потребления, и является одним из самых перспективных направлений структурной перестройки экономики” ***. В настоящее время актуализируются такие функции туризма, как социальная и гуманитарная, что обусловлено следующими факторами: общество “культурно и политически расколото”, отсутствие понимания единых цели и видения будущего, то есть национальной идеи. Поэтому именно внутренний туризм может стать мощным стимулом для национальной самоидентификации, “цементирования” нации.

Интенсификация коммуникативных процессов, не виртуальное, а реальное познание культурного, исторического, архитектурного наследия, ресурсного потенциала своей страны может не только интеллектуально и духовно обогатить, но и изменить потребительское отношение граждан к своей стране на конструктивно-творческое, запустить мотивационный механизм построения желаемой модели государства, дать возможность почувствовать свою принадлежность к большой семье — Украине — и воспринимать ее как свой дом, как достояние следующих поколений, прекратить процесс “утечки умов”. Системная, мощная, грамотная и широкомасштабная популяризация внутреннего туризма, его потенциала может переориентировать специалистов, предпринимателей, перспективные кадры, ищущие варианты применения своих способностей на “более благодарной почве” и при “более благоприятном климате”, где есть все условия для самореализации, в сторону Украины,

* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/97892844176899>.

** Туристична діяльність в Україні у 2014 р. / Державна служба статистики України [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

*** Про затвердження Державної програми розвитку туризму на 2002—2010 роки : Постанова Кабінету Міністрів України від 29.04.2002 р. № 583 [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/583-2002-п>.

где они смогут реализовывать свой интеллектуальный, предпринимательский и творческий потенциал. Поэтому именно внутренний туризм способен стать полноценным участником формирования национального курса развития экономики.

С учетом этого заслуживает внимания исследование теоретико-методологических подходов и практических действий по созданию стратегий развития туризма в разных странах. В частности, в Европе туризм — это объект повышенного внимания, что объясняется значительными объемами поступлений от въездного туризма и тем, что это наиболее популярное направление путешествий в мире. Поэтому программы развития туристической отрасли разрабатываются на государственном уровне. Так, в Испании развитие туризма курирует Национальное агентство по туризму "Turespasa" * вместе с министерством промышленности, энергетики и туризма, в Италии — Национальное агентство по туризму **. Туристическая отрасль во Франции ориентируется на составленный Агентством развития туризма "Atout France" *** маркетинговый пятилетний план (2010–2015) в рамках общей глобальной стратегии (2010–2020) ****. Правительство Великобритании при участии Национального туристического агентства "VisitBritain" ***** определило для себя амбициозную стратегию развития въездного туризма на 2012–2020 гг.: планируется ежегодно привлекать до 40 млн. туристов *****.

Программы имеют много общего, а их базовыми ориентирами являются:

- преодоление проблем, основными из которых являются охрана и безопасность (экологическая, политическая и социальная); безопасность проживания и питания; социально-культурные угрозы устойчивому развитию; сезонность туристического продукта; трудности в поиске и сохранении квалифицированного персонала; удовлетворение цивилизационных запросов в сфере IT-разработок;

- стремление стран Европейского Союза к лидерству на рынке туристических услуг как внутри него, так и на мировом рынке;

- достижение поставленных задач с помощью таких инструментов, как улучшение международного позиционирования, узнаваемости и усиления бренда — ключевого актива экономики; государственно-частное сотрудничество и взаимная ответственность; максимальная ориентация на клиента; знания и компетенции в туристическом секторе; поощрение инноваций в управлении туристическим бизнесом; систематический мониторинг и контроль развития туристического сектора экономики *****.

Максимальная ориентация на клиента стала ключевой при разработке Программы развития туризма в Италии при участии Национальной обсерватории по туризму *****. Так, в 2014 г. запущен новый туристический продукт "Сделано в Италии", ориентированный на восемь европейских рынков, на которые приходится 50% туристов: Германия, Австрия, Чехия, Польша, Франция, Скандинавия, Великобритания и

* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.tourspain.es/es-es/Paginas/index.aspx>.

** [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.enit.it/it/>.

*** [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://atout-france.fr/>.

**** [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://atout-france.fr/publications/strategie-destination-france-2010-2020>.

***** [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.gov.uk/government/organisations/visitbritain>.

***** [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.visitbritain.org/britain-tourism-strategy>.

***** [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://ec.europa.eu/growth/sectors/tourism/policy-overview/index_en.htm.

***** [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ontit.it/opencms/opencms/ontit/index.html>.

Россия. Его идея состоит в индивидуальном подходе, удовлетворении ожиданий и пожеланий каждого иностранного гостя относительно обслуживания “на заказ” *. Великобритания в стратегии развития туризма делает акцент на партнерстве государства и частного сектора, что играет ключевую роль в индустрии туризма.

Заслуживает внимания принятая 18 сентября 2015 г. в Польше Программа развития туризма до 2020 года, разработанная министерством спорта и туризма. Будучи содержательной, она определяет главную цель развития туризма, стратегические и оперативные задачи. Среди них можно выделить экотуризм, переход на “зеленую” энергетику, создание функциональных структур для координации и развития (Национального центра по управлению туризмом (KCZT) при министерстве спорта и туризма, Национального центра государственно-частного партнерства в сфере туризма и Обсерватории туризма), проведение научно-исследовательских работ в туристической сфере, управление качеством туристического продукта, сертификацией услуг **.

Следует отметить, что разработанные индивидуальные программы развития международного туризма вписываются в общеевропейскую стратегию развития туристического сектора, а запланированные мероприятия по его устойчивому развитию и компетенции подкреплены средствами специальных европейских фондов, таких, как Европейский фонд регионального развития (ERDF), Европейский социальный фонд (ESF), Европейский фонд управления сельским хозяйством (EAFRD) и др. *** [15].

В целом исследования показали, что программы развития туризма разных стран имеют много общего в принципах, задачах и базовых ориентирах, но сам процесс решения задач во многом зависит от достигнутого уровня развития туризма в определенной стране. Поэтому в Украине в условиях современного финансового состояния глобальное обновление туристического сервиса, по нашему мнению, может происходить постепенно, а начинать следует с актуализации и популяризации внутреннего туризма. С учетом этого фундаментальное переформатирование отечественной туристической отрасли должно начинаться с алгоритма формирования Программы развития внутреннего туризма в Украине, который условно включает восемь последовательных этапов:

- 1) мониторинг состояния и развития внутреннего туризма в Украине;
- 2) выявление основных групп факторов среды, влияющих на туристическую деятельность;
- 3) определение основных стейкхолдеров, их градация и алгоритм взаимодействия;
- 4) построение проблемосодержащей модели внутреннего туризма в Украине и определение проблеморешающих резервов;
- 5) структурно-логическая схема построения проблеморешающей модели;
- 6) ключевые цели, драйверы и ресурсы формирования “дорожной карты”;
- 7) создание “дорожной карты” развития внутреннего туризма;
- 8) формирование инновационной структуры управления развитием туристического бизнеса в Украине, где бы объединялись все участники туристического бизнеса, государственные структуры, наука и образование.

На первом этапе в рамках проведения мониторинга состояния и развития внутреннего туризма в Украине предложена комплексная программа из следующих ана-

* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ontit.it/opencms/opencms/ont/it/stampa/in_evidenza/Enit_Made_in_Italy.

** [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.msport.gov.pl/strategie-turystyka>.

*** [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ec.europa.eu/growth/tourism-funding-guide>.

литических модулей с использованием стандартного экономико-статистического инструментария:

- экономико-статистический анализ для определения динамики рынка туристических услуг, его состава и структуры (создание единой электронной базы и оценка реестра объектов, которые реализуют туристический продукт, и их дислокации; кадастра рекреационных ресурсов туризма; данных инвентаризации природных и историко-культурных ресурсов и др.);

- социально-экономический анализ для выявления факторов конструктивного и деструктивного влияния туризма на развитие экономики (исследование экономических отношений туристической сферы деятельности с другими хозяйственными комплексами, определение степени удовлетворенности качеством предоставляемых услуг);

- сравнительный анализ для адаптации и использования мирового опыта в отечественной среде (монографические исследования предприятий с высоким уровнем организации операций, новых форматов и типов, инноваций в туристической сфере; формирование банка научно-практического материала по функционированию предприятий туризма за рубежом);

- анализ инновационной активности для определения степени развития и распространения современных типов предприятий, внедрение новых технологий управления (достигнутый уровень организационно-технического развития, формы и методы обслуживания клиентов; характеристика материально-технической базы и инфраструктуры).

Целью второго этапа является иерархизация факторов влияния по степени и направлению, формирование алгоритма реагирования на факторы внешней среды, разработка мероприятий, которые бы блокировали дестабилизирующие факторы, разработка системы управления факторами внутренней среды. При этом целесообразно внешнюю среду разделять на общую и деловую. Так, внешняя общая среда — это экономические условия, развитие потребительского рынка, политическая ситуация, правовая, технико-технологическая, природно-географическая и социокультурная среда, аналитические институты: система информационного обмена, единое информационное пространство. Внешнюю деловую, или рабочую, среду формируют предприятия сферы деятельности "туризм", потребители, финансовые учреждения, акционеры и инвесторы, транспортные предприятия, предприятия питания, рекламный компонент стимулирования сбыта туристического продукта; органы государственного и общественного контроля, разрешительные организации. Внутренняя среда — это материально-технические (материально-техническая база и т. д.); финансовые (наличие достаточного объема оборотных средств) и трудовые (менталитет, квалификация, креативность, мотивация) ресурсы; эффективное управление (менеджмент, маркетинг, логистика управления туристическими потоками); инновации (инновационная активность предприятий сферы туризма).

На третьем этапе с помощью существующих алгоритмов строим структурно-логистическую схему анализа и управления стейкхолдерами в сфере туризма с целью достижения баланса интересов всех стейкхолдеров. Алгоритм содержит стандартные последовательные действия: в первую очередь выделяем основные группы влияния, обобщаем их типовые интересы, осуществляем градацию стейкхолдеров, оцениваем возможность, заинтересованность во влиянии, систематизируем, выявляем высокоприоритетные стейкхолдеры, разрабатываем алгоритм взаимодействия с ними, то есть устанавливаем партнерские отношения.

Четвертый этап – построение проблемосодержащей модели туризма в Украине и определение проблеморешающих резервов – может иметь вид итоговой матрицы SWOT-анализа, где учитывается внутренняя, внешняя общая и деловая среда. При этом позиция “негативное влияние” на основе выявленных параметров состояния, иерархии факторов влияния, существующих трендов развития туризма и элементов его среды содержит проблематику модели: потенциальные угрозы и дестабилизирующие факторы развития туризма.

“Положительное влияние” имеют выявленные существующие и потенциальные проблеморешающие ресурсы (Р), а также меры, блокирующие дестабилизирующие факторы развития туризма.

Структурно-логическая схема построения проблеморешающей модели, составляющей пятый этап, представлена на рисунке.

Структурно-логическая схема построения проблеморешающей модели

Что касается последнего, то нами определены ключевые цели, драйверы и ресурсы в формировании “дорожной карты” (шестой этап), представленные в таблице 2.

Базовыми ресурсами (Р) драйверов являются:

- трудовые (менталитет, квалификация, креативность, мотивация);
- административно-правовое и экономическое государственное регулирование;

- государственная концепция развития, создание “дорожной карты”;
- государственное участие (полное или частичное) в создании, финансировании туристических проектов;
- образование и наука;
- мировой опыт;
- мощная рекламная поддержка;
- “изобретения” логистики, IT-технологий менеджмента в направлении рационализации туристических потоков и решения “тревел”-задач;
- создание аналитической базы данных развития туризма и др.

Таблица 2

Ключевые цели и драйверы в формировании “дорожной карты” *

Цели (Ц)		Драйверы (Д)	
Ц1	Рост въездного туристического потока	Д1	Качество туристического продукта
		Д2	Креативность туристического продукта, инновации в туристическом бизнесе
		Д3	Привлекательная ценовая политика
		Д4	Внедрение европейских стандартов
		Д5	Формирование привлекательного имиджа страны
		Д6	Интеллектуальная интеграция туризма, науки и образования в рамках новой инновационной структуры “Тревел-парк Украина”. (Содержательная нагрузка авторского названия инновационной структуры далее по тексту)
		Д7	Мощная маркетинговая поддержка, активная рекламная кампания национального туристического продукта на государственном уровне
		Д8	Формирование единой информационно-аналитической платформы предприятий туристической сферы страны в рамках инновационной структуры “Тревел-парк Украина”
		Д9	Улучшение инвестиционного климата
		Д10	Всестороннее стимулирование предпринимательской активности в сфере туристического бизнеса
		Д11	Другие
Ц2	Увеличение внутренних туристических потоков	Д12	Охват туристическими услугами максимального количества регионов Украины
		Д13	Формирование мотивационного механизма роста привлекательности внутреннего туризма. Инновационный подход к формированию туристического продукта
		Д14	Освоение новых сегментов рынка туристических услуг
		Д15	Переориентация сферы интересов граждан Украины в сторону национальной культуры, искусства, архитектуры, истории
		Также Д1 – Д11	

* Разработано автором.

Общая модель “дорожной карты” развития внутреннего туризма в Украине (седьмой этап) представляет собой графическую визуализацию этапов трансформации сферы туристической деятельности с целью достижения “желаемого будущего” туризма согласно сформулированным целям и привязке к фактору времени. “Дорожные карты” должны существовать отдельно для всех видов туризма. Лично для каждого драйвера (Д) должны быть построены карты-маршруты, которые последовательно приведут к установленной совокупности целей. Так, формирование положительного имиджа Украины (Д5) базируется на решении следующих ключевых задач:

- преодоление негативного информационного фона;
- продвижение национального туристического продукта на государственном уровне;
- заключение с рядом стран договоров о проведении “месяца Украины” в столицах этих государств с широкой, активной презентацией туристической и сувенирной продукции;
- активное сотрудничество с иностранными СМИ в освещении событий, которые положительно влияют на имидж страны.

Охват туристическими услугами максимального количества регионов Украины (Д12) предусматривает в депрессивных либо не охваченных туристическими предложениями районах:

- формирование объектов концептуального туристического ресурса, искусственные аттракции на основе конкурсных проектов идей для данного региона и реализации их в доступном масштабе (на микро-, мезо- и макроуровнях);
- интенсивное использование такого вида кратковременного отдыха, как “уик-энд” (круглогодично планировать на региональном уровне события выходного дня за городом, максимально задействуя при этом имеющиеся основные фонды санаторно-курортных комплексов, баз отдыха и т. д.);
- передача законсервированных туристических объектов (или объектов, которые могут быть задействованы в этой сфере) заинтересованным субъектам на определенных условиях с целью их восстановления и ввода в эксплуатацию с последующим осуществлением предпринимательской деятельности в сфере туризма.

Эти меры могут решить острые вопросы трудоустройства переселенцев из зоны АТО и АР Крым, большая часть которых – мощный предпринимательский ресурс – активные, креативные, энергичные, трудоспособные кадры. Многие из них в прошлом – успешные частные предприниматели.

Освоение новых сегментов рынка туристических услуг (Д14) предполагает:

- содействие развитию малораспространенного, интегрированного с фермерством сельскохозяйственного (“зеленого”) туризма;
- определение желаемого целевого сегмента потребителей туристических услуг (как внутренних, так и внешних), их ментальных особенностей, покупательских предпочтений целевой аудитории; на основе установленных преимуществ, потребительского спроса формирование бизнес-предложения для совместного инвестирования в определенный туристический проект;
- разработку и внедрение на конкурсной основе проектов эксклюзивных мероприятий на территории Украины, закрепление и отработку подобных мероприятий национального масштаба с выходом на международный уровень.

Изменение сферы интересов граждан Украины в сторону национальной культуры, искусства, архитектуры, истории (Д 15) может быть достигнуто в том числе за счет:

- массовых мероприятий по рекламе туристических ресурсов Украины. Это может быть медиа-проект “Украина – визитная карточка”, созданный с целью восстановления идентичности, изменения вектора туристических предпочтений в направлении познания собственной страны. Проект может состоять из нескольких частей – визитных карточек каждого региона Украины и иметь следующую структуру: история региона, рекреационные ресурсы, привлекательные туристические объекты и события, известные исторические факты, особенности культуры, традиций, кухни, национального костюма и др.

Предваряя восьмой этап, следует отметить, что бизнес, государственные органы управления, наука, образование чаще всего сосуществуют в параллельных измерениях

и редко пересекаются. Инновационные процессы протекают недостаточно интенсивно. Чтобы расширить плоскость взаимных интересов субъектов рынка туристического продукта, объединить их усилия в рамках экономического развития, необходимо интегрировать их в единое территориально-информационное пространство. Такой структурой может стать "Тревел-парк Украина" — "интеллектуальное ядро", которое рассматривается как интеграция науки, образования и бизнеса и представляет собой пространственную среду, где объединяются все участники инновационного процесса: наука, туристический бизнес, инвесторы, образование, основными целями создания которого являются интенсификация, расширение и оптимизация туристических потоков, сбалансирование интересов всех стейкхолдеров туристической сферы деятельности.

Предпосылками создания концепции "Тревел-парк Украина" являются:

- недостаточный уровень маркетинговой поддержки внутреннего туризма;
- отсутствие единого информационного поля;
- свободные, часто невостребованные ресурсы научных кадров, нерезализованные результаты научных исследований, проведенных учеными в сфере эффективного функционирования туризма.

Концепция организации "Тревел-парк Украина" должна содержать:

- цель создания;
- формы государственной поддержки и государственного участия в его деятельности;
- структурную модель;
- основные принципы функционирования, среди которых — партнерство между центральными и государственными органами на местах, научными учреждениями, бизнесом и общественностью, которое закреплено соглашением о партнерстве;
- функциональное назначение и структуру управления;
- этапы и участников реализации проекта.

Создание структур, подобных "Тревел-парк Украина", будет иметь важное государственное значение и рассматриваться в рамках приоритетных национальных программ [1, с. 323].

Функциональное назначение инновационной структуры управления развитием туристического бизнеса в Украине представлено в таблице 3.

Таблица 3

Структура и функции "Тревел-парка Украина" *

Структурные центры	Функции
Информационно-аналитический	Формирование единого банка данных, единого информационного пространства для всех участников (субъектов) туристической отрасли, единой системы информационной поддержки всех участников "тревел-парков", а также связей между ними. Управление качеством информационной среды. Проведение мероприятий, направленных на формирование положительного имиджа национального туристического продукта
Инновационный	Генерирование идей развития туристического бизнеса. Формирование концептуальных направлений, стратегических приоритетов, "дорожной карты" развития туризма. "Функция активации" — стимулирование динамизма деятельности туризма, продуцирование импульсов развития туристической сферы деятельности. Создание банка инновационных проектов и потребностей. Формирование благоприятной среды для интенсификации инновационных разработок, укрепление интеллектуального потенциала страны

Окончание таблицы

Коммуникационный	Проведение “круглых столов”, конференций, презентаций новых разработок. Налаживание международных и интенсификация внутренних связей
Консультационный	Широкий спектр консультационных услуг предпринимателям в сфере туристического бизнеса по экономическим, маркетинговым, правовым и другим вопросам
Инвестиционный	Экспертная оценка новизны, целесообразности, инвестиционной привлекательности новых проектов. Отбор, аккумуляция жизнеспособных, перспективных новаций для их дальнейшей коммерциализации. Поиск инвесторов для реализации конкретных проектов-инноваций
Образовательный	Обеспечение эффективной, взаимовыгодной кооперации отечественной науки с бизнесом, разработка новых подходов достижения интегрированного потенциала этих взаимосвязей. Содействие укреплению интеллектуального потенциала, коммерциализации идей, повышению конкурентоспособности образовательного комплекса. Проведение мастер-классов, семинаров, стажировок специалистов, в том числе за рубежом. Интенсификация конструктивного обмена новациями в научно-образовательном комплексе. Передача инновационных технологий, информации о научно-образовательном комплексе заинтересованных субъектов предпринимательства. Содействие трудоустройству и реализации интеллектуального потенциала выпускников профильных вузов

* Разработано автором.

Выводы

Туризм — один из видов деятельности, модернизация которого не требует глобальных бюджетных вливаний. Потенциал внутреннего и въездного туризма, с учетом широкого спектра рекреационных ресурсов Украины, очевиден. Его развитие способно решить не только экономические, но и важные социальные и политические задачи. В условиях разногласий между выбранным Украиной европейским вектором развития и заостренностью институциональных принципов экономики туристическая сфера нуждается в “стратегии прорыва”, которая будет результатом объединения усилий административного ресурса, бизнеса, научного и образовательного секторов. Следует отметить, что для воплощения предложенных мер необходима качественная “режиссура” на государственном уровне в виде привлечения многоотраслевого менеджмента. Это объясняется тем, что туристический продукт кроме проживания, передвижения и питания содержит художественную, творческую, креативную, а сегодня и политическую, национально-патриотическую составляющие. Украина как объект туризма должна стать привлекательным многогранным туристическим брендом, преодолеть стереотипы представления о нашей стране только как о “лубочной пасторали”. Поэтому это не только задача Министерства экономического развития и торговли Украины, но и Министерства информационной политики Украины, Министерства культуры Украины, Министерства социальной политики Украины, Министерства молодежи и спорта Украины и рекламы в СМИ. Предоставление реформированию туристической сферы статуса национального проекта позволит достичь желаемого результата и вывести туристический бизнес на достойный уровень.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2015 г.
и была обновлена 25 сентября 2015 г.

ФИНАНСЫ. НАЛОГИ. КРЕДИТ

УДК 336.339

В. В. КОЗИУК,
*профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой экономической теории
Тернопольского национального экономического университета*

ПРЕДПОСЫЛКИ И ГЛОБАЛЬНЫЕ МАКРОФИНАНСОВЫЕ ЭФФЕКТЫ АКТИВНОГО ПОРТФЕЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА ВАЛЮТНЫХ РЕЗЕРВОВ

Выявлена тенденция к усилению концентрации владения резервами и смещения кривой распределения в сторону более высоких объемов владения ими. Доказано, что дистанция между оптимальными и медианными резервами влияет на характер управления ими и имеет соответствующие глобальные макрофинансовые эффекты. Раскрыты отличия влияния на глобальные макрофинансовые процессы активного управления резервами на уровне медианного центробанка и центробанка со значительным владением их объемами.

Ключевые слова: валютные резервы, внешние активы центробанков, активное портфельное управление, глобальные макрофинансовые условия, глобальная нестабильность, резервные валюты.

V. V. KOZIUK,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Chair of Economic Theory,
Ternopol' National Economic University*

PRECONDITIONS AND GLOBAL MACROFINANCIAL EFFECTS OF THE ACTIVE PORTFOLIO MANAGEMENT OF CURRENCY RESERVES

The tendency to an increase in the reserve holding concentration and to a shift of the distribution curve to the side of higher volumes of holding them is revealed. It is proved that the distance between the optimum and median reserves influences the character of their management and has the corresponding macrofinancial effects. The differences in the effects on the global macrofinancial processes of active management of reserves on the levels of a median central bank and a central bank with significant holding of their volumes are clarified.

Keywords: currency reserves, external assets of central banks, active portfolio management, global macrofinancial conditions, global instability, reserve currencies.

Устойчивые темпы накопления глобальных валютных резервов продолжают фокусировать на себе обеспокоенность перспективами стабильности глобальных макрофинансов. Будучи воплощением национально-центрического видения самых простых способов сочетания выгод от глобальной финансовой интеграции с внутренней макрофинансовой стабильностью, экспансия внешних активов центробан-

ков стран с формирующимися рынками изменила фактическую модель функционирования международной валютной системы. Если традиционно проблемы уязвимости и инфляционного смещения последней плотно привязывались к дискреционным возможностям и односторонним действиям эмитентов резервных валют, то сегодня распространение таких возможностей и влияний на страны, накапливающие резервы, в корне меняет матрицу вероятных сценариев развития глобальных монетарных процессов. С одной стороны, дискреционные возможности как для эмитентов резервных валют, так и для накопителей резервов открывают путь к монетарной конфронтации, эквивалентной валютным войнам, при том, что ограничения системного уровня (то есть вмонтированные в структуру глобального монетарного устройства регуляторы и рестрикции односторонних действий) уже длительное время фактически нивелированы, и мир лишь наблюдает за проявлениями новых возможностей в сфере национально-центрической политики ключевых глобальных акторов. С другой — с определенного уровня накопления резервов их объем перестает быть нейтральным по отношению к способности “капитализировать” выгоды от владения значительными официальными внешними активами в виде поддержки макрофинансовой стабильности, глобальной конкурентоспособности, имплицитного страхования в системе внешних суверенных и частных заимствований и т. д.

Рыночная структура предложения резервных валют (активов) становится естественным барьером для отрыва выгоды от владения значительными резервами от потерь, особенно в условиях смещения мотивов такого владения в сторону сегментации. Появление фискальных потерь, риски неудачной диверсификации, сохранение стоимости внешних активов в условиях гибких валютных курсов, чрезмерная ликвидность внутреннего финансового сектора — хорошо известные спутники гонки за резервами. Изменения в мотивах управления последними в ответ на новые риски от владения ими в значительных объемах, между тем, порождают новые системные эффекты на уровне глобальной экономики. Следует четко различать активный менеджмент резервов отдельных стран, владеющих ими в наиболее концентрированном виде, и ситуацию, когда активный портфельный подход начинает реализовывать медианный центробанк. При этом трактовка активного подхода изменилась. Если вначале под ним понималось стремление повысить доходность в пределах устоявшегося класса активов (высококачественные суверенные долговые обязательства), то в настоящее время активное управление предполагает увеличение допустимых классов активов, гибкое изменение структуры размещения в разрезе классов активов, хеджирование кредитных, процентных, валютных рисков и т. д. В свете сказанного постановка вопроса и теоретико-дедуктивный анализ глобальных макрофинансовых эффектов активного портфельного менеджмента валютных резервов весьма актуальны.

В экономической литературе проблема активного подхода к управлению суверенными внешними активами традиционно ассоциировалась с распространением и быстрым развитием индустрии фондов суверенного богатства. Функционирование последних на принципах инвестиционного менеджмента стало производной от выявления четких монетарных и структурных лимитов значительного притока капиталов, вследствие чего “вытеснение” части абсорбированных внешних поступлений за пределы национальной финансовой системы рассматривалось как важный шаг по замедлению внутренней инфляции, предотвращению переоценки реального эффективного курса, избежанию чрезмерной ликвидности финансового сектора и др. Усилившиеся дебаты по поводу глобальных макрофинансовых эффектов функционирования фондов суверенного богатства до глобального финан-

сового кризиса и сразу после него еще не выявили потенциальной вероятности того, что на подобную схему управления внешними активами могут перейти и центробанки [1; 2]. Однако передача отдельными странами, например Сингапуром и Китаем, части валютных резервов в активное управление специализированным инвестиционным компаниям продемонстрировала, что фонды суверенного богатства больше интегрированы в глобальные монетарные процессы, а доходность активов в управлении может значительно превышать доходность традиционных резервных активов [3].

Развитие исследований проблемы социальных потерь от владения масштабными резервами как реакция на соответствующий опыт азиатских стран дало возможность увидеть, что существуют специфические источники уязвимости, преодолеть которые можно на уровне изменения модели менеджмента резервов. Кроме того, они не тождественны макрофинансовой уязвимости страны, связанной с уже накопленными резервами. Например, размещение резервов в традиционных резервных активах приводит к повышению альтернативных потерь от владения ими. Низкая доходность таких активов в совокупности с повышением риска колебаний валютных курсов влечет за собой прямые фискальные потери. Чем масштабнее резервы, тем сильнее ограничена способность страны равновесно повышать валютный курс, поскольку за этим стоит падение стоимости внешних активов в национальной валюте (от англ. *conflict of virtues* — так называемый "конфликт достоинств") [4; 5; 6]. Однако, если риски доходности и сохранения стоимости могут быть компенсированы за счет совершенствования техник управления резервами, то уязвимость страны, выраженная в чрезмерной внутренней ликвидности, экспансии внешних заимствований (стабильность валютного курса, имплицитное страхование благодаря резервам и т. д.) и давления на реальный эффективный курс, не может быть снижена только изменениями принципов менеджмента внешних активов. Изменения необходимы в базовых основах монетарной политики и соответствующей структурной адаптации страны к более гибкому валютному курсу и более низким темпам прироста резервов. Между тем, хотя накопление резервов планировалось как самострахование и сохранение глобальной конкурентоспособности и было призвано укрепить таким образом финансовую стабильность, риск колебания стоимости внешней позиции стран с формирующимися рынками признается чуть ли не самым значительным [7], что, естественно, ставит вопрос о том, как его предотвращать или хотя бы снижать.

В свете того, что набор резервных валют (активов), отвечающих стандартным критериям, остается ограниченным (меры неконвенциональной монетарной политики увеличили предложение традиционных резервных валют и параллельно подтолкнули к поиску альтернатив), а система спроса на резервы продолжает находиться под влиянием количественных и качественных изменений, исследования проблемы управления резервами в новых глобальных макрофинансовых координатах четко сегментировались. На одной стороне можно позиционировать изыскания, которые апеллируют к глобальным эффектам накопления резервов, проблеме их диверсификации и расширения количества резервных валют. Сюда можно отнести анализ нестабильности управления концентрированными объемами резервов, рисков глобальной инфляции, роли резервов в генерировании глобальных финансовых дисбалансов и т. д. [8; 9]. Повышение доступности валют и активов стран с формирующимися рынками для составления глобально диверсифицированных портфелей рассматривается под углом зрения трансформации структуры системы резервных валют. Движение в направлении более широкого представительства в спектре резервных валют стран со средними доходами допускает уси-

ние преимуществ мультивалютности, однако не исключает рост рисков ухудшения качества валютных резервов в глобальных масштабах [10; 11]. Более концептуальный взгляд на мультивалютность предполагает, что повышение конкуренции на рынке резервных валют (активов) однозначно усилит глобальную курсовую волатильность [12].

Касательно стороны спроса существующие исследования эмпирически подтверждают тенденцию к повышению уровня диверсификации внешних активов центробанков в зависимости от объема и усиления сегментации мотивов управления, но только в случае, когда рост резервов не является эндогенным. Под эндогенностью понимается увеличение резервов в ответ на повышение уровня открытости потокам глобальных капиталов, реакцией на что выступает предусмотрительное накопление, требующее более ликвидных активов в портфеле центробанка [13]. Обоснованное теоретическое объяснение этого явления указывает на то, что рост объемов резервов предполагает изменение их доминантного назначения благодаря тому, что реализация монетарных функций не нуждается в таком их объеме. Следовательно, чем значительнее растут резервы, тем сильнее сегментируются требования к ним: ликвидность — для монетарных функций; доходность, сохранение и рост стоимости — для функций, связанных с так называемым “внешним благополучием” (от англ. external wealth), то есть обеспечением перманентной основы для уменьшения потерь от владения и снижения риска колебания стоимости внешних активов [14]. Деление резервов на портфель ликвидности и инвестиционный портфель сегодня уже считается обычной практикой обеспечения эффективного владения внешними активами, объем которых превышает теоретически оптимальный. Первый будет включать обычные краткосрочные суверенные долговые обязательства, депозиты в банках, инструменты денежного рынка высшего рейтинга, второй — состоять из активов, в управлении которыми доминируют критерии доходности, минимизации рисков колебания стоимости и т. д. При этом усиливается тенденция к расширению допустимого класса активов в рамках инвестиционного портфеля. Это свидетельствует о том, что центробанки фактически уже являются активными портфельными менеджерами * [17; 18; 19; 20; 21].

В то же время представленные позиции по анализу связей между объемами резервов и изменениями в управлении ими в большинстве своем носят национально-центрический характер, то есть концентрируются на совершенствовании техник управления резервами в условиях растущих альтернативных потерь от владения ими на уровне отдельной страны. В литературе отсутствуют исследования проблемы коллективного смещения в направлении более активного портфельного подхода вследствие изменения характера распределения валютных резервов в мире, за исключением идентификации эффектов процикличности активного управления резервами, когда во время финансовых стрессов центробанки уменьшают долю более рискованных активов и восстанавливают долю традиционных “безопасных” активов, тем самым усугубляя проблему глобальной ликвидности [22]. Таким образом,

* Следует отметить, что сегодня мониторинг характера управления внешними активами со стороны центральных банков превратился в специальный сервис по управлению рисками. Несмотря на тенденцию к повышению открытости в сфере активного управления резервами [17], которую официально задекларировал ряд центробанков (например, Бразилии, Колумбии, Ботсваны, Сингапура, Колумбии, ЮАР и др.), основным инструментом мониторинга активного управления резервами является прямой опрос менеджеров центробанков (Reserve Management Trends за соответствующие годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.riskbooks.com). Прямой опрос касательно идентификации характера управления резервами также практикуют МВФ и Банк международных расчетов.

вопрос появления медианного центробанка с установкой на активный портфельный менеджмент до сих пор остается открытым. В условиях поиска вариантов формирования более конкурентной модели резервных валют (активов), которая однозначно открывает дополнительные возможности для портфельного подхода, появление активного управления резервами на уровне медианного центробанка будет означать возникновение ряда новых макрофинансовых эффектов.

Итак, **цель статьи** — раскрыть на теоретико-дедуктивном уровне предпосылки и результаты активного управления внешними активами, под которым мы понимаем более сложное сочетание мотивов достижения уровней доходности, превышающей ту, которую позволяют получить традиционные резервные активы, с мотивами обеспечения сохранения и приумножения стоимости резервов, при управлении которыми доминируют инвестиционные соображения, а не соображения ликвидности. В данном случае активное управление будет означать не столько поиск высшей доходности в пределах одного класса активов, сколько расширение класса активов и поиск приемлемых соотношений между риском и доходностью в разрезе каждого из классов.

В последнее время ряд стран перешел на активное управление резервами, что сближает такое управление с практикой фондов суверенного богатства. Так, Китай, Сингапур и некоторые богатые ресурсами страны передали часть резервов в специализированные инвестиционные институты, Саудовская Аравия активно привлекает частных инвестиционных менеджеров для управления официальными резервами. При этом 81,3% из 64 опрошенных центральных банков подтвердили, что делят внешние активы на портфель ликвидности и инвестиционный портфель. Что касается конкретных аспектов изменений в управлении резервами, то 56,3% центробанков допускают изменения в валютной структуре внешних активов, причем для большинства это изменение весов традиционных резервных валют, а для значительной части монетарных органов развивающихся стран — рост значения других, нетрадиционных резервных валют. Показательно также и то, что из 17 опрошенных центробанков стран с низкими доходами 41,2% отметили, что соображения доходности являются определяющими при расчете величины портфеля ликвидности и портфеля инвестиций, из 21 центробанка стран со средними доходами — соответственно, 33,3%, а из 16 центробанков развитых стран — только 25%. Аналогично, неклассифицированный класс активов как источник повышения доходности внешних активов считают приемлемым 47,4% опрошенных центробанков 19 стран с низкими доходами, 30,4% — 23 стран со средними доходами и 22,7% — развитых стран. Повышение доходности благодаря вложениям в акции и инвестиционные трасты, связанные с недвижимостью (так называемые REIT), определяют в основном менеджеры центробанков развитых стран [19]. Расширение валютной структуры резервов в активном управлении, вложения в фонды валютного рынка и делегирование части инвестиционных функций внешним менеджерам рассматриваются как господствующая тенденция в сфере управления резервами*.

Между тем, несмотря на допущение о том, что растущий объем резервов требует более диверсифицированной структуры для снижения потерь от владения ими, в эмпирическом плане возникает проблема эндогенности [13]. Другими словами, в случае, когда основным мотивом накопления резервов является стремление к предусмотрительному самострахованию, именно ликвидность должна быть определяющим критерием управления резервными активами и выбора соответствующего

* Такие результаты показал опрос 72 центробанков (HSBS Reserve Management Trends 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.riskbooks.com).

их класса, поскольку таким образом обеспечивается способность страны снизить уязвимость потоков капиталов к глобально-центрическим шокам, тогда как рост резервов, не связанный с повышением открытости этим потокам, может предполагать более диверсифицированную структуру. Положенное в основу логики упомянутого выше эмпирического исследования допущение об эндогенности связи между уровнем финансовой открытости и спросом на резервы [13], а также их структурой оставляет открытым вопрос о влиянии других мотивов накопления на выбор допустимого класса активов. Кроме того, следует признать тот факт, что масштабы предусмотрительного накопления, адекватного базовому мотиву, выходят за рамки, определенные на основе даже самых пессимистических допущений. Неслучайно оптимальный объем резервов с поправкой на глобально-центрические реверсы в потоках капитала и на состояние глобальной финансовой среды признается колеблющимся в достаточно широком диапазоне значений, в большинстве случаев — на уровне 8–22% ВВП [15]. При этом сам диапазон оптимальности, выраженный в процентах ВВП, а не в другом показателе, призван продемонстрировать изменения в теоретических представлениях о критериях оптимальности резервов. Разрыв связи с проблемой эндогенности здесь очень весом, иначе любое повышение уровня финансовой открытости страны автоматически смещало бы вверх критериальное значение оптимальности резервов, что, по самой логике необходимости учета как предусмотрительного самострахования, так и чувствительности к состоянию глобальной среды, не корректно именно там, где страна отдаляется от начальных стадий накопления резервов и переходит на другие уровни владения ими.

Аналогично, проблема ограниченности эмпирического сведения вопроса дополнительной диверсификации исключительно к доле резервов, возросших экзогенно (то есть вне критериев, привязывающих целевое значение внешних активов к индикаторам финансовой открытости), так же прослеживается при переходе к конкурентному накоплению резервов и появлению феномена “страха перед потерей резервов”. В первом случае исходный мотив предусмотрительного накопления может быстро мутировать в другой, когда рассматривается группа стран, задействованных в конкурентной игре. Смещение в сторону других критериев размещения резервов здесь четче всего будет описываться переходом от эндогенного к экзогенному росту внешних активов. Но самое главное — то, что успех в конкурентной игре определяется способностью минимизировать потери от владения резервами [16]. Поэтому более активное управление как источник повышения доходности внешних активов может также рассматриваться и как инструмент приспособления к более жесткой конкурентной игре в отношении накопления резервов. В таких условиях финансовый риск для части самих резервов компенсируется выигрышем от снижения макрофинансовой уязвимости страны, что обусловливается агрессивной конкурентной политикой страны-визави. Во втором — поведение в стиле “избегание ревальвации при любых обстоятельствах и допущение девальвации при первой возможности” является радикальным выражением того, как “страх” потерять резервы изменяет критерии оптимальной структуры владения ими. Такой “страх” взаимодействия с конкурентным накоплением и допускает увеличение объемов резервов, которые априори не будут использованы для поддержки валютного курса, даже если вначале именно для этого такое увеличение имело место.

Другим аспектом “выхода за рамки проблемы эндогенности” является то, что на стороне резервных валют могут произойти сдвиги, требующие индуцированных изменений в выборе такой модели управления резервами, чтобы учесть риски, связанные с качеством резервных активов. Программы количественного смягче-

ния, восходящая долговая траектория развитых стран, неявное фискальное доминирование, которое под влиянием кризиса пошатнуло независимость центробанков, провоцируют ослабление четкости грани между политикой защиты сохранения ликвидности и рыночной стоимости резервов на основе их диверсификации и политической более активного управления ими. Дальнейшее углубление разрыва между вкладом эмитентов резервных валют в глобальный ВВП и долей их валют в структуре глобальных резервов будет только усиливать напряжение при выборе резервных валют, находящихся на разных стадиях жизненного цикла [14], что само по себе допускает движение к более активному портфельному подходу. Активизация же попыток запустить прямые двухсторонние расчеты в национальных валютах и своповые линии между центробанками свидетельствует о попытках одновременно снизить давление резервов на внутреннюю ликвидность финансового сектора и избежать доминирования доллара в структуре резервных активов. Такое сочетание, если и не свидетельствует о более активном портфельном подходе, все равно должно корреспондировать с ростом резервов. Тогда по крайней мере кумулятивное повышение мультивалютного компонента остатков на банковских счетах будет оказывать определенное давление на расширение "валютной корзины" резервов тех центробанков, которые будут продвигать прямые двухсторонние расчеты, сохраняя при этом склонность к сглаживанию колебаний валютного курса. Так же усиление политики курсовой гибкости, снижая зависимость от необходимой привязки валютной структуры резервов к выбранной валюте привязки (валюте интервенций), будет приводить к тому, что приоритет ликвидности резервных активов будет слабеть. Вместо этого дополнительный риск колебания стоимости внешних активов нуждается в хеджировании; более активный подход к управлению резервами может рассматриваться как составляющая перехода к более гибкому курсовому режиму.

Таким образом, на склонность к более активному подходу могут влиять более сложные факторы, чем исключительно экзогенный рост резервов, как это предполагают Р. Бэк и С. Вебер [13]. По их мнению, принадлежность к валютному блоку также является важным фактором. Склонность к диверсификации резервов демонстрируют страны в основном долларового блока, а не блока евро. В то же время первые владеют и большими резервами. Объединение стадий накопления резервов с другими детерминантами их динамики и структуры дает более полную теоретическую картину условий перехода к активному портфельному управлению внешними активами центробанков (табл. 1).

Таблица 1

Стадии накопления и изменения целей управления валютными резервами *

	Стадии			
	I	II	III	IV
Господствующие мотивы накопления	откладывание структурных реформ, сглаживание шоков производительности, приспособливание к потокам капиталов	откладывание структурных реформ, самострахование, монетарный меркантилизм	самострахование, монетарный меркантилизм, конкурентное накопление	конкурентное накопление
Роль эндогенности (обусловленность автономно прогрессирующей открытостью)	Незначительная	Значительная	Ослабляется	Незначительная

Продолжение таблицы

Содержание стадии и управленческие мотивы	Страна накапливает валютные резервы, поскольку они являются неотъемлемым элементом обеспечения элементарной макроэкономической стабильности, покрытия критического импорта и гарантией обслуживания внешнего долга	С ростом объемов резервов и последующей интеграцией страны с глобальной экономикой повышается вероятность усиления уязвимости к шокам на рынках капитала, что толкает к созданию резервов с целью самострахования. Предусмотрительное накопление резервов предполагает, что страна могла бы обойтись и низким объемом внешних активов центробанка, но дополнительно страхует себя от глобально-центрических шоков	С ростом объемов резервов сверх уровня, обусловленного мотивом предусмотрительного самострахования, требования к структурному составу внешних активов меняются. Кроме традиционных требований ликвидности возрастает значение сохранения стоимости или поиска приемлемой доходности	Дальнейший рост резервов будет допускать использование их доли для альтернативного инвестирования, которое может носить рискованный характер, обусловленный стратегически, а не рыночными соображениями
Факторы валютно-курсовой политики	“Страх перед плаванием”, ключевая роль курса в обеспечении макрофинансовой стабильности, защита курса резервами	Повышение уязвимости к кризисам “внезапной остановки”, уязвимость к накоплению внешних долгов частным сектором, “страх перед потерей резервов”	“Страх перед потерей резервов” постепенно замещается повышением риска колебания стоимости внешних активов	Колебание стоимости внешних активов конфликтует с необходимостью проведения более гибкой курсовой политики, которая бы отвечала потребностям равновесного роста и внутренней макрофинансовой стабильности
Роль валюты привязки и валютного блока	Структура резервов должна соответствовать потребностям обеспечения интервенций. Идентификация с валютным блоком значительна. Доминирование валюты привязки	Структура резервов должна обеспечивать достаточное “плечо ликвидности” в случае финансового стресса. Идентификация с валютным блоком важна. Доминирование валюты привязки	Структура резервов нуждается в диверсификации. Идентификация с валютным блоком ослабляется. Диверсификация на уровне валютной структуры снижает роль валюты привязки	Структура резервов усложняется. Идентификация с валютным блоком определяется масштабами экономики. Сложная портфельная стратегия выделяет валюте привязки отдельную

Окончание таблицы

		ки уже не является выраженным		нишу
Ключевое требование к резервам	Ликвидность	Ликвидность	Ликвидность, сохранение стоимости, доходность	Формирование нерыночных портфелей в зависимости от текущих или стратегических предпочтений
Ориентация на класс активов	Наличность и высоколиквидные международные активы	Наличность, высоколиквидные международные активы, активы с потенциалом роста рыночной стоимости	Как на II стадии плюс активы, генерирующие доходы и капитальные разницы	Нетрадиционные инструменты, рискованные инструменты (долговые бумаги кризисных стран), нерыночные активы, реальные активы
Политэкономия прямых двусторонних расчетов и свопов	Согласие на двусторонний подход определяется ограниченными возможностями доступа к резервам и структурными ограничениями контактов с официальными кредиторами	Согласие на двусторонний подход может соответствовать циклическим потребностям снижения зависимости от дестабилизирующего "раздувания" резервов вследствие притока капиталов	Согласие и продвижение двустороннего подхода являются следствием попытки ограничить давление резервов на внутреннюю ликвидность и снизить уязвимость к колебаниям стоимости внешних активов	Продвижение двустороннего подхода является инструментом достижения собственной гегемонии в случае большой экономики. При малой — как в предыдущем случае
Заинтересованность в мультивалютной системе резервных активов	Не существует конфликта между целями управления резервами и резервной валютой как естественной монополией	Наличие основной резервной валюты и основной валюты диверсификации приемлемо	Растет потребность в мультивалютной системе резервных активов	Мультивалютная система соответствует логике активного портфельного менеджмента, но не сдерживает поиск более полного и нестандартного рынка резервных активов. Продвижение собственной валюты как резервной

* Составлено автором.

Примечание. Допускается, что накопление резервов является среднесрочным приоритетом. Снижение объемов резервов в ответ на те или иные шоки не отменяет факта нахождения той или иной страны на разных стадиях. Например, Украина, вопреки значительной потере резервов в 2013–2014 гг. и в I половине 2015 г., находится на I стадии. При этом наращивание резервов — обязанность НБУ в рамках меморандума с МВФ, которое еще продолжительное время будет логичным, исходя из соображений восстановления макрофинансовой стабильности безотносительно к работе с Фондом. В то же время Китай во II половине 2015 г. начал терять резервы в ответ на обвал фондового рынка, однако это не мешает его отнесению к IV стадии. Снижение курса юаня скорее подчеркивает факт того, что после стабилизации на фондовом рынке Китай вернется к восстановлению резервов.

В эмпирическом плане продолжающаяся тенденция к росту объемов глобальных резервов сопровождается двумя разнонаправленными процессами, которые закладывают свои структурные предпосылки для более активного портфельного менеджмента внешних активов, но при этом будут оказывать отличительное влияние на его профиль с точки зрения глобальных макрофинансовых процессов: усиление концентрации владения резервами (что влечет за собой концентрацию активного портфельного подхода); изменения в распределении владения резервами как процентом ВВП (что создает предпосылки для появления медианного центробанка, объем резервов которого будет определять глобально значимые паттерны управления ими). Данные таблицы 2 демонстрируют, что уровень концентрации владения резервами в странах с формирующимися рынками повысился на фоне увеличения объема глобальных резервов почти втрое.

Таблица 2

Топ-15 стран по объему валютных резервов *

(млрд. дол.)

Страны	Г о д ы	
	2005	2013
Алжир.....	59,2	201,4
Бразилия.....	53,8	358,8
Китай.....	831,4	3880,4
Гонконг.....	124,3	311,2
Индия.....	137,8	298,1
Япония.....	846,9	1266,9
Южная Корея.....	210,6	345,7
Ливия.....	41,9	119,7
Малайзия.....	70,5	134,9
Мексика.....	74,1	180,2
Российская Федерация.....	182,3	509,7
Саудовская Аравия.....	157,4	737,8
Сингапур.....	118,1	277,8
Таиланд.....	52,1	167,2
Турция.....	52,5	131,1
Мир в целом.....	4234,5	12129,7
Коэффициент концентрации.....	0,71	0,74

* Составлено автором по: World Development Indicators [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.worldbank.org и Global Financial Stability Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.imf.org (за соответствующие годы).

Примечание. Из перечня данных за 2013 г. исключены развитые страны, для которых объем резервов имеет относительное значение с учетом политики гибкого курса. Отсутствие в списке Швейцарии (объем резервов вырос с 57,6 млрд. дол. до 536,3 млрд. дол. за соответствующие годы) объясняется прежде всего последствиями политики этой страны по поглощению притока капиталов в евро.

Основным макрофинансовым риском концентрации резервов является то, что глобальные рынки становятся чувствительными к политике отдельных стран. Стратегические решения центробанков, владеющих крупнейшими резервами, могут ощутимо влиять на курсовые соотношения между резервными валютами и доходностью в разрезе классов резервных активов. В случае высокой концентрации резервов переход к более активному портфельному менеджменту также будет достаточно “концентрированным”, то есть будет носить ограниченный характер в разрезе центробанков в мире. Такие действия могут быть предусмотрены рациональными глобальными игроками. В условиях ограниченного набора традиционных резервных валют (доллар, евро), значение которых остается асимметричным, активный менеджмент в рамках концентрированного владения резервами сталкивается с лимитами обратных связей, когда чрезмерные вложения в инструменты, деноминированные в одной из валют, значительно меняют относительную доходность по отношению к инструментам, деноминированным в другой валюте, а изменения валютного курса влияют на

конкурентоспособность с дальнейшим формированием ожиданий по платежеспособности эмитентов таких инструментов в долгосрочном периоде. Ограничения со стороны рынка резервных валют (активов) будут генерировать давление на изменение конфигурации последнего в направлении мультивалютности, а также ускорять переход отдельных центробанков с III стадии на IV стадию (см. табл. 1) в контексте приоритетов управления внешними активами. Программы количественного смягчения ФРС и ЕЦБ ощутимо не влияют на изменение таких ограничений. В последнее время доллар и евро стали доступнее на глобальных рынках, однако это не сказалось на конфигурации основных резервных валют.

Несмотря на усиление концентрации владения внешними активами (см. табл. 2), тенденции в сфере распределения резервов к ВВП в разрезе стран демонстрируют несколько иную картину. Рисунки 1 и 2 свидетельствуют, что происходит смещение в сторону владения большим объемом резервов с одновременным приближением кривой аппроксимации к виду функции Гаусса (для построения кривой распределения использован программный пакет STATISTICA).

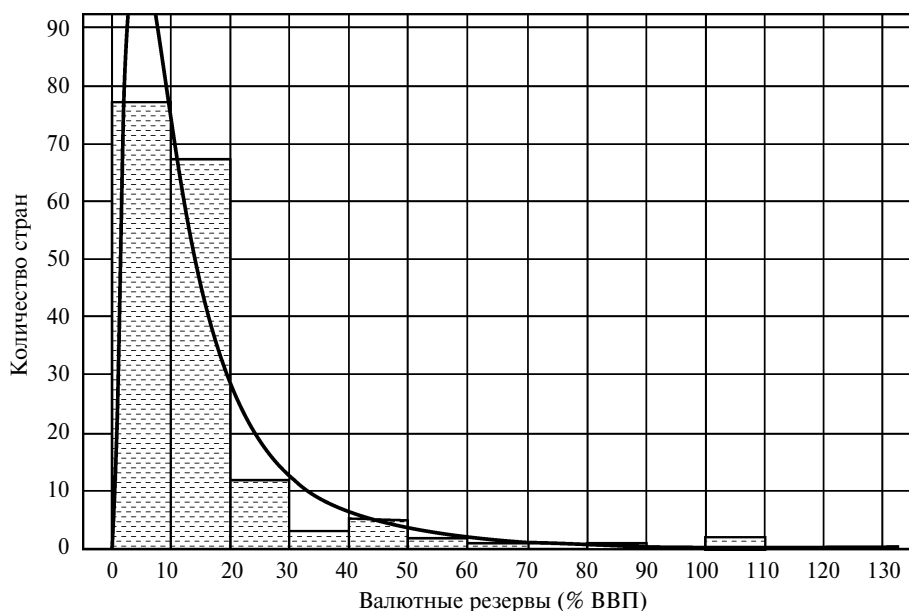

Рис. 1. Распределение в 2002 г. показателя “резервы к ВВП” в странах с формирующимися рынками

Построено автором по: World Bank Global Development Indicators [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.worldbank.org.

В совокупности обе тенденции означают, что высокие темпы роста резервов делают возможным одновременное усиление концентрации и повышение значения медианного владения резервами к ВВП. Как видно из рисунка 2, медианное владение (диапазон от 11% до 20% ВВП) вплотную приближается к показателю максимального значения оптимального объема резервов на уровне 22% ВВП (из диапазона оптимального владения в пределах 8–22% ВВП, определенных на основе разных методик оценки [15]). Иными словами, это означает, что смещение в сторону владения большим объемом резервов однозначно приведет к тому, что величина внешних активов медианного центробанка будет превышать величину их оптимальных значений, а растущее число стран с еще большим объемом резервов (справа от медианного значения) будет указывать на появление сложной тенденции. Количество центробанков с крупнейшим объемом резервов к ВВП, возрастая, будет подталкивать медианный центро-

банк к соблюдению новых стандартов в сфере менеджмента резервов. Даже если последний будет отставать во времени от “наиболее вооруженных” резервами монетарных органов, смещение в сторону больших объемов владения внешними активами создает мощные стимулы для того, что доля стран, находящихся на III и IV стадиях накопления и управления резервами, может превысить долю стран из I и II стадий.

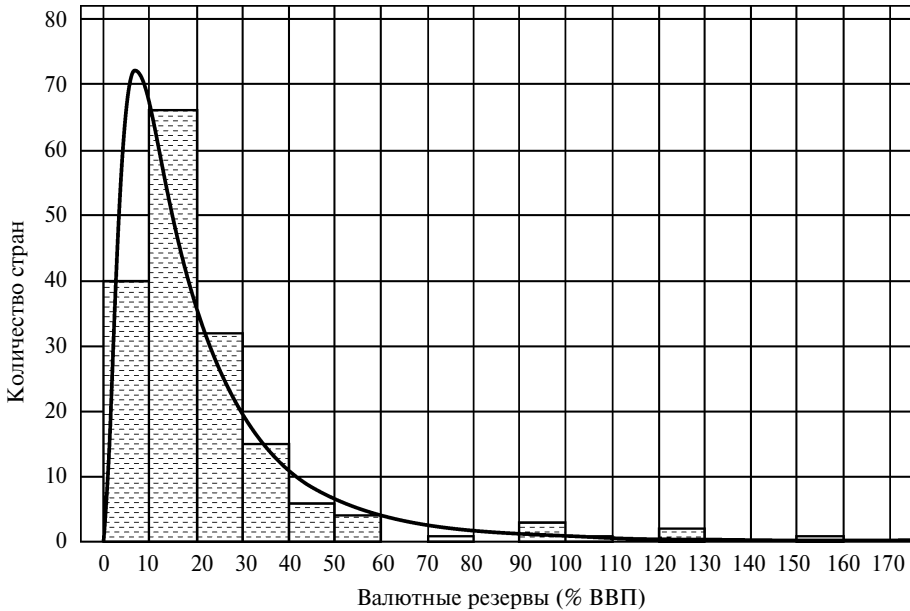

Рис. 2. Распределение в 2013 г. показателя “резервы к ВВП” в странах с формирующимися рынками

Построено автором по: World Bank Global Development Indicators [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.worldbank.org.

Изменения в распределении не исключают, что при сохранении тренда к накоплению резервов уровень глобальной нестабильности может достичь масштабов, при которых проблема эндогенности будет ограничивать стиль управления резервами центробанков, находящихся на II и III стадиях. Это ситуация, когда сохранение предыдущего спроса на резервы будет приводить к генерации глобальных дисбалансов в масштабах, не совместимых с финансовой стабильностью в мире. Конфликт между национально-центрическим рациональным выбором в пользу еще больших резервов и глобально-центрической нестабильностью должен был бы восстанавливать спрос на ликвидные активы, то есть отвечать паттернам более традиционного управления внешними активами. Между тем, не стоит исключать ситуацию, когда центробанки могут быть сегментированы с точки зрения принятия риска быстрого возврата к более ликвидным активам. Характер монетарной политики при этом будет играть не последнюю роль: ориентация на более гибкий курс будет допускать более активный менеджмент. Возможности “кредитора последней инстанции” со стороны центробанка – эмитента резервной валюты в глобальных масштабах также налагают свои ограничения, а количество центробанков, которые вообще на это способны, еще долгое время будет консервировать текущую структуру рынка резервных активов.

Следовательно, проблема эндогенности движется как от уровня финансовой глобализации к спросу на резервы, так и от спроса на резервы к рискам глобальной нестабильности, генерирующей дополнительный спрос на резервы. Теоретически, это должно было бы означать наличие более сильной склонности к поддержке ликвидных активов. Конкретное выражение соотношения между “плавающей” позицией

уровня оптимальных резервов, определенных в соответствии с проблемами эндогенности, и их медианным значением будет отображать то, какое количество центробанков потенциально может быть вовлечено в процесс активного управления портфелем внешних активов (рис. 3). Естественное, что чем чувствительнее будут оптимальные резервы (усредненные) к глобальной нестабильности, тем существеннее будут барьеры перехода от стадии к стадии накопления и управления резервами. В свою очередь, чем больше медианные резервы будут отдаляться от линии оптимальных резервов вправо, тем выше будет вероятность перехода со стадии на стадию.

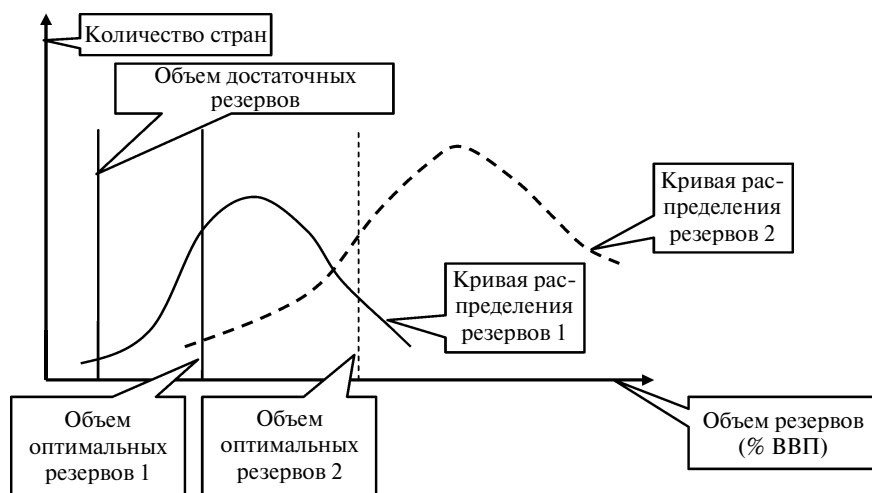

Рис. 3. Модель склонности к определенному характеру управления валютными резервами в зависимости от соотношения между оптимальными и медианными резервами

Построено автором.

Интерпретация модели на рисунке 3 носит следующий характер. При определенных макрофинансовых условиях, формирующихся в глобальной экономике, рассчитывается объем достаточных резервов, который ниже оптимальных. Отклонение вправо медианного объема резервов (эквивалентного пика кривой распределения 1) означает, что подавляющее большинство стран владеет объемом резервов выше оптимальных. В результате, владение резервами (правая зона от линии оптимальных резервов) будет допускать переход к активному портфельному менеджменту. Чем дальше вправо отклоняется фактическое владение, тем вероятнее будет пребывание страны на II, III и IV стадиях накопления и управления резервами. Допустим, что из-за углубления финансовых дисбалансов происходит эндогенное повышение спроса на резервы в ответ на усиление системных рисков в глобальной экономике. Глобально-центрическое ухудшение макрофинансовых условий будет предполагать повышение уровня оптимальных резервов (смещение к линии оптимальных резервов 2). Отсутствие изменений в распределении резервов (кривая распределения 1) приводит к тому, что медианные резервы становятся ниже оптимальных. Для большинства стран это означает, что объем их резервов может оцениваться как недостаточный. Также более активный менеджмент будет считаться рискованным, поскольку не будет отвечать восстановлению склонности к поддержке большинства ликвидных резервных активов. В свою очередь, будет повышаться спрос на резервы. В случае наращивания внешних активов как глобально-центрической тенденции медианное владение ими будет смещаться вправо вместе с кривой распределения. Большое расстояние между оптимальными резервами 2 и пиком кривой распределения 2 будет означать, что страны имеют возможность (благоприятные условия глобальной ликвидности и соот-

ветствующую политику накопления) для опережающего накопления резервов, которое открывает путь к более активному портфельному подходу.

Общие выводы из модели, представленной на рисунке 3, следующие. Характер кривой распределения важен, поскольку ее конфигурация отображает потенциальное количество центробанков — активных менеджеров резервов и центробанков, сталкивающихся с проблемой их накопления; конфигурация также определяется степенью концентрации владения резервами; соотношение точек оптимальных и медианных резервов определяет глобально-центрические эффекты аллокации внешних активов (нахождение линии медианных резервов слева от оптимальных либо на их уровне говорит о склонности к поддержке ликвидных резервных активов, а справа — о склонности к диверсификации и в дальнейшем к более активному портфельному управлению); чем дальше вправо отклоняется точка медианных резервов от линии оптимальных, тем интенсивнее будут создаваться предпосылки для активного портфельного менеджмента и тем сильнее он будет влиять на трансформацию структуры рынка резервных активов; изменения в глобальных макрофинансовых условиях, делаая точку оптимальных резервов неустойчивой, не исключают релевантного влияния на изменения в спросе и аллокации резервов, а реаллокация внешних активов в ответ весьма вероятна; I стадия накопления и управления резервами эквивалентна точке достаточных резервов, то есть находится слева от нее, II стадия — между точками достаточных и оптимальных резервов, III стадия — между оптимальными и справа от медианных резервов, IV стадия — относительно крайняя правая часть кривой распределения (это означает, что в случае смещения точки оптимальных резервов наиболее ощутимые изменения в политике реаллокации резервов будут касаться центробанков, находящихся на II и III стадиях); в случае нахождения пика кривой распределения справа от линии оптимальных резервов при смещениях последней характер реаллокации внешних активов будет определяться медианным центробанком, что может не совпадать с активными предпочтениями центробанков, находящихся на IV стадии.

Объединив рисунок 3 с рисунками 1 и 2, увидим, что на данный момент медианный центробанк находится ближе ко II стадии, тогда как те, которые расположены справа, далеко не всегда отвечают критериям концентрированного владения, даже если и склонны к более активному менеджменту с учетом объемов резервов к ВВП. Изменения в характере распределения относительного накопления резервов означают формирование существенных предпосылок для активного портфельного менеджмента, и при сохранении тенденции к накоплению медианный центробанк будет активнее устанавливать профиль политики в сфере управления внешними активами.

В глобальной перспективе усиление активного портфельного подхода к управлению резервами будет порождать целый набор отрицательных и положительных эффектов, итоговый баланс результирующих которых очень сложно определить заранее.

1. Приближение центробанков к частным (или суверенным) портфельным инвесторам обостряет проблему текущей курсовой волатильности и волатильности потоков капиталов вследствие расширения количества игроков, пораженных изменчивыми предпочтениями в отношении аллокации активов (феномен, известный как “портфель на один день” — от англ. one day preferred portfolio). Сохранение стоимости и повышение доходности внешних активов в мультивалютном мире с асимметрично гибкими курсами и индивидуальной уязвимостью стран к шокам потребуют перманентного поиска оптимальной композиции резервов с точки зрения валютной структуры и сочетания классов активов.

2. Необходимые для более активного менеджмента резервов изменения в валютном выражении резервных активов будут усиливать тенденцию к мультивалютности, которая означает увеличение спроса на инструменты внутреннего рынка.

Интернационализация валют и инструментов стран, национальные деньги которых не отвечают стандартным критериям резервных валют, будет означать, что диверсификация резервов одних будет сопровождаться увеличением притока капиталов и резервов в других. Это не гарантирует, что рост резервов в целом усилит финансовую стабильность, поскольку обострится конфликт между потоками капиталов, текущим счетом и влиянием внутренней ликвидности на склонность к формированию "пузырей" на рынках активов.

3. Диверсификация резервов благодаря выходу на внутренние рынки стран, валюты которых не отвечают традиционным критериям резервных, может усилить конкуренцию между действующими резервными валютами, улучшая автоматизм коррекции глобального денежного предложения. Однако расширение представительства таких валют в глобальных резервных активах не будет сопровождаться ростом числа центробанков с возможностями "кредитора последней инстанции" в глобальных масштабах. Более того, такие страны сами будут страдать от усиления конфликта между притоком капиталов и конкурентоспособностью, что приведет к ухудшению качества глобальных резервов. Снижение ликвидности последних при сохранении кумулятивного спроса на них превратит любые оптимальные значения в относительные в плане функциональности, что будет угрожать дальнейшим раскручиванием спирали гонки за резервами.

4. Расширение рынка резервных активов и поиск нестандартных портфелей будут означать также и расширение классов активов, доходность которых будет зависеть от глобальных макрофинансовых условий, выраженных в решениях по управлению резервами. Общая волатильность повысится, усиливая корреляцию поведения в разрезе классов активов, вследствие чего формирование стабильного портфеля будет становиться все более сложной задачей.

5. Между тенденцией к мультивалютности системы резервных активов и усилением автоматизма коррекции глобального денежного предложения вследствие диверсификации владения резервами в традиционных валютах не всегда будет существовать прямая связь, из-за чего углубление разрыва между глобальной инфляцией цен и стоимостью активов будет определяться именно тем, какая доля глобальных портфелей будет находиться под активным управлением центробанков.

6. Активное управление медианного центробанка и центробанка с концентрированным владением резервов может существенно отличаться, поскольку каждый из них будет сталкиваться с совершенно разными наборами ограничений. Склонность к стратегическому управлению активами первого будет намного менее выраженной, чем второго. То же самое касается проблемы интернационализации собственной валюты. Активное управление резервами, опирающееся на масштаб страны, с определенного момента ослабляет грань между им и действиями по интернационализации собственной валюты, вследствие чего расширение спроса на собственную валюту за границей для снижения валютных рисков колебания стоимости внешних активов может приобретать политически мотивированный характер. Конкретизируем проявление разницы между эффектами медианного и концентрированного активного управления резервами (табл. 3).

Возникновение потенциально отрицательных глобальных макрофинансовых эффектов активного управления резервами требует формирования повестки дня в сфере глобального регулирования с поправкой на соответствующие риски. Политика снижения зависимости от значительных резервов должна сопровождаться сочетанием курсовой гибкости с инструментами макропруденциального характера, разрешающими нейтрализовать отрицательные последствия значительного притока капиталов. Международная координация активности центробанков, способных быть "кредиторами

последней инстанции” и являющихся активными портфельными менеджерами, также улучшит ситуацию в сфере колебаний ликвидности и проциклических эффектов реверсов вложений в активы с разной степенью риска. Формирование глобальной системы валютных союзов, между которыми можно ожидать плавание курса с одновременным уменьшением спроса на резервы по соображениям внутренней финансовой устойчивости, позволит усилить глобальную стабильность благодаря снижению системной сложности в сфере глобальных финансов. Таким образом, сочетание коллективного снижения спроса на резервы и усиления координации в процессах управления ими позволит ощутимо повысить глобальную макрофинансовую стабильность.

Таблица 3

Эффекты медианного и концентрированного активного управления валютными резервами *

Зоны проявления эффектов	Медианный центробанк	Концентрированное владение
Волатильность потоков капиталов и валютных курсов	При переходе к активному управлению резервами повышение волатильности курсов и потоков капиталов будет приобретать перманентный характер	Влияние на волатильность потоков капиталов и валютных курсов будет носить импульсный характер, что связано с решениями по реаллокации портфеля
Последствия диверсификации резервов	Диверсификация направления будет влиять на волатильность, но в основном на ее фоновое значение	Диверсификация может изменять равновесную траекторию валютных курсов или доходностей классов активов
Влияние на относительные доходности в разрезе класса активов и финансовых инструментов	Изменения в относительной доходности будут происходить в рамках перехода на активное управление или при возврате в “надежные гавани”, после чего будут вписываться в общую волатильность рынков	Относительные доходности могут подвергаться существенным искажениям
Отношение к риску	Определяется стадией накопления и управления. Склонность к риску является дозированной	Склонность к риску повышается при переходе с III на IV стадию. Усиление сегментации в соответствии с курсовой политикой, степенью активности и масштабом страны
Уязвимость к эндогенному повышению оптимальных резервов	Высока и определяется степенью синхронизации поведения оптимальных и медианных резервов	Низка и на IV стадии еще уменьшается
Давление в сторону мультивалютности резервных активов	Значительное, но ограничено осознанием рисков неэластичной реаллокации портфеля при возникновении потребностей в повышении доли ликвидных резервных активов	Значительное, но связано с шириной диверсификации для сохранения стоимости и повышения доходности
Поиск полного рынка резервных активов и склонность к нестандартным портфелям	Не доминируют и определяются исключительно отношением к риску	Являются характерными и связаны как с рыночными, так и с политическими ограничениями существующего рынка резервных активов
Уязвимость рынка резервных валют	Даже при поиске более мультивалютной репрезентации резервных активов рынок резервных валют может претерпевать постепенные изменения, которыми управляют рыночные драйверы. Повышение конкуренции между резервными валютами положительно с точки зрения “эффекта дисциплины”	Может быть высокой, особенно в условиях масштабной реаллокации резервов или выхода за пределы существующих резервных валют

Окончание таблицы

Глобальные шоки и проблема качества (ликвидности) резервов	Чувствительность к ухудшению качества резервов определяется глубиной шока. В случае национально-центрических шоков может быть низкой, в случае глобально-центрических – значительной	Чувствительность к ухудшению качества резервов сегментирована в зависимости от того, какой рынок является эпицентром шока. Шоки рынка активов трудно компенсировать даже при значительных резервах
Роль политических факторов и стратегического поведения	Незначительна. Процесс управления опирается на рыночные драйверы	Может быть крайне значительной. Стратегическое поведение особенно вероятно при инвестировании в сырье, месторождения и при реальных инвестициях в чувствительные к национальному суверенитету секторы

* Составлено автором.

Падение уровня валютных резервов в Украине однозначно указывает на то, что НБУ находится на I стадии накопления и управления резервами. Это означает, что для него остается актуальным традиционный подход к построению политики в сфере внешних активов. Более того, обвал российского рубля и перегрев финансового сектора в Китае продемонстрировали, что политически мотивированное увеличение доли резервов НБУ в нетрадиционных резервных валютах однозначно ухудшило бы их качество и функциональность. Также это означает, что увеличение резервов в валютах стран, относительно благополучие которых опирается на уже накопленные резервы, рискованно, поскольку структурные изменения в глобальной экономике могут быстро пошатнуть их макрофинансовую стабильность, ухудшить качество глобальных резервов и открыть путь к относительности их объемов, превышающих даже конвенционально оптимальные.

Выводы

В определенный момент накопления резервов их размеры перестают быть нейтральными по отношению к их структуре. Мотивы накопления резервов имеют значение для выбора оптимального соотношения между их ликвидностью и снижением рисков колебания их рыночной стоимости. Однако эндогенность увеличения резервов является недостаточным объяснением предпочтений в плане поддержки их более консервативной структуры. Стадии накопления и управления, риски резервных валют (активов), усиление мультивалютности могут вынудить к выходу за рамки традиционного преимущества ликвидности резервных активов. В глобальной экономике формируются две в некоторой степени противоположные тенденции: медленно прогрессирующая концентрация владения резервами на фоне изменения характера распределения показателя резервов к ВВП. В последнем случае наблюдается смещение в сторону большего владения резервами медианным центробанком. Предпосылками более активного управления резервами следует признать: изменения в характере распределения владения резервами; повышение риска колебания рыночной стоимости внешних активов; ограничение действующих резервных валют; дальнейшее конкурентное накопление резервов и уклонение от ревальвации. Формально степень синхронности в поведении значений оптимальных и медианных резервов определяет вероятность либо более активного портфельного подхода, либо реаллокации внешних активов в направлении повышения их ликвидности. Макрофинансовыми эффектами перехода к более активному управлению можно считать: повышение фоновой волатильности валютных курсов и потоков капиталов; риски изменений в структуре относительных доходностей по классам активов; усиление конкуренции между резервными валютами (активами) и поиск полного рынка резервных активов;

сегментацию отношения к риску снижения ликвидности валютных резервов; и т. д. Переход к более активному управлению резервами медианного центробанка и центробанков с концентрированным владением ими имеет разные макрофинансовые и политико-экономические профили. Увеличение во внешних активах центробанков с незначительными резервами доли валют стран, относительное благополучие которых опирается на уже накопленные резервы и валюты которых не отвечают традиционным критериям резервных, не будет оправдано, и недавний опыт Украины в этом вопросе является подтверждением тому.

Список использованной литературы

1. *Truman E.* Sovereign Wealth Funds: The Need for Greater Transparency and Accountability // Institute for International Economics Policy Brief. — 2007. — PB07-6. — P. 1–8.
2. *Johnson S.* The Rise of Sovereign Wealth Funds // IMF Finance and Development. — 2007. — Vol. 44. — № 3. — P. 1–5.
3. *Cohen B.* The Yuan Tomorrow? Evaluating China's Currency Internationalization Strategy // University of California Department of Political Science Working Paper. — 2012. — June. — P. 1–11.
4. *Rodrik D.* The Social Cost of Foreign Exchange Reserves // NBER Working Paper. — 2006. — № 11952. — P. 1–26.
5. *McKinnon R.* The World Dollar Standard and Globalization: New Rules of the Game? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.stanford.edu.
6. *Jeanne O.* The Dollar and Its Discontents // Institute for International Economics Working Paper. — 2012. — WP 12-10. — P. 1–25.
7. *Prasad E.* Role Reversal in Global Finance // NBER Working Paper. — 2011. — № 17497. — P. 1–53.
8. Reserve Accumulation and International Monetary Stability. — IMF. — 2010. — P. 1–35.
9. Palais-Royal Initiative. Reform of the International Monetary System: A Cooperative Approach for the Twenty First Century. — Paris, 2011. — 23 p.
10. Internationalization of Emerging Market Currencies: A Balance between Risks and Rewards // IMF Staff Discussion Note. — 2011. — SDN/11/17. — P. 1–25.
11. Financial Deepening and International Monetary Stability // IMF Staff Discussion Note. — 2011. — SDN/11/16. — P. 1–21.
12. *Farhi E., Gourinchas P.-O., Rey H.* Reforming the International Monetary System. — London : CEPR, 2011. — 78 p.
13. *Beck R., Weber S.* Should Larger reserve Holding Be More Diversified? // ECB Working Paper. — 2010. — № 1193. — P. 1–48.
14. *Козюк В.В.* Життєвий цикл резервної валюти // Вісник НБУ. — 2013. — № 7. — С. 44–52.
15. *Dorrucci E., McKay J.* The International Monetary System After the Financial Crisis // ECB Occasional Paper. — 2011. — № 123. — P. 1–62.
16. *Aizenman J.* Large Hoarding of International Reserves and the Emerging Global Economic Architecture // NBER Working paper. — 2007. — № 13277. — P. 3–19.
17. *Borio C., Galati G., Heath A.* FX Reserve Management: Trends and Challenges // BIS Papers. — 2008. — № 40. — P. 1–30.
18. *Smith G.* Reassessing the Sovereign Investor Nexus // Central Banking. — 2014. — February. — P. 82–87.
19. *Morahan A., Mulder Ch.* Survey of Reserve Managers: Lessons from the Crisis // IMF Working Paper. — 2013. — WP/13/99. — P. 1–33.
20. *Wooldridge Ph.* The Changing Composition of Official Reserves // BIS Quarterly Review. — 2006. — September.

21. Managing Foreign Exchange Reserves in the Crisis and After // BIS Papers. — 2011. — № 58. — P. 1–256.

22. Pihlman J., van der Hoorn H. Procyclicality in Central Bank Reserve Management: Evidence from the Crisis // IMF Working Paper. — 2010. — WP/10/150. — P. 1–28.

References

1. Truman E. Sovereign wealth funds: the need for greater transparency and accountability. Institute for International Economics Policy Brief, 2007, PB07-6, pp. 1–8.

2. Johnson S. The rise of sovereign wealth funds. *IMF Finance and Development*, 2007, Vol. 44, No. 3, pp. 1–5.

3. Cohen B. The yuan tomorrow? Evaluating China's currency internationalization strategy. Univ. of California Department of Political Science Working Paper, June 2012, pp. 1–11.

4. Rodrik D. The social cost of foreign exchange reserves. NBER Working Paper, 2006, No. 11952, pp. 1–26.

5. McKinnon R. The world dollar standard and globalization: new rules of the game? Available at: www.stanford.edu.

6. Jeanne O. The dollar and its discontents. Institute for International Economics Working Paper, 2012, WP 12-10, pp. 1–25.

7. Prasad E. Role reversal in global finance. NBER Working Paper, 2011, No. 17497, pp. 1–53.

8. Reserve accumulation and international monetary stability. IMF, 2010, pp. 1–35.

9. Palais-Royal Initiative. Reform of the International Monetary System: A Cooperative Approach for the Twenty First Century. Paris, 2011.

10. Internationalization of emerging market currencies: a balance between risks and rewards. IMF Staff Discussion Note, 2011, SDN/11/17, pp. 1–25.

11. Financial deepening and international monetary stability. IMF Staff Discussion Note, 2011, SDN/11/16, pp. 1–21.

12. Farhi E., Gourinchas P.-O., Rey H. Reforming the International Monetary System. London, CEPR, 2011.

13. Beck R., Weber S. Should larger reserve holding be more diversified? ECB Working Paper, 2010, No. 1193, pp. 1–48.

14. Koziuk V.V. *Zhytтеvyi tsykl rezervnoi valyuty* [Life cycle of reserve currency]. *Visn. NBU – Bull. of NBU*, 2013, No. 7, pp. 44–52 [in Ukrainian].

15. Dorrucci E., McKay J. The international monetary system after the financial crisis. ECB Occasional Paper, 2011, No. 123, pp. 1–62.

16. Aizenman J. Large hoarding of international reserves and the emerging global economic architecture. NBER Working paper, 2007, No. 13277, pp. 3–19.

17. Borio C., Galati G., Heath A. FX reserve management: trends and challenges. BIS Papers, 2008, No. 40, pp. 1–30.

18. Smith G. Reassessing the sovereign investor nexus. Central Banking, February 2014, pp. 82–87.

19. Morahan A., Mulder Ch. Survey of reserve managers: lessons from the crisis. IMF Working Paper, 2013, WP/13/99, pp. 1–33.

20. Wooldridge Ph. The changing composition of official reserves. BIS Quarterly Review, September 2006.

21. Managing foreign exchange reserves in the crisis and after. BIS Papers, 2011, No. 58, pp. 1–256.

22. Pihlman J., van der Hoorn H. Procyclicality in Central Bank reserve management: Evidence from the crisis. IMF Working Paper, 2010, WP/10/150, pp. 1–28.

А. И. ПАВЛОВ,
профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой экономики промышленности
Одесской национальной академии пищевых технологий

РУРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Определена сущность рурального дискурса. Рассмотрен его экономический контекст на фоне межотраслевых научных подходов – физиоэкономического и социоэкономического. Проанализирован процесс становления руралистики как междисциплинарной научной отрасли. Обозначены исследовательское поле, уровни исследования и перспективы развития этой отрасли.

Ключевые слова: экономика, концепт, междисциплинарность, научная отрасль, научные исследования, руралистика, руральный дискурс, руральное развитие, сельские территории.

A. I. PAVLOV,
Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Chair of Industrial Economy,
Odessa National Academy of Food Technologies

THE RURAL DISCOURSE OF INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC STUDIES

The essence of a rural discourse is defined. Its economic context against the background of intersectoral scientific approaches such as physio-economic and socio-economic ones is considered. The process of formation of the ruralistics as an interdisciplinary scientific field is analyzed. The field of researches, levels of studies, and perspectives of the development of this trend are described.

Keywords: economy, concept, interdisciplinarity, scientific field, scientific studies, ruralistics, rural discourse, rural development, agrarian areas.

Темой нашего исследования, а значит, **целью статьи** предусмотрен анализ научных взглядов и подходов в отношении определения сущности руральности (от английского “rural” – “сельский”), то есть “сельскости” как общественного явления, вида жизнедеятельности, аграрного способа производства материальных благ, сельского развития в целом и соответствующего жизненного проекта (жизнеустройства) в частности. В силу научных традиций, исследовательского поля руральности, профиля и тематической направленности журнала “Экономика Украины” вполне уместным является определение, прежде всего, роли экономической науки в исследовании обозначенной научной проблемы.

Научная актуальность и практическая значимость темы исследования носят двойственный характер. Это объясняется, во-первых, ключевой ролью аграрного

сектора в обеспечении конкурентоспособности Украины на глобальном рынке, в решении проблем ее национальной и продовольственной безопасности, а также агропродовольственного импортозамещения, а во-вторых — новым видением экономики как учебной дисциплины в контексте соответствующего Постановления Кабинета Министров Украины *. Этот документ имеет опосредованное отношение и к экономике как научной отрасли. Рассмотрим лишь один его аспект — позиционирование экономики (учебной дисциплины) как социальной и поведенческой науки, в число которых входят также социология, политология, психология, международные отношения и международные экономические отношения.

Дискурс приведенного положения свидетельствует о новом старом значении экономики как науки. Старое — в политическом смысле. Новизна же заключается в некотором дистанцировании от отраслевого подтекста, в смещении акцентов, с одной стороны, на "теоретичность" экономики, а с другой — на ее прикладной характер. Как и политэкономия, "новая экономика" наделяется статусом науки социальной в широком значении и в то же время науки поведенческой, что существенно расширяет ее исследовательское поле и повышает междисциплинарный "вес".

Поскольку это тема отдельного исследования, то сконцентрируем внимание на роли экономики в общественном воспроизводстве и в системе общественных отношений. В первом случае речь идет о сложной природе воспроизводства как общественного процесса производства, распределения, обмена и потребления. По канонам классической экономической теории, первая фаза этого процесса подпадает под законы логики, вторая частично пребывает в контексте моральных принципов, а третья и четвертая интегрированы в систему духовных ценностей, социальных и политических отношений. Второй экономический дискурс связан с владением, распоряжением и использованием материальными и нематериальными вещами, которые по своему происхождению не всегда являются результатом процесса производства (имеются в виду земля, вода и другие природные ресурсы), но участвуют в процессе общественного воспроизводства. В этой связи в сфере экономических отношений действуют не только сугубо экономические, но и природные, морально-этические, социокультурные, политические мотивы. Это обстоятельство по-новому освещает роль экономической науки в исследовании руральности.

Руральный дискурс включает круг вопросов, которые не ограничиваются отраслью сельского хозяйства или межотраслевым аграрным сектором. Речь идет об определенном образе бытия, природном и общественном процессах, происходящих в границах сельской территориальной подсистемы общества (сельских территорий) и проявляющихся в виде агроэкосистемы, экономического пространства, социальной среды и ментального образа. В силу этого предметное поле научного исследования руральности не ограничивается экономикой. Однако именно экономической науке, причем в большей мере, чем другим, принадлежит приоритет в выяснении сущности руральности.

Экономический контекст рурального дискурса на фоне межотраслевых научных подходов

Руральный дискурс — это коммуникативное взаимодействие адресанта и адресата текстового сообщения, которое концентрируется вокруг опорного концепта

* Про затвердження переліку галузей знань і спеціальностей, за якими здійснюється підготовка здобувачів вищої освіти : Постанова Кабінету Міністрів України від 29.04.2015 р. № 266 [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=248149695>.

(рурального развития) и дискурсивного топика (руральной темы), отображенных в соответствующих понятиях. За счет такого взаимодействия формируется определенная концептосфера, составляющими которой являются языковые и когнитивные структуры: действительность (руральность) — концепт или мысль (рурализм) и речь в форме текста (совокупности руральных понятий). Эта концептосфера пребывает в постоянном движении, меняясь в пространстве и времени, что находит соответствующее отражение в научном дискурсе. Иначе говоря, происходят некоторые изменения в проблематике рурального исследования, в его категориально-понятийном аппарате и научных подходах.

Экономической науке, и в первую очередь ее аграрной подотрасли, принадлежит центральное место в исследовании руральности, которое определяется ее целевыми установками, объектом, предметом и методологическим инструментарием исследовательской практики.

Наиболее общим термином, который отображает руральный дискурс и которого непосредственно касается аграрная экономическая наука, является “село”, длительное время представленное в неделимом единстве. На самом же деле это слово содержит несколько смысловых единиц: пространственный сегмент; природная среда; поселенческая структура; селитебная территория; социальное сообщество; административно-территориальная единица; место жизнедеятельности; экономическое пространство, в границах которого происходит хозяйственная деятельность. Именно последняя характеристика села и формирует экономический контекст рурального дискурса. Все остальное, с точки зрения профессиональной направленности и научного интереса экономиста, — вторично. Поэтому не случайно, что до 1970-х годов в исследовательской практике экономистов в оценке сущностных характеристик руральности преобладали отраслевой и расселенческий подходы, которые позиционировали руральность как развитие сельского хозяйства и социальной сферы села.

Со временем границы познания этого природного и социально-пространственного феномена расширились до концепта “сельский сектор” (Л. Шепотько) [1]. С введением в начале 2000-х годов в научный оборот понятия “сельские территории” в исследовательском дискурсе утвердился территориальный подход, в соответствии с которым руральное развитие рассматривается как процессное проявление комплексного развития сельских территорий (Е. Бородина, А. Онищенко, А. Павлов, И. Прокопа, П. Саблук, В. Юрчишин).

Однако в большинстве экономических исследований не соблюдается дифференциация сельских территорий как системного объекта пространственного развития и аграрного сектора с его сердцевиной (сельским хозяйством) в качестве базовой отрасли этих природных и социально-пространственных образований. Но следует осознавать, что сельское хозяйство (отрасль экономики) и сельские территории (социализированное пространство), хотя и относятся к разным формам общественного воспроизводства, все же взаимодействуют между собой как часть и целое.

Неучитывание этого положения, важного в теоретическом и методологическом контекстах, ведет к восприятию человека исключительно как ресурса, как средства реализации экономических интересов субъектов хозяйствования. Такое состояние научного дискурса характеризуется в экономической литературе [2, с. 129–130] как социальная интервенция экономики, а проявления этой интервенции в других направлениях общественной жизни — как экономический империализм.

Избавиться от такого наследия можно за счет расширения исследовательского поля на началах межотраслевого подхода. Именно этот путь анализа рураль-

ного дискурса демонстрирует физическая экономия (С. Подолинский, В. Вернадский, М. Руденко). В центре физической экономии находится идея об исключительной роли в развитии человечества земледелия как единственного вида деятельности, обеспечивающего рост богатства и прирост материи. Согласно М. Руденко, жизнь на планете продолжается благодаря энергии прогресса, сущность которой рассматривается им через разделение богатства на абсолютное и относительное. Абсолютное богатство образуется за счет прироста органического вещества в земледелии, все другие виды богатства относительны. Источником происхождения абсолютного богатства (абсолютной добавленной стоимости) служит энергия живого, которая, в свою очередь, происходит от Солнца через фотосинтез. Иначе говоря, энергией прогресса является абсолютная добавленная стоимость. Относительное богатство (относительная добавленная стоимость) основывается на рассеивании солнечной энергии, происходящем в результате изменения неживого. Основным фактором приумножения абсолютного богатства выступает труд крестьянина на земле, обеспечивающий равновесие между абсолютным и относительным богатствами, от которого зависят состояние биосферы, сельского хозяйства и экономики в целом, а также социальное положение широких слоев населения [3, с. 295, 372]. Характеристике физической экономии как теории и практики хозяйствования посвящено монографическое исследование отечественных ученых [4], где раскрываются естественнонаучные основы экономического мышления.

Если физическая экономия освещает естественнонаучные основы рурального дискурса, то другая междотраслевая научная дисциплина — социэкономика (А. Этциони) — исследует взаимосвязь между разными сферами общественной жизни сквозь призму социальности и интеграции экономических, социальных, духовных и политических процессов.

Общественная значимость научных положений социэкономии базируется на ее методологических принципах:

- справедливости социального устройства, согласно которому общественные трансформации должны осуществляться эволюционно, без социального насилия, с обеспечением равного доступа ко всем видам ресурсов с целью воспроизводства и развития человека;

- общественного значения экономического развития, которое не является самоцелью, а призвано способствовать улучшению жизни человека;

- гуманизма, направленного на реализацию потребностей человека разумного, экономического и социологического, что требует смещения акцентов с производства для обмена на "производство" самого человека;

- взаимосвязи экономики и социума, что означает подчинение целей экономического развития общественно значимым интересам и потребностям;

- социального характера экономического действия, определяемого ценностными ориентирами людей.

Руральный аспект переориентации и социэкономической модернизации аграрного сектора Украины получил концептуальное обоснование в первых в нашей стране научных публикациях по социэкономике [5; 6]. Их авторы доказывают, что социэкономика уделяет первоочередное внимание моральному контексту экономической деятельности, целью которой должно быть получение прибыли путем удовлетворения общественных потребностей без нанесения вреда потребителю. Другая сторона моральности — это создание надлежащих социально-экономических условий товаропроизводителям, которые заняты в индивидуальном секторе и обеспечивают продовольственную безопасность страны.

В силу изложенного можно сделать вывод о растущей роли экономической науки в исследованиях рурального развития на межотраслевых началах.

Руралистика как междисциплинарная научная отрасль и ее исследовательское поле

Развитие экономических исследований на межотраслевых началах способствовало расширению рурального дискурсивного поля за счет выявления тематического разнообразия его текстов с привлечением к их осмыслению методов смежных научных дисциплин.

Это, в свою очередь, побудило к поиску стыковых научных направлений, который завершился формированием социальной географии сельского хозяйства, призванной, по убеждению Т. Нефедовой [7], репрезентовать сельскую местность в ее географической целостности и разнообразии. Однако, по нашему мнению, такой подход ограничивает круг руральной проблематики отраслью сельского хозяйства.

Несмотря на привлечение к анализу рурального дискурса географии, теоретические основы руральности оставались неразработанными. Потому встал вопрос имплементации в руральный дискурс фундаментальных научных положений о роли, месте, временных и пространственных границах руральности в цивилизационном развитии человечества. По этому поводу существуют разные точки зрения.

Так, в футурологических концепциях руральности отведено место на обочине исторического развития — как первой, аграрной волне (Э. Тоффлер) или доиндустриальному периоду (Д. Белл) цивилизации. Поэтому крестьянству как несчастному брату примитивных обществ, которых цивилизации не успели поглотить, не остается ничего, кроме материального обеспечения привилегированного меньшинства (А.Дж. Тойнби). Представители марксистского течения еще в конце XIX в. отводили селу после наступления эпохи гуманизма роль резервного фонда для возрождения жизненной силы нации (К. Маркс). Несколько мало вероятную, как для своего времени, идею о будущем сельского хозяйства высказал и В. Вернадский. Связывая будущее человека ноосферного с изменением формы питания и источников энергии, он предполагал организацию жизни по примеру зеленых растений, без посредников по утилизации солнечной энергии, благодаря чему человек превратится из существа гетеротрофного в существо социально автотрофное [8, с. 352–353].

Другой дискурсивной риторикой отличаются научные взгляды О. Шпенглера, Ф. Броделя и П. Сорокина. Так, О. Шпенглер определил крестьянина как вечного человека, который предшествовал культуре, впервые искусственно изменив ландшафт посредством занятий земледелием и тем самым пустив корни в почву. Продолжая свой род из поколения в поколение благодаря связи с землей, крестьянин поддерживает эту связь с ландшафтом через земледельческий труд и выполнение детородной функции [9, с. 90, 91, 100, 102]. Ф. Бродель, подчеркивая постоянное обновление разделения труда между селом и городом, отводил последнему роль электрического трансформатора, который повышает напряжение, ускоряет обмен и предоставляет окружающей природной среде свои услуги. В этом смысле город существует как город только в противопоставлении селу. Но без ответа остался вопрос об уместности развития сел, находящихся на большом расстоянии от городов [10, с. 413, 414, 418]. Однако Ф. Бродель предложил креативную идею о селско-городском континууме как о конвергенции города и села, которую отстаивал и П. Сорокин.

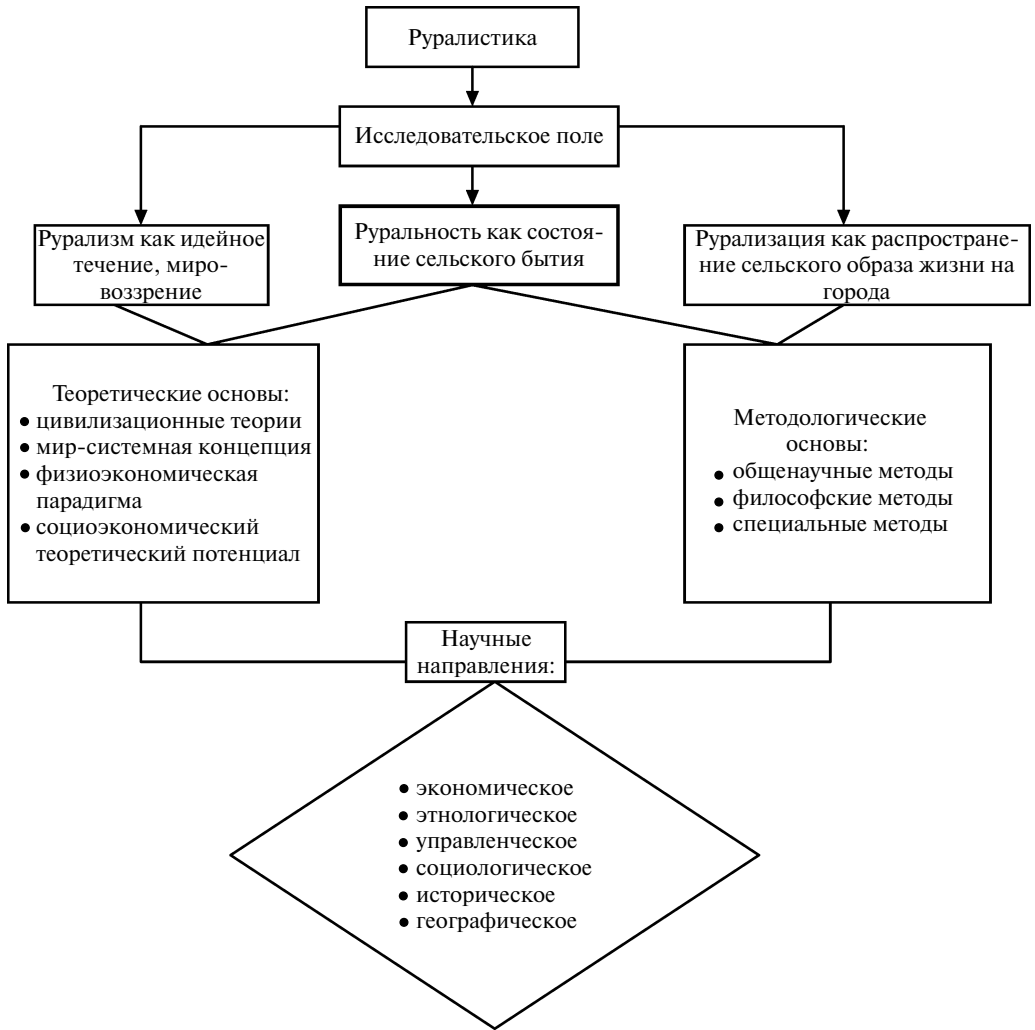
Установленные в ходе проведенного дискурсивного анализа отраслевая и тематическая разветвленность и разнонаправленность научных взглядов на содержание руральности выступают отражением проявления двух встречных когнитивных тенденций — углубления специализации научных исследований, с одной стороны, и интеграции междисциплинарных научных связей — с другой. Как результат, происходит интенсивный процесс взаимообогащения исследовательских практик, преодолеваются междисциплинарные границы, и тем самым создаются предпосылки для интеграции дисциплин в единую междисциплинарную отрасль. Необходимость в этом возрастает с учетом объекта научного исследования — сельских территорий, которые представляют собой природные и социально-пространственные образования, сложные по своим структуре и функциям.

Вполне уместно рассматривать в качестве такой научной отрасли руралистику. Руралистика связана с генезисом пространства как универсальной научной категории. Введение в научный оборот понятийного конструкта "пространственное развитие" способствовало активизации научного поиска в направлении интеграции различных видов пространства — географического, природного, экологического, социального, культурного, экономического, политического, ментального. Совмещение различных видов пространства дало толчок имплементации в географическую науку методов других наук, и наоборот — использованию смежными науками познавательного инструментария географии. В таких условиях произошел процесс универсализации категории "пространство". Наряду с географией и философией, к пространственной науке относится также история, поскольку исторические события и явления разворачиваются не только во времени, но и в пространстве.

История имеет предметный "стык" с такими научными дисциплинами, как историческая география, аграрная история, социальная география сельского хозяйства, регионалистика, историческое ландшафтоведение, историческая лингвистика, социология села. Определение собственно смыслового наполнения предметного поля истории сельского пространства требует сравнительного анализа категорий "время" и "пространство". По временному структурированию представлений о действительности все, что происходит в пространстве, в любой из сфер общественной жизни или отраслей деятельности, имеет признаки историчности. Но незаполненное пространство не несет в себе никаких сущностных характеристик, кроме параметрических и пространственно-географических координат. Пространство представляет интерес для историка как место жизнедеятельности, что, в свою очередь, предполагает осмысление территории проживания.

Недооценка научной общественностью такого компонента рурального дискурса, как население, ставит повышенные требования к социологическим исследованиям. Масштаб изучения социологии — сельская локальная община, находящаяся в определенном жизненном пространстве, которое делится на природную и искусственную среду, где и происходит определенное социальное взаимодействие. К актуальным концептам социологии следует отнести раскрестывание (процесс отчуждения человека от занятия сельскохозяйственным трудом и от сельского образа жизни) и рурализацию (перемещение стандартов и сельского образа жизни за пределы сельского пространства и тяготение городских жителей к сельским ландшафтам).

Руралистика как научная отрасль, находящаяся на этапе становления, ставит в центр своего внимания, наряду с руральностью, рурализацию как процесс распространения сельского образа жизни на городскую территориальную подсистему общества и рурализм как соответствующее мировоззрение и идейное течение (рис.).

Характеристика руралистики как междисциплинарной научной отрасли

Исследовательское поле руралистики состоит из нескольких уровней. К глобальному уровню относятся вопросы об основах природного, духовного, хозяйственного бытия сельского социума, месте и перспективах рурального развития в современном мире, роли аграрного производства в решении глобальных проблем современности. К национальному уровню относится проблематика, охватывающая всю совокупность взаимосвязей и взаимоотношений между сельской и городской территориальными подсистемами общества. Локальный уровень охватывает круг вопросов, раскрывающих специфику сельского бытия во всех его проявлениях на региональном, районном и базовом уровнях сельских территорий.

Миссией руралистики является аргументированный ответ на вопрос о том, что именно необходимо сделать для того, чтобы жизнь на сельских территориях приносила радость тем, кто там рождается.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило научную гипотезу о повышении познавательной роли экономической науки, смежных научных дисциплин, физической экономики и социоэкономики в расширении и углублении изучения сущнос-

ти, идентификационных признаков, функций и общественного предназначения сельских территорий как природных и социально-пространственных образований.

Рассмотрение рурального дискурса на основах междисциплинарности с использованием общенаучных, философских и таких специальных методов, как дискурс-анализ и конвент-анализ, заложило базу для системного представления о сельских территориях как об агроэкосистеме, экономическом пространстве, социальной среде и ментальном образе.

Вместе с тем результаты исследования подтвердили определенную ограниченность познавательного потенциала и научного арсенала отраслевых научных дисциплин в изучении таких сложных по своей структуре объектов, какими являются сельские территории. В результате совмещения экономического, физио-экономического и социоэкономического научных подходов к изучению сельских территорий, а также взаимообогащения их исследовательских практик происходит становление новой междисциплинарной отрасли, интегрирующей такие научные дисциплины, как экономика, география, социология, история, менеджмент, этнология и др.

Концентрация внимания на опорном концепте и топике научного дискурса — руральности — дала возможность определить ее теоретические и методологические основы, обозначить исследовательское поле, уровни и научные направления этой междисциплинарной научной отрасли, в чем и заключается новизна проведенного исследования.

Перспективы дальнейшего развития этой мультидисциплинарной отрасли в значительной степени зависят от углубления мировоззренческих основ, теории и методологии исследования сельскости как общественного явления, от уточнения объекта и предмета рурализации и рурализма.

Список использованной литературы

1. *Шепотько Л.О., Прокопа І.В., Гудзинський С.О.* та ін. Сільський сектор України на рубежі тисячоліть. — У 2 т. — Потенціал сільського сектора. — Т. 1. — К. : Ін-т екон. НАН України, 2000. — 396 с.
2. *Бородкин Ф.М.* Соціоекономіка. Стаття 1. Путь к господству над хозяйством // Общественные науки и современность. — 2006. — № 4. — С. 122–136.
3. *Руденко М.* Енергія прогресу. Нариси з фізичної економії. — Тернопіль : Джура, 2004. — 412 с.
4. Фізична економія у вимірах теорії і практики господарювання : моногр. ; [за ред. Ю.О. Лупенка, В.М. Жука, В.О. Шевчука та О.В. Ходаківської]. — К. : ННЦ "Ін-т аграр. економіки", 2013. — 502 с.
5. *Геец В., Юрчишин В., Бородин Е., Прокопа И.* Соціоекономіческая модернізація аграрного сектора України (концептуальні положення) // Економіка України. — 2011. — № 12. — С. 4–14.
6. Українська модель аграрного розвитку та її соціоекономічна переорієнтація : наук. доп. ; [О.М. Бородин, В.М. Геец, А.О. Гуроров та ін.] ; [за ред. В.М. Гейця, О.М. Бородині, І.В. Прокопи]. — К. : Ін-т екон. та прогнозів. НАН України, 2012. — 56 с.
7. *Нефедова Т.* Социальная география сельского хозяйства [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ru-90ru/content>.
8. *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. — Львов : АРС, 2013. — 416 с.
9. *Шпенглер О.* Закат Европы. — В 2 т. ; [пер. с нем. И.И. Махонькова]. — М. : Айрис-пресс, 2003. — 624 с.

10. Бродель Ф. Матеріальна цивілізація, економіка і капіталізм XV–XVIII ст. — У 2 т. ; [пер. з фр. Г. Філіпчук]. — Структура повсякденності: можливе і неможливе. — Т. 1. — К. : Основа, 1995. — 534 с.

References

1. Shepot'ko L.O., Prokopa I.V., Gudzyns'kyi S.O. et al. *Sil's'kyi Sektor Ukrainy na Rubezhi Tysyacholit', u 2 t.; Potentsial Sil's'kogo Sektora, T. 1* [Ukraine's Agrarian Sector on the Boundary of Millennia, in 2 vols.; Potential of the Agrarian Sector, vol. 1]. Kyiv, Inst. of Economy of the NAS of Ukraine, 2000 [in Ukrainian].
2. Borodkin F.M. *Sotsioekonomika. Stat'ya 1. Put' k gospodstvu nad khozyaistvom* [Socioeconomy. Article 1. A way to the domination over the economy]. *Obshch. Nauki i Sovremen. — Social Sci. and Contemp.*, 2006, No. 4, pp. 122–136 [in Russian].
3. Rudenko M. *Energiya Progresu. Narysy z Fizychnoi Ekonomii* [Energy of Progress. Essays on Physical Economy]. Ternopil', Dzhura, 2004 [in Ukrainian].
4. *Fizychna Ekonomiya u Vymirakh Teorii i Praktyky Gospodaryuvannya, za red. Yu.O. Lupenka, V.M. Zhuka, V.O. Shevchuka, O.V. Khodakivs'koi* [Physical Economy in Dimensions of the Theory and the Practice of Management], edited by Yu.O. Lupenko, V.M. Zhuk, V.O. Shevchuk, O.V. Khodakivs'ka. Kyiv, Inst. Agrar. Economy, 2013 [in Ukrainian].
5. Heets V., Yurchishin V., Borodina E., Prokopa I. *Sotsioekonomicheskaya modernizatsiya agrarnogo sektora Ukrainy (kontseptual'nye polozeniya)* [Socio-economic modernization of the agrarian sector of Ukraine (conceptual positions)]. *Ekonomika Ukrainy — Economy of Ukraine*, 2011, No. 12, pp. 4–14 [in Russian].
6. Borodina O.M., Heyets V.M., Gutorov A.O. et al. *Ukrains'ka Model' Agrarnogo Rozvytku ta Ii Sotsioekonomichna Pereorientatsiya, za red. V.M. Heytsya, O.M. Borodinoi, I.V. Prokopy* [The Ukrainian Model of Agrarian Development and Its Socio-Economic Reorientation], edited by V.M. Heyets, O.M. Borodina, I.V. Prokopa. Kyiv, Inst. for Economics and Forecast. of the NAS of Ukraine, 2012 [in Ukrainian].
7. Nefedova T. *Sotsial'naya geografiya sel'skogo khozyaistva* [Social geography of agriculture], available at: <http://www.ru-90ru/content> [in Russian].
8. Vernadskii V.I. *Biosfera i Noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Lvov, ARS, 2013 [in Russian].
9. Spengler O. *Zakat Evropy, v 2 t.* [Der Untergang des Abendlandes]. Moscow, Airispress, 2003 [in Russian].
10. Braudel F. *Material'na Tsyvilizatsiya, Ekonomika i Kapitalizm XV–XVIII st., u 2 t. Struktura Povsyakdennosti: Mozhlyve i Nemozhlyve, T. 1* [Civilisation Matérielle, Economic et Capitalisme XV–XVIII Siecle, in 2 Vols.; Les Structures du Quotidien: le Possible et l'Impossible, Vol. 1]. Kyiv, Osnova, 1995 [in Ukrainian].

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2015 г.

УДК 332.362 : 519.237.5(8)

П. М. ГРИЦЮК,
*профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой экономической кибернетики,*
Л. Д. БАЧИШИНА,
*соискатель,
старший преподаватель кафедры прикладной математики*

*Национальный университет водного хозяйства и природопользования
(Ривне)*

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ДИНАМИКУ УРОЖАЙНОСТИ ЗЕРНОВЫХ В УКРАИНЕ

Проанализировано влияние метеорологических факторов на урожайность зерновых культур в регионах Украины по таким исходным данным, как годовые значения урожайности зерновых в областях Украины, среднемесячная температура и месячные суммы осадков. Определены климатические факторы, существенно влияющие на урожайность зерновых в разных областях страны. Выполнен сравнительный анализ влияния метеофакторов на урожайность зерновых для двух периодов: 1992–2003 гг. и 2003–2014 гг.

Ключевые слова: зернопроизводство, метеорологические факторы, урожайность, динамика урожайности, корреляционная зависимость, кластерный анализ.

P. M. GRITSYUK,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Chair of Economic Cybernetics,*
L. D. BACHISHINA,
*Competitor,
Senior lecturer, Chair of Applied Mathematics*

*National University of Water Management and Nature Resources
(Rivne)*

INFLUENCE OF A CHANGE IN CLIMATIC CONDITIONS ON THE DYNAMICS OF THE CROP YIELD OF CEREALS IN UKRAINE

The influence of meteorological factors on the crop yield of cereals in Ukraine's regions is analyzed by the following input data: annual values of the crop yield of cereals in Ukraine's regions, mean monthly temperature, and monthly sums of precipitations. The climatic factors essentially affecting the crop yield of cereals in various regions of the country are determined. The comparative analysis of the influence of meteorological factors on the crop yield of cereals for two periods (1992–2003 and 2003–2014) is executed.

Keywords: grain production, meteorological factors, crop yield, crop yield dynamics, correlative dependence, cluster analysis.

© Грицюк Петр Михайлович (Gritsyuk Petr Mikhailovich), 2016; e-mail: gritsukp@ukr.net;

© Бачишина Лариса Дмитриевна (Bachishina Larisa Dmitrievna), 2016; e-mail: Larysa_bachyshyna@ukr.net.

Благодаря развитию аграрного производства в последние годы Украина вышла на мировой рынок зерновых как один из мощнейших экспортеров. Чтобы удержаться на достигнутых позициях, необходим стабильный рост производства зерна. Формирование урожая зерновых культур связано с комплексом абиотических факторов, среди которых важное место занимают природно-климатические условия. Несмотря на значительное количество исследований, цель которых — установить зависимость между метеорологическими факторами и биологической производительностью разных сельскохозяйственных культур, оптимальные показатели метеорологических факторов для похожих агроклиматических условий колеблются в широких пределах. Эта проблема остается актуальной и сейчас, поскольку потребность в периодическом уточнении оптимумов количества влаги и тепла будет существовать всегда в связи с изменением метеорологических условий. Эффективное развитие зернопроизводства требует научного обоснования рационального размещения посевных площадей для зерновых культур с учетом потенциальной урожайности и климатических условий, которые за последние десятилетия существенно изменились. Это привело к изменению ассортимента выращиваемых зерновых и географии их расположения.

Вопросы зависимости урожайности культур от климатических факторов рассматривали В. Дмитренко [1], Л. Попытченко [2], В. Калиниченко [3], М. Барабаш [4], В. Панников [5], Ю. Тарарико [6]. В частности, ученые отмечают, что в Украине в последние годы ведутся работы по оценке реакции зерновых культур на изменение климата и условий их выращивания [2]. Для более качественного информационного обеспечения сельскохозяйственного производства, прогнозирования производительности отдельных культур целесообразно проводить исследования на локальном, региональном и государственном уровнях [6]. Одна из проблем адаптации растений к местным агроклиматическим условиям — установление оптимального уровня тепла и влаги [2].

В связи с этим **цель статьи** — определить влияние метеорологических факторов на урожайность зерновых культур в условиях разных регионов Украины, исследовать корреляционную зависимость урожайности зерновых культур от метеорологических факторов.

Влияние метеорологических факторов на урожайность зерновых культур устанавливалось с помощью корреляционно-регрессионного анализа. Мы исследовали зависимость показателей урожайности зерновых от таких метеоданных, как среднемесячные показатели температуры воздуха и количество осадков для наиболее важных месяцев вегетационного периода. Данные об урожайности зерновых культур взяты из материалов Государственной службы статистики Украины, гидрометеорологические данные — на сайте <http://gr5.ua> за период 1992–2014 гг.

Используя программный пакет Statistica, можно выделить группы областей, в которых динамика изменений урожайности одинакова. Для исследований мы применили методику кластерного анализа [7], в результате чего были получены три группы областей (рис. 1).

К *первой* группе (центральный регион) можно отнести Полтавскую, Киевскую, Житомирскую, Черкасскую, Винницкую, Черниговскую и Сумскую области. Для них характерны высокие показатели урожайности и темпов ее роста. Ко *второй* группе (западный регион) принадлежат Волынская, Ривненская, Хмельницкая, Тернопольская, Черновицкая, Ивано-Франковская и Львовская области. Для них характерны средние показатели урожайности и темпов ее роста. К *третьей* группе (юго-восточный, или степной, кластер) относятся Харьковская, Донецкая, Днепропетровская,

Закарпатская, Кировоградская, Херсонская, Николаевская и Одесская области. Для этой группы характерны низкие показатели урожайности и темпов ее роста. Закарпатская и Луганская области и АР Крым в силу географического положения и особенностей климата характеризуются специфической динамикой урожайности и не относятся к указанным кластерам. Выделенные нами кластеры зернопроизводства отображают особенности климата и почвенного покрова соответствующих регионов. Графическая иллюстрация проведенной классификации представлена на рисунке 1. Учитывая географическое положение, Черновицкую область мы решили включить в западный кластер, хотя это и не согласуется с результатами кластерного анализа.

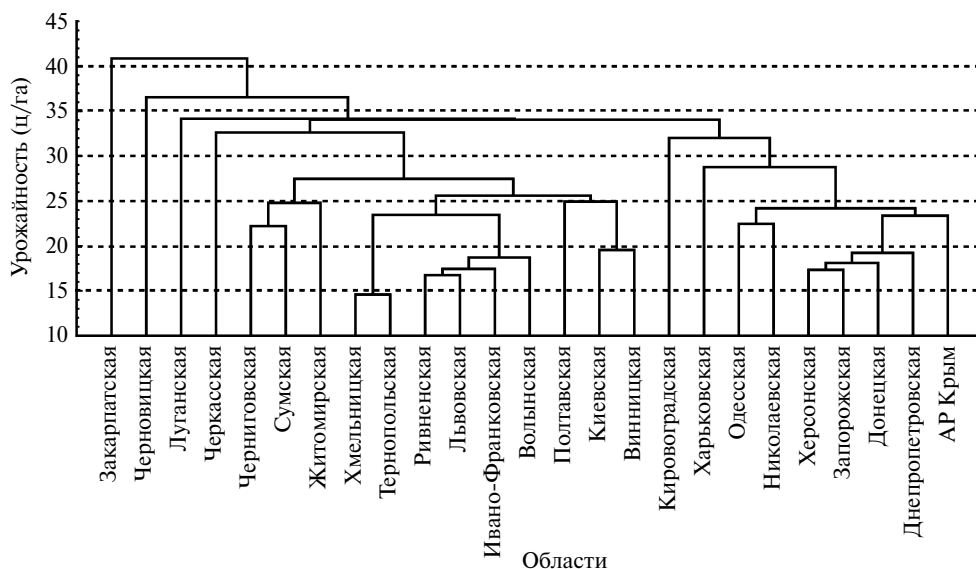

Рис. 1. Кластерный анализ динамики урожайности зерновых по областям Украины

Согласно статистическим данным, за последние 15 лет наивысшая урожайность зерновых наблюдалась в Черкасской, Киевской, Черновицкой, Винницкой, Закарпатской и Полтавской областях. Наибольшими темпами урожайность росла за этот период в Сумской, Винницкой, Житомирской, Черкасской, Хмельницкой, Тернопольской, Черновицкой, Киевской и Полтавской областях (рис. 2 и 3). Эти области образуют основной регион производства зерна в Украине. В степной зоне прирост урожайности был малозаметен. Поднять ее в этом регионе можно, только применив орошение. Таким образом, за последнее десятилетие заметно увеличилась роль центральных областей Украины в формировании валового урожая зерновых, а вклад областей степной зоны — уменьшился.

Если проанализировать динамику урожайности зерновых в разрезе регионов, то следует отметить, что больше всего выросла средняя урожайность центрального региона — с 27 ц/га до 50 ц/га (рис. 4), а средняя урожайность зерновых западного региона — с 29 ц/га до 43 ц/га. В степном регионе рост урожайности зерновых незначителен — с 26 ц/га до 29 ц/га. Следовательно, в последние годы наблюдается постоянное увеличение урожайности зерновых в Украине. Это оказалось возможным благодаря применению новейших агротехнологий крупнейшими зернопроизводителями. Вместе с тем происходят динамические изменения урожайности, отображающие изменения климата в последние годы.

Межправительственная группа экспертов по изменению климата при ООН и Всемирная метеорологическая организация регулярно предоставляют правитель-

ственным и общественным организациям материалы о наблюдении за изменениями климата Земли. Согласно этой информации, с конца XIX и до начала XXI в. глобальная температура воздуха повысилась приблизительно на $0,6^{\circ}\text{C}$. Средняя скорость роста глобальной температуры до 1970 г. составила $0,05^{\circ}\text{C}$ в течение десяти лет, а в последние десятилетия она удвоилась. В период наиболее интенсивного глобального потепления (1975–2000 гг.) почти на всей территории Украины наблюдалось уменьшение амплитуды колебания осадков, а в начале XXI в. количество осадков увеличилось [4] (рис. 4).

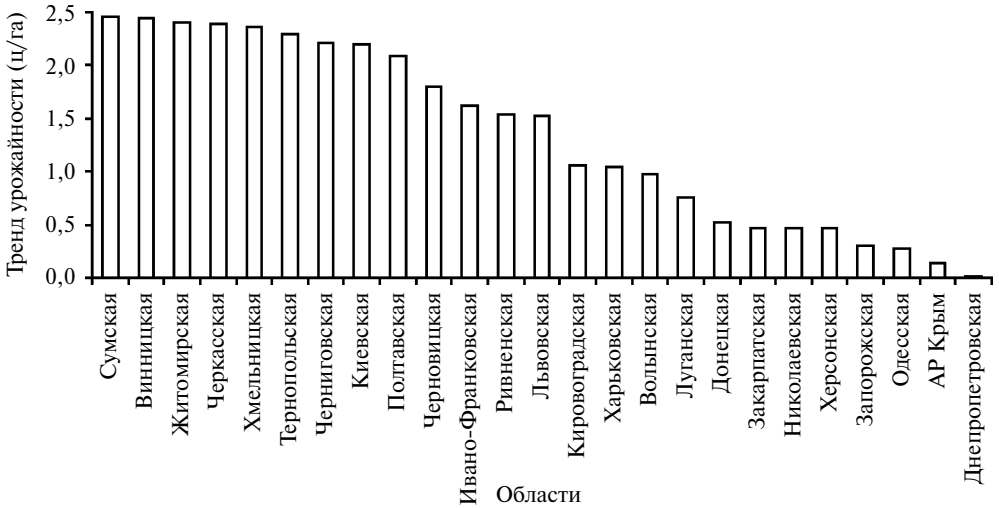

Рис. 2. Темпы ежегодного роста урожайности зерновых по областям Украины в 1990–2014 гг.

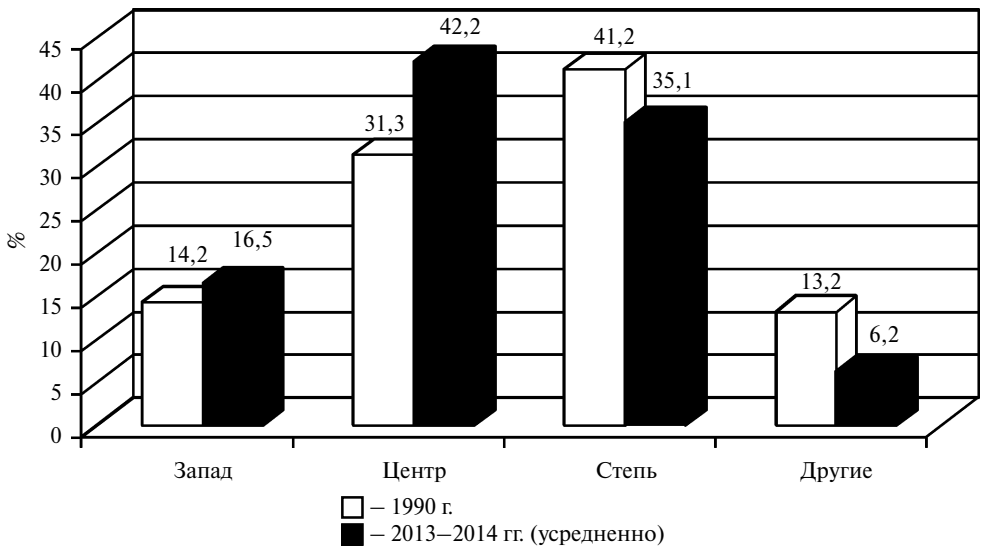

Рис. 3. Доля валового сбора зерновых в Украине

Вегетационный период озимых зерновых начинается осенью и заканчивается летом следующего года. Поскольку вегетация зимой прекращается, то наиболее важными месяцами можно считать сентябрь, октябрь, апрель, май, июнь. Для вегетации яровых культур важны только три последних месяца, каждый из которых играет определенную роль в росте и развитии растений. Важность влияния погодных условий можно выявить благодаря оценке корреляции урожайности с клима-

тическими факторами каждого месяца. Основные факторы — средняя месячная температура и месячное количество осадков.

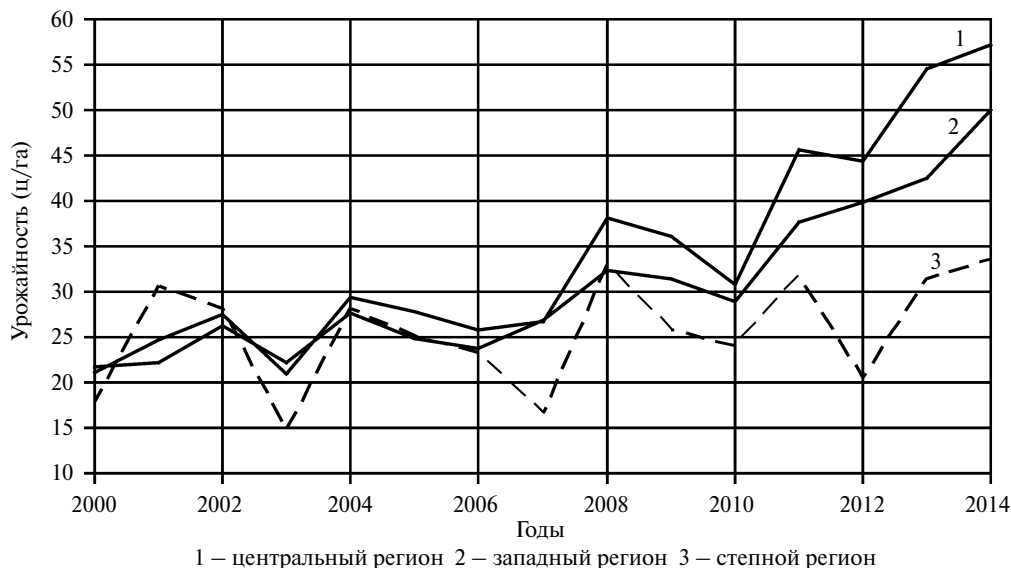

Рис. 4. Динамика урожайности зерновых в регионах Украины

Анализ климатических изменений в разных регионах Украины за последние 24 года позволил определить характерные особенности. Для первой группы — это уменьшение осадков в апреле (на 10–30%). В некоторых областях (Полтавской, Сумской) уменьшение количества осадков в апреле достигает 50%. Это сопровождается увеличением среднемесячной температуры в апреле на 0,5–1,0°C. Похожие климатические изменения касаются и сентября. В некоторых областях (Житомирской, Полтавской, Сумской, Черниговской) наблюдается увеличение среднемесячной температуры в октябре на 1,0°C. Наиболее заметное изменение для областей западного региона — увеличение количества осадков в мае, в среднем — на 30%.

Степной регион характеризуется уменьшением количества осадков в апреле на 30–50%. Повышение средней температуры в мае составляет 1,5°C. Для некоторых областей (Днепропетровской, Запорожской, Одесской) это компенсируется увеличением количества осадков в мае на 20–30%. Между изменениями количества осадков и средней температуры в степном регионе наблюдается отрицательная корреляционная связь. Особенно заметна она для осенних месяцев (сентября, октября), когда повышение средней температуры сопровождается уменьшением количества осадков.

Для определения влияния изменений климата на урожайность зерновых культур была применена методика корреляционного анализа. Весь временной промежуток мы разбили на два равных отрезка длиной 12 лет (1992–2003 гг. и 2003–2014 гг.) для выявления изменений и тенденций. Такой период наблюдений является достаточным для обеспечения статистической значимости коэффициента корреляции (r) и его устойчивости относительно сдвигов временного окна [7].

Значимость коэффициента r определяют при сравнении фактического значения t — критерия Стьюдента $t_r = \frac{r}{\sqrt{1-r^2}} \cdot \sqrt{n-1}$ с его табличным значением при

$d(f) = n - 2$ степенях свободы (n — количество наблюдений).

Устойчивость коэффициента корреляции означает, что при передвижении временного окна на 1 год вперед он будет изменяться незначительно. Для периода наблюдений $n = 12$ лет граница статистической значимости коэффициента корреляции при уровне доверия 95% составляет $|r| = 0,56$, а при уровне доверия 75% $|r| = 0,35$.

Для указанных временных промежутков характерны следующие процессы:

— в 1990-е годы наблюдались распад коллективной системы сельскохозяйственного производства и обострение экологического кризиса, следствием чего стал резкий спад зернопроизводства;

— в начале 2000-х годов в сельском хозяйстве Украины завершилась структурная перестройка; крупные агрофирмы, агропромышленные предприятия благодаря использованию высокопродуктивного семенного материала и современных технологий достигли, начиная с 2001 г., заметного увеличения объемов зернопроизводства;

— на стыке веков произошли значительные изменения климатических условий [4; 8].

Следует заметить, что из-за стохастического характера климатических процессов климатические факторы месяца даже для соседних областей могут существенно отличаться. В первую очередь это касается количества осадков. Поэтому для более четкого определения динамики изменений климатических факторов и их влияния на урожайность зерновых целесообразно проводить анализ не по областям, а в разрезе выделенных нами регионов.

Анализ климатических факторов показал, что за последние 24 года для центрального региона стало характерным уменьшение количества осадков в апреле и осенью (в сентябре, октябре). Это сопровождается увеличением температуры в весенние и летние месяцы.

В западном регионе за этот период количество осадков осенью (в сентябре, октябре) уменьшилось, а в мае — выросло. Для степного региона наблюдается резкое уменьшение количества осадков в апреле и менее заметное — в июне. Средняя температура мая — июня повысилась на 3–4°C.

Показатели коэффициента корреляции между урожайностью и усредненными значениями климатических факторов для выделенных нами регионов Украины приведены в таблице. В ней использованы следующие обозначения: R_4 — количество осадков в апреле, T_4 — среднемесячная температура в апреле, R_5 — количество осадков в мае, T_5 — среднемесячная температура в мае, R_6 — количество осадков в июне, T_6 — среднемесячная температура в июне, R_9 — количество осадков в сентябре, T_9 — среднемесячная температура в сентябре, R_{10} — количество осадков в октябре, T_{10} — среднемесячная температура в октябре.

Анализ таблицы позволяет сделать определенные выводы. Для центрального региона Украины в 1992–2003 гг. важнейшим климатическим фактором была средняя температура в июне — для высокой урожайности этот месяц должен был быть прохладным. В 2003–2014 гг. важнейшими факторами были достаточно теплый апрель, достаточное количество осадков в мае и их малое количество в октябре.

Для областей западного региона урожайность зерновых в 1990-е годы определялась достаточным количеством осадков осенью, а апрель, напротив, должен был быть малодождевым и прохладным. А в 2003–2014 гг. важнейшими факторами стали теплый апрель и малодождевой октябрь.

Урожайность зерновых в степном регионе в 1992–2003 гг. определяли дождливые и прохладные май и июнь. В 2003–2014 гг. основными факторами, способство-

вавшими высокой урожайности, стали дождливый и теплый апрель и дождливый и прохладный май.

Коэффициент корреляции между урожайностью и климатическими факторами для регионов Украины *

Регион	Годы	R_4	R_5	R_6	R_9	R_{10}	T_4	T_5	T_6	T_9	T_{10}
Центр	1992–2003	0,08	0,24	0,28	–0,12	–0,30	–0,29	–0,09	–0,59	0,00	0,05
	2003–2014	0,13	0,37	0,24	0,28	–0,35	0,56	0,23	0,37	0,00	0,20
Запад	1992–2003	–0,51	0,29	–0,05	0,37	0,45	–0,42	–0,12	–0,47	0,18	–0,11
	2003–2014	0,13	0,26	0,06	0,29	–0,42	0,57	0,16	0,18	0,07	0,10
Степь	1992–2003	0,12	0,47	0,59	0,20	–0,28	–0,12	–0,47	–0,42	–0,34	0,12
	2003–2014	0,52	0,34	0,23	0,23	0,36	0,37	–0,38	–0,13	–0,27	0,08

* Рассчитано по данным Государственной службы статистики Украины и метеостанций, расположенных на территориях соответствующих областей Украины, за период 1992–20014 гг.

Обобщая изложенное, стоит сказать, что решающими для будущей урожайности являются погодные условия апреля, мая и июня. Погодные условия осенних месяцев менее важны, хотя можно отметить рост роли климатических условий октября.

Таким образом, проведенные нами исследования свидетельствуют о заметных изменениях климата в разных регионах Украины за последние 24 года в сторону существенного потепления, сопровождаемого уменьшением количества осадков. Эти изменения непосредственно влияют на изменения урожайности зерновых культур. Если в 1990-е годы основным зернопроизводящим регионом был степной, то в последнее десятилетие первенство перешло к центральному региону. Области, входящие в него, имеют самую высокую не только урожайность зерновых, но и динамику ее роста. Эти изменения необходимо учитывать при планировании посевов зерновых культур и организации соответствующей инфраструктуры для их обработки, хранения и продажи.

Список использованной литературы

1. Дмитренко В.Л. Адаптації меліоративного землеробства до погоди і клімату // Вісник аграрної науки. — 2003. — № 2. — С. 52–56.
2. Попитченко Л.М. Погодно-кліматичні умови вегетації озимої пшениці в Луганській області / Збірник наукових праць Луганського Національного аграрного університету : Серія "Сільськогосподарські науки". — Луганськ : Елтон-2, 2009. — Вип. 100. — С. 121–124.
3. Калініченко В.М. Агроекологічне обґрунтування та моделювання впливу кліматичних факторів на урожайність та якість зерна сої в умовах центрального Лісостепу України : автореф. дис. ... канд. с.-г. наук. — Житомир, 2005. — 20 с.
4. Барабаш М.Б., Корж Т.В., Татарчук О.Г. Дослідження змін та коливань опадів на рубежі ХХ і ХХІ ст. в умовах потепління глобального клімату // Наук. праці УкрНДГМІ. — 2004. — Вип. 253. — С. 92–102.
5. Панников В.Д., Минеев В.Г. Почва, климат, удобрение и урожай. — М. : Колос, 1977. — 416 с.
6. Тараріко Ю.О., Чернокозинський А.В., Сайдак Р.В. та ін. Вплив агротехнічних і агрометеорологічних факторів на продуктивність агроєкосистем // Вісник аграрної науки. — 2008. — № 5. — С. 64–67.

7. Грицюк П.М. Аналіз, моделювання та прогнозування динаміки врожайності озимої пшениці в розрізі областей України : моногр. — Рівне : НУВГП, 2010. — 350 с.
8. Ліпінський В.М., Дячук В.А., Бабіченко В.М. Клімат України. — К. : Вид-во Раєвського, 2003. — 343 с.

References

1. Dmytrenko V.L. *Adaptatsii melioratyvnogo zemlerobstva do pogody i klimatu* [Adaptations of the meliorated farming to the weather and climate]. *Visnyk Agr. Nauky – Bull. of Agrar. Sci.*, 2003, No. 2, pp. 52–56 [in Ukrainian].
2. Popytchenko L.M. *Pogodno-klimatychni umovy vegetatsii ozymoї pshenytsi v Lugans'kii oblasti, v: Zbirnyk Naukovykh Prats' Lugans'kogo Natsional'nogo Agrarnogo Universytetu, Seriya "Sil's'kogospodars'ki Nauky"* [The weather-climatic conditions of the vegetation of winter wheat in the Lugans'k region, in: Collection of Scientific Works of Lugans'k National Agrarian University, Series "Agricultural Sciences"]. Lugans'k, Elton-2, 2009, Iss. 100, pp. 121–124 [in Ukrainian].
3. Kalinichenko V.M. *Agroekologichne obgruntuvannya ta modelyuvannya vplyvu klimatychnykh faktoriv na urozhainist' ta yakist' zerna soi v umovakh tsentral'nogo Lisostepu Ukrainy : avtoref. dys. ... kand. s.-g. nauk* [The agroecological substantiation and modeling of the influence of climatic factors on the crop yield and quality of soybean grains under conditions of the central Forest-Step of Ukraine : Author's abstract of Candidate degree thesis (Agr. Sci.)]. Zhytomyr, 2005 [in Ukrainian].
4. Barabash M.B., Korzh T.V., Tatarchuk O.G. *Doslidzhennya zmin ta kolyvan' opadiv na rubezhi XX i XXI st. v umovakh poteplinnya global'nogo klimatu* [Study of changes and variations of precipitations on the boundary of the XX and XXI centuries under conditions of the global climate warming]. *Nauk. Pratsi UkrNDGMI – Sci. Works of USRHMI*, 2004, Iss. 253, pp. 92–102 [in Ukrainian].
5. Pannikov V.D., Mineev V.G. *Pochva, Klimat, Udobrenie i Urozhai* [Soil, Climate, Fertilizers, and Yield]. Moscow, Kolos, 1977 [in Russian].
6. Tarariko Yu.O., Chernokozyns'kyi A.V., Saidak R.V. et al. *Vplyv agrotekhnichnykh i agrometeorologichnykh faktoriv na produktyvnist' agroekosystem* [Influence of agrotechnical and agrometeorological factors on the productivity of agroecosystems]. *Visnyk Agr. Nauky – Bull. of Agrar. Sci.*, 2008, No. 5, pp. 64–67 [in Ukrainian].
7. Grytsyuk P.M. *Analiz, Modelyuvannya ta Prognozuvannya Dynamiky Vrozhainosti Ozymoi Pshenytsi v Rozrizi Oblastei Ukrainy* [Analysis, Modeling, and Forecast of the Dynamics of the Crop Yield of Winter Wheat over Ukraine's Regions]. Rivne, NUWEE, 2010 [in Ukrainian].
8. Lipins'kyi V.M., Dyachuk V.A., Babichenko V.M. *Klimat Ukrainy* [Ukraine's Climate]. Kyiv, Publ. House Raevs'kogo, 2003 [in Ukrainian].

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2015 г.

МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

УДК 339.97(477):32.015.5

И. А. ТИТАРЬ,
кандидат социологических наук,
научный сотрудник отдела мониторинговых исследований
социально-экономических трансформаций
ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины"
(Киев)

ИМИДЖ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ АССОЦИИИ С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

Изучено мнение наиболее влиятельных зарубежных аналитических центров относительно ситуации в Украине в течение весны 2014 г. — осени 2015 г. В качестве базы исследования взяты англоязычные версии сайтов этих центров согласно рейтингу "Go to Think Tank Index Report" Пенсильванского университета. Проанализированы распространенность и интенсивность внимания к Украине и фреймы ее восприятия. Особое внимание уделено ассоциации Украины и ЕС, рекомендациям и предостережениям, изложенным центрами.

Ключевые слова: аналитические центры, фреймы восприятия, Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС.

I. A. TITAR',
Cand. of Sociol. Sci.,
Sci. Researcher, Department of Monitoring Studies
of Socio-Economic Transformations,
Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine
(Kiev)

IMAGE OF UKRAINE IN THE CONTEXT OF ITS ASSOCIATION WITH THE EUROPEAN UNION

Thoughts of the most influential foreign analytic centers about the situation in Ukraine during Spring 2014 – Autumn 2015 are studied. As the base of studies, the English versions of the sites of those centers with regard for the rating "Go to Think Tank Index Report" of the Pennsylvania University are taken. The extent and the intensity of the attention to Ukraine, as well as the frames of its perception, are analyzed. The special attention is paid to the association of Ukraine and EU and to recommendations and cautions expressed by the centers.

Keywords: analytic centers, frames of perception, EU – Ukraine Association Agreement.

Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС вступило в силу 1 января 2016 г. В то же время Украина продолжает находиться в состоянии войны и нуждается в помощи и поддержке всего мира, в первую очередь стран Запада. Для укрепления диалога Украины с зарубежными партнерами и корректировки процесса украинских реформ, улучшения имиджа страны необходимо понимать, какой ее видят мировая общественность, иностранные политики, бизнес. Это позволит прогнозировать ре-

акции партнеров, а также реагировать на пожелания и предостережения, звучащие в последнее время. По мнению разных авторов, важную роль играют правительственные и неправительственные аналитические центры (в английской терминологии — “think tanks”). Будучи неотъемлемой составляющей гражданского общества в развитых странах Запада, они являются промежуточным звеном между обществом и правительством, важными центрами выработки аналитических материалов и стратегических направлений политики. Кроме того, в настоящее время гражданское общество и аналитические центры становятся все более глобальными и могут рассматриваться даже в качестве самостоятельных центров международного влияния. Оценка их внимания к нашей стране и Соглашению об ассоциации между Украиной и ЕС, содержание имеющихся оценок позволяют увидеть возможности и риски, которые могут возникнуть в связи с вступлением его в силу.

Хотя исследования американского “Исследовательского центра Пью” (“Pew Research Center”) [1], немецкого Фонда Бертельсмана (“Bertelsmann Stiftung”) [2], украинского Института мировой политики [3] и других организаций позволили пролить свет на то, как Украину понимает мировая общественность, а восприятие страны иностранными политиками хорошо известно благодаря публичности их деятельности, видение Украины самыми влиятельными мировыми аналитическими центрами остается малоизученным вопросом. С учетом этого **цель статьи** — проанализировать место Украины с точки зрения масштабов интереса к ней и фреймов восприятия, внимания к Соглашению об ассоциации между Украиной и ЕС, а также видения возможностей и рисков, упоминающихся в контексте с ней.

Методология исследования

Существует огромное количество аналитических центров, поэтому вопрос о том, какие именно из них стоит отобрать для этого исследования, не очевиден. Понимая эту проблему, мы решили полагаться на признанный “Всемирный индекс-рейтинг аналитических центров” “Go to Think Tank Index Report”, который ежегодно публикуется Пенсильванским университетом в рамках программы “Аналитические центры и гражданское общество”*. Основу рейтинга составляет широкомасштабный опрос представителей аналитических центров и экспертов в разных сферах**.

С учетом географического и тематического многообразия аналитических центров в рамках рейтинга они разбиты на отдельные субрейтинги по регионам и направлениям работы. Наиболее релевантными вопросами, представляющими интерес в контексте Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС, являются аналитические центры, специализирующиеся на международном развитии и международной экономической политике. Мы проанализировали топ-10 аналитических центров из этих двух групп. При этом практические требования заставили нас сделать некоторые исключения. Во-первых, поскольку нас интересовала прежде всего точка зрения западных аналитических центров, из выборки для анализа был удален единственный российский аналитический центр, попавший в топ-10 аналитических центров по международной экономической политике, — Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Поскольку с “европоцентрической” точки зрения в топ-позициях рейтинга было слишком много американских аналитических центров, избирательно анализировались следующие центры из топ-списка, если они относились к регионам Западной и Центральной Европы. Всего в выборку попал 21 аналитический центр (полный перечень мож-

* Переведен на украинский язык в 2014 г. Центром Разумкова [4]; оригинал на английском — [5].

** Детальное описание можно найти в украинской версии отчета [4, с. 51].

но увидеть на рисунке 3). Некоторые из них (например, Институт Брукингса ("Brookings Institution"), США) занимали топ-позиции среди обоих тематических рейтингов. США представлены 11 аналитическими центрами, Великобритания — 3, Германия — 2, Австрия, Бельгия, Польша (с группой стран-соседей), Норвегия и Япония — по 1. После определения выборки аналитических центров для исследования были проанализированы материалы на их интернет-сайтах.

С учетом хронологических рамок анализа мы сконцентрировались на 2015 г., хотя в случае недостаточного количества материалов за этот год границы исследования расширялись на весну 2014 г. — осень 2015 г.

Стоит отметить, что наш подход позволяет только приблизительно и в целом оценить внимание к нашей стране и Соглашению об ассоциации между Украиной и ЕС. В то же время представленные на интернет-сайтах материалы были разными по статусу (от докладов до коротких записей в блоге), объемам и масштабам распространения и влияния. Следовательно, количественные оценки стоит воспринимать как общие тенденции, а не точные значения.

Результаты

Украина фигурирует в повестке дня влиятельных мировых аналитических центров.

Страны происхождения материалов (с учетом их объема), которые были идентифицированы на сайтах аналитических центров из нашей выборки, представлены на рисунке 1. Почти половина из них приходится на аналитические центры из США. Данные отображают, с одной стороны, топ-позиции американских аналитических центров в рейтинге "Go to Think Tank Index Report" (2014), а с другой — достаточно большое внимание, которое американские исследовательские центры уделяют Украине.

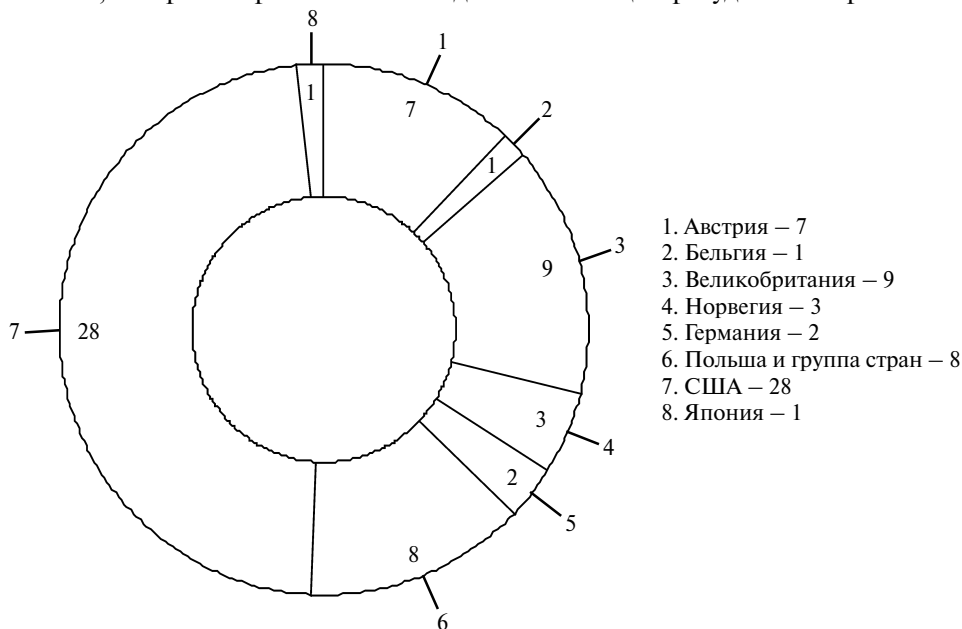

Рис. 1. Материалы, посвященные Украине, на сайтах самых влиятельных аналитических центров разных стран

Из рисунка 1 видно, что аналитические центры из стран ЕС отстают от центров США по количеству материалов. Это довольно странно, если учесть, что они географически граничат с Украиной и именно с ними подписано Соглашение об ассоциации. Большим вниманием к Украине отличаются британские аналитические центры (например, "Чатем Хаус" ("Chatham House")). При этом следует заметить, что их

взгляды на Украину имеют очень много общего с американскими. В значительной степени можно говорить об англо-американской точке зрения. Среди аналитических центров стран ЕС кроме британских больше всего внимания Украине уделяют центры из Польши и соседних стран Центрально-Восточной Европы. Внимание со стороны аналитических центров Германии очень ограничено. Однако, на наш взгляд, частично это компенсируется комплексностью и масштабностью проектов, касающихся Украины, а также тесными отношениями с аналитическими центрами из Польши и Украины. Интересна дифференциация крупных аналитических центров Германии с точки зрения идеологии. Если самый влиятельный центр, связанный с левыми (Фонд Фридриха Эберта), практически не считается с Украиной, то основной центр правых (Фонд Конрада Аденауэра), напротив, уделяет ей значительное внимание. Из европейских стран большим интересом к Украине отличается влиятельный аналитический центр Норвегии, которая не является членом ЕС. Его позиция относительно Украины смелая и достаточно благосклонная, что сближает его с аналитическими центрами США и Великобритании *.

Наименьшее внимание к Украине наблюдается со стороны аналитических центров Японии, что проявляется в незначительной доле японских аналитических центров в рейтинге, ведь для них украинский вопрос перифериен.

Важным фактом также является абсолютное и относительное количество упоминаний об Украине в материалах на сайте по сравнению с общим количеством информации, поскольку это дает возможность определить интенсивность интереса к проблемам нашей страны. Приблизительные оценки этого показателя изображены на рисунке 2; мы осознаем, что в результате ограниченности наших целей и возможностей они довольно грубые, к тому же вариация и объем выборки недостаточно велики для существенных обобщений.

Даже при указанных ограничениях можно отметить, что относительное количество материалов об Украине на сайтах влиятельных аналитических центров достаточно высокое. Аналитические центры Великобритании, США и Польши (и соседних стран региона **) больше других концентрируются на украинских вопросах, средний уровень интенсивности внимания демонстрируют центры из Австрии, Норвегии, Германии и Бельгии. Незначителен интерес к Украине со стороны японского аналитического центра. В США также есть аналитические центры, которые упоминают Украину (и вообще Европу) очень бегло, — из-за сосредоточенности на внутренних проблемах.

Подытоживая, можно сделать вывод, что жаловаться на то, что Украина не попадает в поле внимания иностранных (и в первую очередь западных) аналитических центров, неправильно. Украина однозначно есть в повестке дня влиятельных аналитических центров мира.

В 2015 г. в экспертных обсуждениях тема российско-украинской войны начала вытеснять вопрос экономической и политической интеграции с ЕС.

Важно также понять, через какие темы, образы и схемы подается информация об Украине, какие дискурсивные схемы при этом используются. Все это подпадает под явление, называемое в научной литературе “фреймами (рамками) восприятия”.

* Похоже, большое внимание и благосклонное отношение к Украине со стороны аналитических центров США, Великобритании, стран Скандинавии (в данном случае — Норвегии) и Польши связаны с доминирующими в среде их политических и интеллектуальных элит геополитическими взглядами, в рамках которых независимость Украины расценивается как свершившийся факт, а попытки политических элит России интерпретировать ее как зону своих “законных” интересов осуждаются. В то же время политические и интеллектуальные элиты Германии и Австрии в этом вопросе более амбивалентны и открыты для российских концепций.

** Анализировался только центральный, а не украинский, сайт организации “Центр социальных и экономических исследований” (CASE).

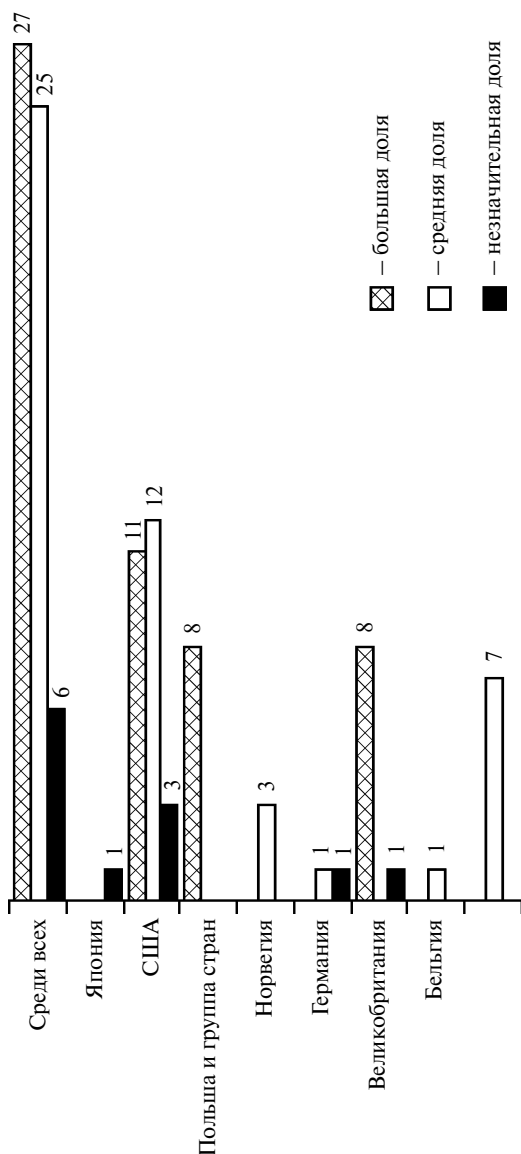

Рис. 2. Интенсивность упоминаний об Украине на сайтах самых влиятельных аналитических центров (по странам)

Только в четверти материалов, касающихся Украины, упоминалось также и об ассоциации с ЕС. Вопросы ассоциации и зоны свободной торговли с ЕС оказались вытесненными по крайней мере на второй план (“среди всех” — на рисунке 3) интересов влиятельных иностранных аналитических центров. Даже в тех материалах, где тема ассоциации присутствовала, она проходила, скорее, как фон, а не как главная.

Основное внимание аналитических центров в течение весны 2014 г. — осени 2015 г. было приковано к российско-украинской войне, а также в меньшей степени — к проблемам макроэкономической стабильности и реформирования Украины. Последние в настоящее время интересуют их больше с позиций снижения уровня безопасности на континенте, а не с точки зрения стратегических перспектив Украины и ее движения в направлении к ЕС (как мы это привыкли видеть в нашей стране). Другими словами, проблемы европейской безопасности затмили вопрос расширения ЕС.

Если посмотреть на приблизительные значения показателей внимания к вопросу об ассоциации с ЕС, то будет заметно, что среди лидеров — такие американские аналитические центры, как Центр Вудро Вильсона, Институт Петерсона, корпорация RAND; в Европе лидируют Норвежский институт международных дел и CASE.

Главный фрейм, влияющий на имидж Украины, — “война”. С точки зрения влиятельных западных аналитических центров, вопросы ассоциации и войны тесно связаны; среди них значительно распространено мнение, что Запад несет ответственность за войну в Украине, поскольку Россия напала именно из-за сближения страны с ЕС. В целом Украина воспринимается с симпатией, как страна, которой нужно оказать экономическую помощь (со стороны МВФ и ЕС). В то же время упоминания о том, что Украине стоит оказать военную помощь, встречаются нечасто и, как правило, исходят от аналитических центров США, а не европейских стран. Также Украина воспринимается как страна, которая требует срочных реформ, однако еще не достигла на этом пути серьезных успехов. Запрос на разъяснение Украиной того, какие реформы происходят и каких успехов ей удалось достичь, очень высок. Создается впечатление, что больше всего с этим Украине готов помогать британский аналитический центр.

Главный фрейм, влияющий на имидж Украины, — “война”. С точки зрения влиятельных западных аналитических центров, вопросы ассоциации и войны тесно связаны; среди них значительно распространено мнение, что Запад несет ответственность за войну в Украине, поскольку Россия напала именно из-за сближения страны с ЕС. В целом Украина воспринимается с симпатией, как страна, которой нужно оказать экономическую помощь (со стороны МВФ и ЕС). В то же время упоминания о том, что Украине стоит оказать военную помощь, встречаются нечасто и, как правило, исходят от аналитических центров США, а не европейских стран. Также Украина воспринимается как страна, которая требует срочных реформ, однако еще не достигла на этом пути серьезных успехов. Запрос на разъяснение Украиной того, какие реформы происходят и каких успехов ей удалось достичь, очень высок. Создается впечатление, что больше всего с этим Украине готов помогать британский аналитический центр.

ский центр “Чатем Хаус”, но другие организации также, похоже, готовы предоставлять свои информационные площадки. Несмотря на медленный темп реформ, будущее Украины не воспринимается пессимистически. Напротив, среди аналитических центров распространен сдержанный и критический, но оптимизм.

Часть проблем Украины воспринимается сквозь призму того, что ЕС несет ответственность за Украину, но на практике не готов играть ответственную роль и предложить стратегическую программу, поэтому критика ЕС достаточно распространена. Американские аналитические центры считают, что ЕС сделал для Украины мало, в том числе из-за желания “не провоцировать” Россию. Например, Центр Вудро Вильсона пишет, что ЕС позволяет России достичь своей стратегической цели — сорвать интеграцию Украины в ЕС. Он также критикует недостаточное единство в оказании помощи Украине среди стран ЕС. Норвежский институт международных отношений пишет, что ЕС играет центральную, пусть и противоречивую, роль в украинском кризисе — он является и источником конфликта, и главным инструментом его дипломатического урегулирования. CASE отмечает: участники организованной им панельной дискуссии согласились с тем, что ЕС не хватает стратегической программы, которая бы выходила за рамки политики соседства, которая сложилась в других политических условиях и в настоящее время должна быть пересмотрена. Институт Петерсона прямо призывает создать для Украины аналог “плана Маршалла”.

Еще один фрейм восприятия Украины — “угроза”. Конечно, главной угрозой является перспектива первой за 70 лет полномасштабной войны на Европейском континенте. Иногда эта мысль высказывается прямо, иногда — завуалированно. Существуют еще угрозы потери бизнеса, торможения экономического роста в Евразии из-за санкций стран ЕС, ответа со стороны России и экономического падения в Украине, РФ и в большинстве постсоветских стран. Последняя угроза, о которой стоит вспомнить, — возможные перебои в снабжении природного газа в страны ЕС вследствие войны России с Украиной.

Возможности и риски, связанные со вступлением в силу Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС

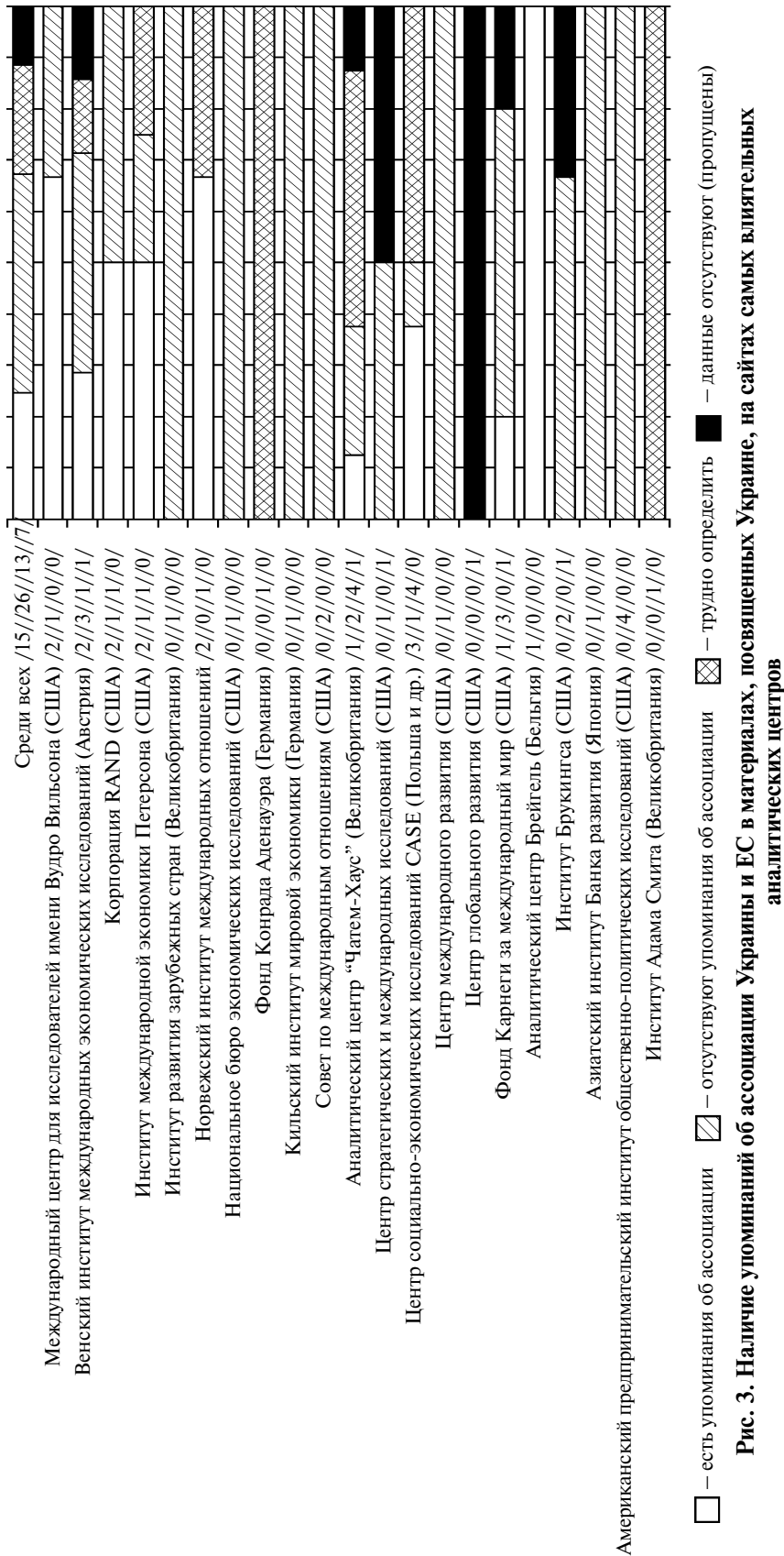
Большинство материалов, касающихся тематики ассоциации, к сожалению, как уже отмечалось, рассматривают эту проблему не слишком широко. Трудно сказать, что стоит за таким очень невысоким уровнем внимания. Можно допустить, что сам по себе факт подписания Соглашения во влиятельных западных и мировых аналитических центрах не воспринимается как событие стратегической важности (в отличие от российско-украинской войны). В Украине же это событие оценивают как очень важное и само по себе, и в связи с началом Евромайдана и российской военной агрессией, и это вызывает определенную аберрацию в восприятии ассоциации, которая проектируется на внешний мир.

В итоге влиятельные иностранные аналитические центры называют такие **положительные возможности** от ассоциации с ЕС:

- расширение доступа Украины к большому и богатому рынку стран ЕС, усиление на нем позиций для товаров и услуг, конкурирующих с аналогичными российскими;

- консультативная и техническая помощь со стороны ЕС, усиление коммуникации с его структурами, рост возможностей финансирования модернизации инфраструктуры страны;

- рост потенциала для перенесения из соседних стран ЕС (в первую очередь — из Польши) трудоемких производств, производств компонентов и сервисных услуг благодаря низкой стоимости труда и наличию образованного населения в Украине;

- активное привлечение прямых иностранных инвестиций;
- совершенствование регуляторной среды для украинского бизнеса в результате введения правил и норм, требуемых Соглашением об ассоциации;
- в целом выход на новую, более динамичную траекторию экономического роста;
- политическая поддержка в случае торговых войн с Россией и экономическими объединениями, в которых она доминирует.

В то же время упоминаются и **риски** от подписания и вступления в силу Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС:

а) экономические:

- расходная адаптация стандартов и правовых “общих достижений” ЕС, чего требует зона свободной торговли;
- отмена Россией режима свободной торговли, если компромисс не будет достигнут *, а также в целом ослабление экономического сотрудничества с РФ и существенная потеря рынка этой страны (в краткосрочной перспективе – возможное ослабление торговых отношений также с другими странами вне ЕС);

б) политические:

- продолжение политического и военного конфликта с Россией (если последний усилится, то само существование Украины будет поставлено под сомнение, не говоря об активизации торговли с ЕС).

Также называются риски, которые прямо не связаны с ассоциацией, но мешают использованию ее возможностей:

- сниженный приток прямых иностранных инвестиций из-за войны;
- институциональный вакуум как следствие реформирования многих институтов;
- институциональная ригидность;
- большой объем внешних долговых обязательств (пребывание на грани дефолта);
- слабость контактов со странами Запада (в том числе из-за банально низкого уровня владения иностранными языками украинцами в целом и бизнесменами и госслужащими в частности) [6];
- снижение доверия к органам власти со стороны общества, накопление политических конфликтов, предвыборный рост популистских предложений, ослабление коммуникации между политиками и обществом;
- сверхвысокая роль олигархов.

В итоге для лучшего использования положительных возможностей и избежания негативных последствий Украине рекомендуют:

- иметь стратегию и план реформ **, стратегию модернизации экономики страны ***;
- осовременить и повысить конкурентоспособность машиностроения, железнодорожного транспорта, химической, пищевой и атомной промышленности;
- считаться с социальной ценой реформ, компенсируя потери уязвимых групп населения, чтобы иметь необходимую поддержку реформ;
- развивать коммуникацию между властью и населением, разъяснять процесс реформ.

* В 2016 г. эта угроза стала реальностью.

** Андерс Аслунд из Института Петерсона даже издал несколько публикаций с предложениями таких стратегий (см. [7; 8]).

*** Очевидно, стратегии, разработанные украинской властью, не до конца убеждают представителей влиятельных зарубежных аналитических центров.

Чтобы привлечь больше прямых иностранных инвестиций, Украине рекомендуют *:

- создавать новые бизнес-парки (с понятными правами собственности, хорошей инфраструктурой, поддержкой со стороны региональной и местной власти);
- развивать совместный со странами Центрально-Восточной Европы бизнес;
- обеспечить прозрачный режим заключения договоров;
- ревитализировать государственное агентство "Инвест Украина" ("Invest Ukraine") или создать аналогичную структуру **.

Выводы

Подытоживая результаты нашего анализа, можем отметить, что Украина в течение 2014–2015 гг. однозначно находилась в фокусе самых влиятельных мировых аналитических центров. Больше внимание к ней проявляли аналитические центры из США и Северо-Западной Европы. Страна воспринимается через фреймы войны (и симпатии из-за внешней агрессии), медленных реформ и угроз для мира, экономического роста и энергетической безопасности на Евразийском континенте. Вопросы ассоциации и зоны свободной торговли с ЕС вследствие войны с Россией отошли в 2015 г. на второй-третий план. Распространена точка зрения, что Соглашение об ассоциации и зона свободной торговли принесут Украине значительные возможности, но без существенных реформ и помощи Запада страна не сумеет воспользоваться ими в течение длительного времени.

Рекомендации для органов власти

С учетом проведенного исследования и выводов предлагаем несколько рекомендаций для органов власти. Во-первых, на постоянной основе необходимо сформировать государственный запрос на вторичный анализ выводов и рекомендаций ведущих иностранных аналитических центров, их обобщение и подготовку целевых аналитических материалов для центральных органов власти. Это может быть осуществлено на базе НАНУ, Института стратегических исследований или независимого аналитического центра. Работу можно выполнить в виде постоянного мониторинга. Если этого не сделать, рекомендации и предостережения иностранных аналитических центров будут попадать в Украину медленнее, а их интеллектуальный потенциал, который фактически предлагается бесплатно, не будет востребован.

Во-вторых, необходимо наладить систему учета и внедрения рекомендаций, в частности, при разработке конкретных шагов государственной политики.

В-третьих, в перспективе необходимо усиливать сотрудничество украинских и ведущих международных аналитических центров, осуществлять обмен информацией, развивать общие аналитические продукты и т. п. ***. Желательно, чтобы была создана государственная система поощрений и символических или материальных вознаграждений для такого сотрудничества. Министерство иностранных дел должно быть больше задействовано в процессе усиления сотрудничества между украинскими и зарубежными аналитическими центрами ****. Особое внимание необходимо уделить

* Конкретно эти рекомендации предложены Венским институтом международных экономических исследований (WIIW).

** Как отмечают иностранные эксперты, функционально подобные структуры должны быть созданы и на уровне областей.

*** Уже по завершении подготовки данной статьи оказалось, что такая идея начала реализовываться — создан Офис связи украинских аналитических центров в Брюсселе (официальная страница в Интернете: <https://ukraine-office.eu/>, в социальной сети "Фейсбук": <https://www.facebook.com/ukraineoffice>).

**** Посылать предложения иностранным аналитическим центрам с просьбой оценить их интерес к Украине, способствовать налаживанию контактов, предоставлению нужной информации, организовывать тематические форумы.

иностранным центрам, которые мало интересуются евроинтеграцией Украины. Без этого даже позитивные изменения в стране останутся незамеченными и непонятыми за рубежом, а существующий интерес опять снизится до минимального. Кроме того, налаживание сотрудничества между украинскими и зарубежными аналитическими центрами — один из естественных путей укрепления экономической и политической интеграции. Дело в том, что бывшие представители политической и экономической элиты продолжают свою карьеру в организациях “третьего сектора”, и наоборот, выдающиеся представители гражданского общества пополняют ряды политической и экономической элиты.

В-четвертых, необходимо использовать данные о восприятии страны ведущими иностранными аналитическими центрами для мониторинга имиджа Украины за рубежом и влияния на его формирование. Среди конкретных мер уже сегодня можно рекомендовать проведение за рубежом кампании с месседжем о том, что для Украины важно, чтобы были перспективы в торговле с ЕС (и что страна не собирается “зацикливаться” на войне). Также необходимо развивать информационную открытость государственных органов, поддерживать перевод важных материалов СМИ на иностранные языки *, усиливать информационно-коммуникационные меры в других странах, поддерживать связи украинских бизнес-объединений и других стран. Хотя руководство Украины во время зарубежных визитов и дипломатический корпус делают немало для продвижения соответствующих месседжей о стране, однако в случае серьезной нацеленности на экономическую и политическую интеграцию с ЕС и западным миром в целом полезной будет более систематическая и научно обоснованная деятельность в этом направлении.

И наконец, оценки, выводы и рекомендации ведущих иностранных аналитических центров можно популяризировать через общедоступные СМИ, сайты или страницы в социальных сетях для информирования украинского общества и противодействия российской дезинформации. Организационное сопровождение этого процесса может быть возложено на Министерство информационной политики, а некоторые задачи — на гражданское общество благодаря краудсорсингу (реализации широким и открытым кругом лиц-волонтеров). Нынешний топ-уровень политического руководства страны хорошо владеет иностранными языками и понимает реалии восприятия нашей страны за рубежом, в первую очередь в ЕС и США. Впрочем, общественность за рубежом часто находится в плену или слишком оптимистических, или, наоборот, гиперпессимистических представлений о нашей стране и происходящих в ней процессах. Мнение неправительственных организаций по поводу Украины, претендующих на создание качественного аналитического продукта, может избавить от иллюзий или обнадежить, но в любом случае не будет лишним.

Список использованной литературы

1. Key findings from our poll on the Russia-Ukraine conflict [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/06/10/key-findings-from-our-poll-on-the-russia-ukraine-conflict/>.

* После завершения исследования стало известно, что такая идея также начала воплощаться. По инициативе студентов, аспирантов и преподавателей факультета международных отношений Львовского национального университета имени Ивана Франко создан Информационно-аналитический центр “Свободный голос” (“Free Voice Information Analysis Center”), в котором важные аналитические материалы из украинских СМИ переводятся более чем на восемь языков и размещаются на собственном сайте (страница в Интернете: <http://iac.org.ua/>), а также рассылаются адресатам за границу.

2. Close together or far apart? Poles, Germans and Russians on the Russia-Ukraine crisis [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.bertelsmann-stiftung.de/en/publications/publication/did/close-together-or-far-apart/>.

3. Що думають в ЄС про Україну? [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://iwp.org.ua/ukr/public/1784.html>.

4. МакГанн Дж. Всесвітній індекс-рейтинг аналітичних центрів за 2014 рік і текст доповіді [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.razumkov.org.ua/upload/1422001224_file.pdf.

5. McGann J. 2014 Global Go to think tank index report [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks.

6. Kubicka E., Piovarci A., Simuth J., Dubrovskiy V. Transfer of know-how for small and mid-size businesses in Georgia, Moldova and Ukraine. White paper: Ukraine [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.case-research.eu/sites/default/files/publications/CNR_121.pdf.

7. Eslund A. An economic strategy to save Ukraine [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.piie.com/publications/pb/pb14-24.pdf>.

8. Eslund A. Ukraine: What went wrong and how to fix it [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://bookstore.piie.com/book-store/7014.html>.

References

1. Key findings from our poll on the Russia-Ukraine conflict, available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/06/10/key-findings-from-our-poll-on-the-russia-ukraine-conflict/>.

2. Close together or far apart? Poles, Germans and Russians on the Russia-Ukraine crisis, available at: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/en/publications/publication/did/close-together-or-far-apart/>.

3. *Shcho dumayut' v ES pro Ukrainu?* [What thoughts are in the EU about Ukraine?], available at: <http://iwp.org.ua/ukr/public/1784.html> [in Ukrainian].

4. McGann J. *Vsesvitnii indeks-reityng analitychnykh tsentriv za 2014 rik i tekst dopovidi* [World-wide index-rating of analytic centers for 2014 and the report text], available at: http://www.razumkov.org.ua/upload/1422001224_file.pdf [in Ukrainian].

5. McGann J. 2014 Global Go to think tank index report, available at: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks.

6. Kubicka E., Piovarci A., Simuth J., Dubrovskiy V. Transfer of know-how for small and mid-size businesses in Georgia, Moldova and Ukraine. White paper: Ukraine, available at: http://www.case-research.eu/sites/default/files/publications/CNR_121.pdf.

7. Eslund A. An economic strategy to save Ukraine, available at: <http://www.piie.com/publications/pb/pb14-24.pdf>.

8. Eslund A. Ukraine: What went wrong and how to fix it, available at: <http://bookstore.piie.com/book-store/7014.html>.

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

И. П. ХОМИН,
*кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры финансов
Тернопольского национального экономического университета*

**НОМО EMPATHICUS И НОМО ECONOMICUS
НА ФОНЕ ИЛЛЮЗИЙ, ИЛИ ПСЕВДОРЕФОРМИРОВАНИЕ
АГРАРНОГО СЕКТОРА КАК СЛЕДСТВИЕ ЭКВИЛИБРИСТИКИ
МЕЖДУ ЭТАТИЗМОМ И ПРИНЦИПОМ “LAISSEZ FAIRE”**

Освещены проблемы развития аграрного сектора Украины, обусловленные незавершенностью его реформирования. На основе анализа его современного состояния, которое угрожает деградацией сельскохозяйственных угодий, подчеркнута необходимость пересмотра подходов к формированию финансовых ресурсов, нужных для обеспечения деятельности всех субъектов хозяйствования, а не только корпоративных структур. Указано на необходимость опоры при этом на собственные силы, поскольку расчет на альтруистическую помощь зарубежных доноров достаточно призрачен.

Ключевые слова: аграрный сектор, реформирование, развитие, финансовые ресурсы.

I. P. KHOMIN,
*Cand. of Econ. Sci.,
Senior Lecturer at the Chair of Finances,
Ternopol' National Economic University*

**HOMO EMPATHICUS AND HOMO ECONOMICUS
AGAINST THE BACKGROUND OF ILLUSIONS
OR THE PSEUDOREFORMATION OF THE AGRARIAN SECTOR
AS A RESULT OF THE EQUILIBRATION BETWEEN THE ETATISM
AND THE “LAISSEZ FAIRE” PRINCIPLE**

The problems of development of Ukraine's agrarian sector caused by the incompleteness of its reformation are clarified. On the basis of the analysis of its current state, which threatens by the degradation of agricultural lands, the attention is focused on the necessity of the overlooking of approaches to the formation of financial resources required for the support of the activity of all economic entities, rather than the corporative structures. The latter have had already the sufficient amount of assets, since they have concentrated the production of highly profitable crops, by neglecting the stockbreeding. The necessity to lean on the own forces is emphasized, because the hope for the altruistic help of foreign donors is quite illusory.

Keywords: agrarian sector, reformation, development, financial resources.

В социологии уже давно известны два типа индивидуумов: одни (Номо Empathicus *) в контексте отечественной экономики живут в основном в мире ил-

люзий, лелея их в виде то сокровища Полуботка, то помощи Украине по "плану Маршалла"; другие (*Homo Economicus* *) — используют любую ситуацию прагматически жестко, особенно когда речь идет о личном обогащении. Собственно последние похоронили идею первых относительно развития аграрного сектора, сведя все их благие намерения к его псевдореформированию путем эквилибристики между этатизмом и принципом "*laissez faire*" **. Однако проблема реформирования аграрного сектора как основы развития всей экономики никуда не исчезла, а наоборот, обострилась, что делает актуальным изучение путей ее решения.

Исследованием данной проблематики занимаются многие ученые. Однако в ракурсе темы статьи в первую очередь заслуживают внимания материалы дискуссии "круглого стола", проведенного в ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины" [1], которые отражают нынешние взгляды известных ученых на пути решения проблемы развития экономики Украины, в том числе и аграрного сектора, что невозможно без его настоящего, а не фальшивого реформирования.

Итак, **цель статьи** — очертить реальные возможности кардинальных сдвигов в аграрном секторе Украины с учетом его нынешнего состояния. В качестве ее задач определены беспристрастный анализ реальности предложений ученых относительно обеспечения развития аграрного сектора и обоснование собственных соображений по данному поводу.

Как деликатно выразился В.М. Геец, "неудачные предыдущие реформы" [2, с. 6] обусловили глубокий кризис украинской экономики. Что касается аграрного сектора, то даже говорить о реформах как-то неудобно, ведь вся история их декларирования напоминает крылатое "шаг вперед, два назад", особенно если учесть "углубление пропасти между аграрным развитием, которое все больше подчиняется интересам крупного капитала, и сельским развитием, целью которого является рост благосостояния и качества сельских сообществ" [1, с. 91].

На самом деле все усилия тех чиновников, которые наряжались в тогу "реформистов", были направлены на продолжение консервации "крайне неэффективной структуры экономики, которая имела место в советском прошлом" [2, с. 8], и в первую очередь путем псевдореформирования в аграрном секторе. Для подтверждения этого достаточно вспомнить его начало, когда на конторах колхозов рядом со старыми вывесками стали появляться другие, с "новыми" названиями — КСП, то есть коллективное сельскохозяйственное предприятие, а председатель колхоза автоматически занимал параллельную должность его руководителя. "Перспектива перестройки организационных и имущественных отношений в аграрном секторе вносила настроение неуверенности в будущем и создавала психологический дискомфорт... Естественно, что фактор неопределенности сыграл свою роль в разрушении сельского хозяйства, несмотря на то, что реальные шаги по реализации объявленных реформ еще не осуществлялись" [3, с. 377–378], ведь такие дуаль-менеджеры, имея две печати, единолично распоряжались ничейной собственностью до тех пор, пока она бесследно не исчезла. Да и "государство не всегда последовательно руководило трансформационными процессами в регионах, ... причем властные структуры на местах, призванные практически осуществлять реформы, работали в обычном командно-административном режиме" [4, с. 66].

* *Homo Economicus* — дефиниция, введенная А. Смитом для обозначения абстрактной модели рыночного субъекта, который рационально мыслит и стремится максимизировать собственную выгоду.

** Этатизм — политика активного вмешательства государства. В противовес этому в 1758 г. французский физиократ В. де Гурнэ сформулировал принцип полной экономической свободы предпринимательской деятельности "*laissez faire, laissez passer*" ("пусть все идет, как идет").

Этот эксперимент по сохранению незыблемости этатизма и дозированного допуска принципа “laissez faire” привел к массовому появлению уродливого де-тища — агрохолдингов, которые вообще-то были “голубой мечтой” апологетов колхозно-совхозного строя, несмотря на то, что таких терминологем тогда не употре-бляли, — вспомним прежние гигантские зерносовхоз “Целиноградский” в Ка-захстане, садово-виноградный под названием “Дружба народов” в Крыму и, на-конец, межхозяйственные предприятия по откорму крупного рогатого скота и свиней. Но тщетные потуги распространить такие агроформирования на весь аграрный сектор во времена волонтаризма, а затем — застоя, неожиданно осуще-ствились через полвека под вывеской “реформирование аграрного сектора”.

Е.Н. Бородина и И.В. Прокопа подчеркивают, что “в последние годы глав-ной тенденцией в развитии корпоративного сектора в сельском хозяйстве Украи-ны является интенсивное поглощение вертикально интегрированными агропро-мышленными формированиями (агрохолдингами) сельскохозяйственных пред-приятий при формальном сохранении их статуса и реальной утрате их хозяй-ственной самостоятельности”, и сейчас они контролируют “свыше 6 тыс. (около 40%) сельскохозяйственных предприятий и 7,8 млн. га сельскохозяйственных угод-ий (или 38% площади, обрабатываемой сельскохозяйственными предприятиями)” [1, с. 90]. Это вообще делает невозможным гармоничное развитие аграрного сектора, ведь не секрет, что для корпоративных структур “главная цель их дея-тельности — максимизация прибыли — достигается как благодаря специализации на производстве наиболее коммерческих видов продукции и минимизации рас-ходов (в том числе на оплату труда и плату за аренду земельных участков), так и путем истощающего использования природных, социальных и инфраструктур-ных ресурсов сельской местности” [1, с. 89].

При этом такие корпоративные структуры, “умело используя налоговые льго-ты и преференции, предусмотренные отечественным законодательством *для сель-ского хозяйства*, ... присваивают стоимость, которая бы должна была стать источ-ником полноценного воспроизводства используемых ими природных и социальных ресурсов сельской местности” [1, с. 90—91], изымая из аграрного сектора львиную долю прибыли (табл. 1).

Таблица 1

Группирование предприятий аграрного сектора Украины по площади угодий, чистому доходу, рентабельности и поголовью крупного рогатого скота *

(%)

Показатели	Г о д ы			
	2010	2011	2012	2013
Предприятия с площадью сельскохозяйственных угодий свыше 10 тыс. га:				
количество (ед.).....	131	152	164	175
% к общему количеству.....	0,2	0,3	0,3	0,3
Предприятия, не имевшие сельскохозяйственных угодий:				
количество (ед.).....	7668	7877	8214	8416
% к общему количеству.....	13,6	14,0	14,7	15,1
Предприятия с чистым доходом более 100 млн. грн.:				
к общему количеству.....	1,0	1,3	1,5	1,4
к общему чистому доходу (выручки).....	21,3	25,7	28,5	28,9
Уровень рентабельности зерновых и зернобобовых	13,9	26,1	15,2	1,5
в том числе предприятий с рентабельностью 100,1% и более....	3,0	4,9	3,0	1,3
Уровень рентабельности семян подсолнечника	64,7	57,0	45,8	28,5
в том числе предприятий с рентабельностью 90,1% и более.....	36,2	28,5	23,0	13,5

Окончание таблицы

Уровень рентабельности сахарной свеклы	16,7	36,5	15,7	2,7
в том числе предприятий с рентабельностью 60,1% и более.....	9,7	16,1	15,1	7,7
Предприятия, которые имели свыше 2999 голов крупного рогатого скота (ед.).....	32	33	36	39
Предприятия, которые имели свыше 999 голов коров (ед.).....	44	51	55	57

* Составлено автором по: Сільське господарство України за 2010–2013 рр. — К. : Державна служба статистики (за соответствующие годы).

Таким образом, прежде всего, наблюдается тенденция к увеличению количества субъектов хозяйствования с площадью более 10 тыс. га сельскохозяйственных угодий, которая идет в унисон с обезземеливанием других, — только в 2011–2013 гг. количество первых выросло на $(175 - 131) = 44$ ед. при вытеснении из числа землепользователей $(8416 - 7668) = 748$ хозяйств. При этом показатели чистого дохода (выручки), уровня рентабельности зерновых и зернобобовых, семян подсолнечника, сахарной свеклы практически коррелируют с концентрацией земли, однако диссонируют с сокращением поголовья крупного рогатого скота в сельхозпредприятиях в целом, несмотря на то, что она (то есть концентрация), хоть и очень медленно (количество субъектов хозяйствования, которые содержали свыше 2999 голов крупного рогатого скота, и тех, которые имели свыше 999 коров, росло за указанный период в среднем на 2–4 ед. ежегодно), но проявляется.

В целом это грозит полной деградацией нашего самого ценного природного сокровища — земельных угодий — из-за их бездумного, хищнического истощения и чрезмерной химической интоксикации производства. Таким образом, Украина может повторить трагическую судьбу инков, ведь, “по результатам агрохимической паспортизации земель, в течение 1986–2010 гг. содержание гумуса в почвах уменьшилось на 0,5%”, и этот процесс вследствие “уничтожения животноводства как источника органики и перехода от севооборотного к монокультурному производству” продолжается, приводя к ежегодной потере 0,4–0,8 т/га плодородия сельскохозяйственных угодий, на которых “вследствие водной и ветровой эрозий теряется от 450 млн. до 600 млн. т плодородного слоя почвы, 30 млн. га земель... признаны деградированными, а от 14 млн. до 17 млн. га — эрозионно опасными” [5, с. 80]. Это можно отнести к одному из самых больших провалов государства при реформировании аграрного сектора.

Следующей по силе негатива неудачей государства можно считать то, что ни один из проектов-программ (то ли по увеличению площадей озимой пшеницы, садов и виноградников, развитию хмелеводства, стимулированию роста поголовья коров или вообще по сохранению молодняка крупного рогатого скота до трех лет путем дотирования, созданию оптовых рынков и т. д.), к сожалению, не увенчался успехом, хотя на начальных этапах пропагандировался как магистральный путь преодоления кризиса в аграрном секторе. Для поддержания таких иллюзий нередко жонглировали статистическими показателями, к чему особенно прибегали почти все министры аграрного ведомства послереформенного периода. Так, один из таких “жонглеров” умудрялся делать это даже тогда, когда и под микроскопом невозможно было разглядеть какие-то положительные сдвиги, например, в животноводстве, камуфлируя его уничтожение прежде всего в сельскохозяйственных предприятиях мнимым увеличением поголовья молодняка крупного рогатого скота в личных крестьянских хозяйствах путем сравнения цифровых данных в месяцах сезонных растелов коров с предыдущими периодами.

Будем надеяться, что такая же неутешительная судьба не постигнет запоздалое прозрение: этатизм и “laissez faire” не совместимы, и в аграрном секторе вместо камуфляжа колхозов и совхозов, наконец, будем иметь настоящие рыночные формирования, ведь и сейчас, как утверждают ученые, “при наличии 5 млн. сельских домохозяйств (в том числе 4,2 тыс. ЛКХ) численность... потенциальных малотоварных ферм может быть оценена на уровне 700 тыс. И еще около 200–300 тыс. могут быть признаны как такие, которые при достаточной мотивации могли бы пополнить их ряды” [1, с. 92].

Вот только касательно мотивации — не стоит надеяться как на сокровище Полуботка, так и на “план Маршалла”, поскольку первое, скорее, является мифическим, а второй никак не может быть применим к Украине. Если исходить из соображений Номо Empathicus, то такая помощь в первую очередь должна быть направлена в страны, где ежегодно от голода умирают сотни тысяч людей. Но и им не очень торопятся ее оказывать, потому что Номо Eсonomіcus утверждают, что такая “помощь может быть контрпродуктивной, создавая привычку к зависимости и приводя к коррупции” [2, с. 8]. Не стоит также преувеличивать объемы финансовой помощи в рамках “плана Маршалла”, поскольку они в абсолютном измерении сегодня не так уж значительны, даже с учетом корректировки на инфляцию за более чем полвека с момента ее завершения (табл. 2).

Таблица 2

Объемы финансовой помощи отдельным странам Европы по “плану Маршалла” *

(млн. дол.)

Страны	1948–1949 гг.	1949–1950 гг.	1950–1951 гг.	Всего
Австрия.....	232	166	70	468
Бенилюкс.....	195	222	360	777
Великобритания.....	1316	921	1060	3297
Греция.....	175	156	45	376
Италия.....	594	405	205	1204
Германия.....	510	438	500	1448
Норвегия.....	82	90	200	372
Франция.....	1085	691	520	2296
Швеция.....	39	48	260	347
Другие 7 стран Европы.....	696	515	935	2145
Всего.....	4924	3652	4155	12731

* Составлено автором по: http://pl.wikipedia.org/wiki/Plan_Marshalla.

Например, нынешние валютные заимствования, или так называемая “реструктуризация” государственного долга Украины, на порядок превышают суммы, которые были получены в рамках этого плана в течение 1948–1951 гг. такими крупнейшими странами Европы, как Великобритания, Италия, Германия, Франция. Однако ощутимого положительного влияния на отечественную экономику это не оказало, в отличие от упомянутых стран, которые благодаря данной помощи получили синергетический толчок и опередили нас в экономическом развитии на десятилетия, хотя ни одна из них не имела таких природных богатств, как Украина.

Таким образом, реальнее рассчитывать разве что на используемые в рамках этого плана долгосрочные (на 35 лет) кредиты, предоставленные тогда послевоенной Западной Европе, возможно, даже под те же 2,5%, поскольку надежды на любые другие альтруистические меры по оказанию нам безвозмездной помощи являются призрачными. Нынешние предпосылки ее получения включают “борьбу с коррупцией: как с точки зрения направления на это “средств “плана Маршалла”, так (еще в

большей степени) и гарантирования целевого использования полученных средств, а не их традиционного "дерибана" (как выражались грабители-мазурики в после-революционном Петрограде), ... создание надлежащих условий развития экономики, а отсюда следуют и вопросы реформирования налоговой системы, долговой политики (и еще шире — фискальной политики государства в целом), а также — вопросы демонополизации и поддержки малого бизнеса" [6, с. 17], которые сейчас невозможны по ряду причин.

Прежде всего, существуют искаженная мораль значительной части общества, в основном чиновничества, так же, как сочетание в лице жениха требований "если бы" купеческой дочери на выданье из пьесы "Женитьба" бессмертного Н.В. Гоголя, и медленные темпы, с которыми решаются эти вопросы, когда даже кадровые вопросы по формированию штата органа противодействия современным "грабителям-мазурикам" растянулись почти на два года. И это тогда, когда для решения важной для развития экономики Украины проблемы, чтобы она не была в состоянии "постоянного догоняющего", по мнению известного финансиста А.И. Даниленко, мы имеем максимум 5–7 лет [7, с. 29].

И чтобы это изменить, нужно "работать, работать как проклятые, жестко и дисциплинированно, ... добиваться результатов", и в первую очередь придется увеличивать объемы производства и рационализировать сельское хозяйство, ведь сказанное ставит шлагбаум на пути надежд на "план Маршалла", поскольку "помощь странам с относительно слабым уровнем развития", тем более таким, "которые не имеют эффективного распорядителя" или у них "отсутствует четкая формула развития" [2, с. 7–8], не может быть предоставлена в принципе. Итак, мы должны рассчитывать только на себя и, как писал И. Франко, "против ветра переть, против волн плыть", а не надувать паруса дорогих яхт, вывозящих в оффшоры доходы, полученные благодаря труду украинских рабочих и крестьян, из-за наивности Номо Empathicus, создавших под предлогом стимулирования инвестиций в отечественную экономику налоговый оазис для налогообложения дивидендов олигархов. Вот только что-то не видно этих инвестиций, а дивиденды Номо Economicus зашкаливают даже в аграрном секторе, который, что называется, по определению, должен дотироваться. Однако и здесь отдельные, надо полагать, гораздо более трудолюбивые, лица получают такие суммы дивидендов, которых хватило бы для технического переоснащения малотоварных ферм всей округи. Таким образом, на легкое решение проблемы финансового обеспечения развития аграрного сектора надеяться не стоит, а думать, что введение в институциональное поле ЛКХ станет панацеей от всех угроз, — одна из иллюзий Номо Empathicus. Чтобы они превратились в малотоварные фермы, нужны те же три вещи, которые Наполеон определил как необходимые для осуществления своих целей, — деньги, деньги, деньги, поскольку в карете прошлого, как провозгласил в своем монологе герой пьесы М. Горького "На дне", далеко не уедешь. А какая-нибудь призрачная тысяча долларов, которую малотоварная ферма теоретически в состоянии ежегодно выручать за проданную продукцию, даже в случае ее направления исключительно на формирование своей материально-технической базы, будет каплей дождя на выжженное поле в засушливый год, ведь "цена американского зерноуборочного комбайна "Джон Дир" достигает 280 тыс. дол., картофелеуборочного комбайна "Анна" (Польша) — от 40 тыс. до 100 тыс. дол. и более" [5, с. 81]. Поэтому стоит прислушаться к предложению использовать положительные составляющие опыта отдельных стран по стимулированию инвестиционной активности предприятий относительно предоставления предприятиям права использовать на реализацию приоритетных инновационных

проектов до 100% полученной прибыли. Иначе состояние, прежде всего аграрного сектора, будет отвечать метафоре из уже частично процитированной строфы И. Франко: “Должен вплоть до смерти крест тяжелый нести”.

Выводы

Расчет на то, что *Homo Economicus* эволюционирует в *Homo Empathicus* и структура аграрного сектора изменится как по мановению волшебной палочки, — из арсенала наивных иллюзий. Однако ясно, что провалы государства в процессе реформирования аграрного сектора следует немедленно локализовать. Конечно, речь не идет о революционных “больших переломах”, которые осуществлялись в прошлом с наскока, игнорируя каузальную связь их последствий, не только потому, что сейчас XXI в. и необходимо придерживаться цивилизованных способов решения проблем, и прежде всего учитывать возможные потери вследствие волюнтаристских действий. И одним из таких способов, на наш взгляд, является пересмотр системы налогообложения субъектов хозяйствования аграрного сектора, поскольку бывший ФСН (фиксированный сельскохозяйственный налог), а теперь единый налог, который платится не с прибыли, а со стоимости сельскохозяйственных угодий, явно не соответствует, по крайней мере, первому принципу налогообложения А. Смита, который гласит: “Каждый обязан платить в соответствии со своим доходом” [8, с. 621]. Ведь есть разница между реальными доходами товаропроизводителей, которые являются членами определенной сельской общины и “решают важные задачи сельского развития”, теми, кто держит крупный рогатый скот молочно-го или мясного направлений, и корпоративными структурами, строящими свои взаимоотношения с этими общинами, как в сказке о персонажах, которые решили совместно обрабатывать ниву, деля выращенное по принципу: одному вершки, другому корешки, но с той разницей, что агрохолдингам всегда достаются вершки в буквальном смысле слова, поскольку выращивать картофель они не стремятся, предпочитая озимую пшеницу, кукурузу на зерно, рапс, подсолнечник, то есть сосредоточились на производстве прибыльных и экспортоориентированных культур, пренебрегая животноводством.

Даже от экспорта злаков, зерна кукурузы и др. большинство товаропроизводителей никакой выгоды не имеют, поскольку вынуждены продавать их агрохолдингам по определенным ими правилам олигопольного рынка, потому что элеваторы находятся в их собственности, а с мелкими партиями зерна пробиться на внешний рынок никак невозможно. Таким образом, нулевая ставка НДС при экспорте зерновых и возмещение этого налога, которое осуществляется из бюджета преимущественно корпоративным структурам, приумножая их прибыли, скрыто перекладываются на граждан Украины, а достаются только избранным счастливым, в число которых большинство сельскохозяйственных товаропроизводителей не попадают.

Поэтому, наряду с поддержкой предложения о “внесении изменений в налоговое законодательство о частичном (или полном) освобождении от уплаты налога на прибыль предприятий, реализующих приоритетные инвестиционные проекты” [7, с. 34], считаем необходимым внести уточнения в раздел XIV “Специальные налоговые режимы” Налогового кодекса Украины в соответствии с изложенными замечаниями. Например, п.п. 291.4.4 ст. 291 давать в следующей редакции: “Четвертая группа — сельскохозяйственные товаропроизводители, у которых доля сельскохозяйственного товаропроизводства за предыдущий налоговый (отчетный) год равна или превышает 75% *при условии соблюдения таких пропорций продукции растениеводства и животноводства...*”. Эти пропорции должны

плавно меняться в направлении увеличения доли животноводческой продукции, например, в течение пяти лет, чтобы дать возможность предприятиям иметь временной лаг для восстановления оптимальной структуры сельскохозяйственного производства. Если же эти условия не соблюдены, то такие предприятия следует автоматически переводить на общую систему налогообложения. В то же время, признавая резонность замечания о недостатках прямой бюджетной поддержки предприятий, поскольку ее "получили в первую очередь крупные частные предприятия, которые были собственностью олигархических кланов", а также то, что "собственники частных предприятий и фирм (особенно в аграрном секторе) получили под гарантии правительства иностранные кредиты ... на десятки миллиардов долларов, однако основная часть этих средств не была возвращена заемщиком, в результате чего долги кредиторам вынуждено было платить государство", так же, как "средства, которые предоставлялись предприятиям в виде беспроцентного бюджетного займа, так и не были возвращены государству", и "такая функция должна осуществляться банковскими учреждениями" [7, с. 30–31], не можем согласиться с "отказом от предоставления бюджетной поддержки реальному сектору экономики" по крайней мере в отношении аграрного сектора, поскольку самостоятельно сформировать капитал предприятий для ведения ими инвестиционной и текущей деятельности невозможно.

Во избежание указанных недостатков, на наш взгляд, целесообразно переориентировать бюджетные ассигнования, выделяемые сельскохозяйственным товаропроизводителям, исключительно на стимулирование расширения банковского кредитования путем компенсации заемщикам части процентов за пользование кредитами, что действительно позволит привлечь к финансированию аграрного сектора максимум возможных денежных средств. Впрочем, все проблемы лишь частично освещены в этой статье, значит, не окончательно решены, и их дальнейшие исследования, на наш взгляд, являются перспективными.

Список использованной литературы

1. Бородин Е.Н., Прокопа И.В. Преодоление структурных деформаций в аграрном секторе Украины: институционализация и модернизация малотоварного сельскохозяйственного производства // Экономика Украины. — 2015. — № 4. — С. 88–96.
2. Гец В.М. К вопросу применения подходов "плана Маршалла" для Украины // Экономика Украины. — 2015. — № 4. — С. 6–11.
3. Ткаченко А.М., Алексеев А.А., Илларионов В.В. и др. Феномен Украины: реформы 1991–2004 гг. — К. : ВІПОЛ, 2004. — 602 с.
4. Амбросов В. Трансформаційні процеси в аграрній сфері економіки // Економіка АПК. — 2003. — № 6. — С. 66–70.
5. Молдаван Л.В., Шубравская Е.В. Инвестиционные приоритеты в сфере развития агропромышленного производства Украины и механизмы их реализации // Экономика Украины. — 2015. — № 4. — С. 78–87.
6. Шаров А.Н. Уроки и перспективы "плана Маршалла" для Украины // Экономика Украины. — 2015. — № 4. — С. 12–18.
7. Даниленко А.И. Усиление государственных рычагов эффективного использования финансовых ресурсов // Экономика Украины. — 2015. — № 4. — С. 28–35.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М. : Эксмо-Пресс, 2007. — 960 с.

References

1. Borodina E.N., Prokopa I.V. *Preodolenie strukturnykh deformatsii v agrarnom sektore Ukrainy: institutsializatsiya i modernizatsiya malotovarnogo sel'skokhozyaistvennogo*

proizvodstva [The overcoming of structural deformations in Ukraine's agrarian sector: institutionalization and modernization of a small-scale agricultural production]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2015, No. 4, pp. 88–96 [in Russian].

2. Heyets V.M. *K voprosu primeneniya podkhodov “plana Marshalla” dlya Ukrainy* [To the question of application of the approaches of the “Marshall plan” in Ukraine]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2015, No. 4, pp. 6–11 [in Russian].

3. Tkachenko A.M., Alekseev A.A., Illarionov V.V. et al. *Fenomen Ukrainy: Reformy 1991–2004 gg.* [Ukraine's Phenomenon: Reforms 1991–2004]. Kiev, VIPOL, 2004 [in Russian].

4. Ambrosov V. *Transformatsiini protsesy v agrarnii sferi ekonomiky* [Transformation processes in economy's agrarian sphere]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2003, No. 6, pp. 66–70 [in Ukrainian].

5. Moldavan L.V., Shubravskaya E.V. *Investitsionnye prioriteti v sferi razvitiya agropromyshlennogo proizvodstva Ukrainy i mekhanizmy ikh realizatsii* [Investment priorities in the sphere of development of Ukraine's agriindustrial production and mechanisms of their realization]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2015, No. 4, pp. 78–87 [in Russian].

6. Sharov A.N. *Uroki i perspektivy “plana Marshalla” dlya Ukrainy* [Lessons and perspectives of the “Marshall plan” for Ukraine]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2015, No. 4, pp. 12–18 [in Russian].

7. Danilenko A.I. *Usilenie gosudarstvennykh ryuchagov effektivnogo ispol'zovaniya finansovykh resursov* [Strengthening of state's levers of efficient use of financial resources]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2015, No. 4, pp. 28–35 [in Russian].

8. Smith A. *Issledovanie o Prirode i Prichinakh Bogatstva Narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow, Eksmo-Press, 2007 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2015 г.

SUMMARIES

ZVERYAKOV M. I. "Industrial policy and a mechanism of its realization" — The objective necessity to implement the industrial policy as a form of the neoindustrialization is substantiated. It is noted that the absence of the industrial policy in the country causes a reduction of the industrial production and the added value in the GDP structure. The attention is paid to the fact that the problem of the industrial policy becomes actual in the epoch of a deep system crisis in our country, when the components of a new economic policy as the basis for a long-term strategy of development are discussed.

The author has proved the thesis that, namely with the help of the industrial policy, it is possible to change the sectoral structure with the aim to stimulate the economic growth on the basis of a higher work efficiency. The industrial policy itself is a means of state's control over progressive structural changes in the production sphere.

Some models of industrial policy on different stages of industrial development are considered. It is shown that, in the majority of developed countries, the industrial policy has evolved from the sectoral one to the policy aimed at an increase in the competitiveness. The tools to attain such purpose are measures of the institutional character.

It is made accent on that the establishment of institutional conditions of creation of companies in any branch, which realizes the large-scale innovative projects, is the principal task of the industrial policy on a macrolevel. The support of the wide renewal of firms able to realize the necessary investment projects with an increase in the competitiveness is the necessary element of the industrial policy on a microlevel.

It is emphasized that the main tasks of the industrial policy in Ukraine are the formation of a sound corporative sector sensitive to the innovations and the creation of development institutions. The development of a national industrial policy should be based, on the one hand, on the rich historical experience of highly developed countries and, on the other hand, should consider the own past and the current socio-economic and political development of the country.

FILIPENKO A. S. "National and solidarity economy: conceptual sketch" — In the recent years, the problems of search for alternative economic models, in general, and a model of social and solidarity economy, in particular, are widely discussed in the economic literature, as well as during international conferences and social forums. The solidarity economy is based on three basic principles that have historically accompanied the exchange and the development of market relations and are as follows: market principles, when the supply of and the demand for goods and services are based on agreed prices; redistribution, which provides the delegation of powers to the central government regarding the allocation of resources; reciprocity, which corresponds to the relationship between reciprocating groups or individuals, because they express the desire to show the social relationship between the participants in the economic process. The peculiarity of the domestic alternative to the current economic system is the need for a transformation toward a national and solidarity economy on two main levels: macro- and microlevels. The national economy encompasses a holistic national economy as a system, while the solidarity one focuses on some primary sectors, links, organizations (national enterprises, cooperatives, farms, associations, unprofitable organizations, voluntary associations, etc.).

YURCHENKO Yu. Yu. "Conceptual directions of development of domestic tourism in Ukraine" — The contradiction between the European vector of development chosen by Ukraine and the long-term immutability of institutional foundations of the economy negatively affects society's life level, which continues to rapidly deteriorate.

Under these conditions, only the consolidation of the government, business, science, and education and the creation of new mechanisms of their interaction will activate efficient tools of control over all sectors of the economy.

Tourism is the economic sector, whose modernization does not need global budget investments.

At the same time, its development solves not only economic, but also important social and political problems. The potentials of domestic and inbound tourisms given a wide range of recreational resources of Ukraine are obvious and require the "breakthrough strategy."

The stagewise algorithm of modernization of the market of tourism services is proposed. It includes analytical activities; the development of the concept of interaction with stakeholders; formulation of basic development targets and driving forces of transformation of the tourism sector; and the construction of a "roadmap" for the tourism development.

The attention is focused on the need in a unified information-communication scientific-educational platform for all leading participants of the tourism industry, which involves the producers and the consumers of tourist products, investors, and the education sector. As such the platform, the innovative structure such as an "intellectual core" of the tourism industry is proposed. Its main objectives

are the intensification, expansion, and optimization of tourist flows, as well as the balance of interests of all stakeholders of tourism. The foreseen units of this structure and their functions are presented.

KOZIUK V. V. “Preconditions and global macrofinancial effects of the active portfolio management of currency reserves” – The scale of a reserve hoarding changes the risks of holding them, by admitting that the more active management will allow one to make their value less vulnerable to variations in the exchange rate, to increase their profitability, and to diminish their dependence on the policies in countries emitting the reserve currency. The assertion that the endogenous increase of reserves cannot affect the increasing inclination to their diversification in the world with the dominant motive of precautionary self-insurance is criticized. Four stages of the hoarding and management of reserves are separated: from the advantage of the liquidity as a response to the vulnerability to traditional shocks of a payment balance to the search for a nonstandard portfolio of reserve assets, which is based on the active management aimed at increasing the value and the profitability of external assets. In the global economy, two tendencies are simultaneously formed: the enhancement in the reserve holding concentration and the change in a distribution of reserve holdings relative to GDP among countries. The fundamental driver of the transition to a more active management of reserves is defined as the upside bias of a median reserve volume over the optimal level. The level of synchronization between the optimal and median volumes of reserves defines the preconditions for the transition of a median central bank to a more active management of reserves, as well as to the reallocation of reserves to renew their liquidity as a response to a worsening of global macrofinancial conditions. The median and concentrated reserve holdings provide differences in the profiles of macrofinancial effects in the active management. In general, such effects are: increase in the background volatility of capital flows and exchange rates; risks of changes in the structure of the relative yields for the classes of assets; increase in the competition between reserve currencies (assets) and search for a full market of reserve assets; segmentation of the risk-taking of a decrease in the liquidity of exchange reserves; etc. For countries with low level of reserve holdings, an increase in the fraction of reserves in non-conventional reserve currencies is ultimately unwelcome.

PAVLOV A. I. “The rural discourse of interdisciplinary scientific studies” – By means of the analysis of a rural discourse, its economic, physio-economic, socio-economic, and ruralistic contexts are estimated.

The scientific actuality and the practical meaning of the studied problem are caused by a place of the rurality (or the agrarian life style) as a social phenomenon, kind of vital activity, agrarian means of production of material goods, and the rural development on the whole in the strategic development of the national economy and the other spheres of the vital activity. This is related, first of all, to the increasing role of the agrarian production in the support of Ukraine’s competitiveness on the world markets and in the solution of the food problem. The significant place in the solution of these questions is occupied by economic science, which is in the state of transformational changes and the spacing from a sectoral research paradigm to the social and behavioral science, which spreads essentially its research field and increases the interdisciplinary “weight.”

It is worth noting that the connections of the economics with related and adjacent sciences and intersectoral scientific disciplines such as geography, sociology, psychology, history, physical economy, and socioeconomy are widened and deepened.

The use of the methods of system analysis, deduction, induction, synthesis, analysis, as well as the dialectic, phenomenological, discourse, and content analyses, in the process of studies allows us to substantiate the key role of the ruralistics, which is a new interdisciplinary scientific field, in the deepening of the scientific ideas of the essence, identificational signs, functions, and social mission of rural territories. In the context of the ruralistics, these natural and socio-spatial formations are composed of the agrisystem, economic space, social medium, and mental image.

The scientific novelty of the analysis consists in the establishment of a research field and scientific trends of the ruralistics and its practical value in the renewal of rural territories.

As the further promising directions of studies of the outlined theme, we mention the deepening of world outlook, theoretical, and methodological principles of the ruralistics and the refining of the object and item of the ruralization and the ruralism.

GRITSYUK P. M., BACHISHINA L. D. “Influence of a change in climatic conditions on the dynamics of the crop yield of cereals in Ukraine” – The efficient development of the grain production requires the scientific substantiation of a rational arrangement of sown areas for cereals with regard for the yield capacity and climatic conditions. For the last decades, the weather-climatic conditions of Ukraine’s regions were essentially changed. This caused a change in the assortment of grown cereals and in the geography of their position. The purpose of the present work is the study of the changes of climatic conditions on the crop yield of cereals in Ukraine and its separate regions. We have carried

out the statistical studies of the weather-climatic factors and the crop yield of cereals for various regions of Ukraine for 24 last years. The input data are as follows: annual values of the crop yield of cereals in Ukraine's regions, mean monthly temperatures and monthly sums of precipitations by the data of meteorostations located on the territories of the corresponding regions in 1991–2014.

The executed cluster analysis results in the separation of three groups of regions, each of which is characterized by the one-type dynamics of the crop yield and climatic factors. The analysis of the dynamics of the crop yield of cereals in the separated clusters indicates that the mean crop yield of cereals increased mostly in regions of the central part (from 27 to 50 centner/ha). The mean crop yield of cereals in western regions increased from 29 to 43 centner/ha. In the step region, the crop yield of cereals increased insignificantly: from 26 to 29 centner/ha. The performed studies testify to the essential changes in the climate in Ukraine's regions in the period 1991–2014. This caused the direct influence on the changes in the crop yield of cereals. The significant warming, which was accompanied by a decrease in the amount of precipitations, had occurred. In the 1990s, the main grain producer was the step region. In the last decade, country's central part has come to the first place. Its regions have not only the highest crop yield of cereals, but also the best dynamics of its growth. These changes should be taken into account in the planning of the sowing of cereals and in the organization of the corresponding infrastructure for their processing, зберігання, storage, and sale.

TITAR' I. A. "Image of Ukraine in the context of its association with the European Union" —

The authors consider the question about the look of the most influential foreign analytic centers during Spring 2014 — Autumn 2015 at Ukraine. The studies are based on the English versions of the sites of those centers with regard for the rating "Go to Think Tank Index Report" of the Pennsylvania University. The extent and the intensity of the attention to Ukraine and the frames of its perception are analyzed.

It is shown that the themes related to Ukraine were widely presented in the agenda of the mentioned centers during Spring 2014 — Autumn 2015. The highest attention to Ukraine is manifested by the analytic centers of the USA and the Northern-Western Europe.

At the same time, the association with the EU was mentioned only in a quarter of materials concerning Ukraine. Moreover, it was not the basic theme, but rather a background. In this case, widely spread is the opinion that the West is responsible for the war in Ukraine, since Russia has attacked because of the approach of our country with the EU. The main focuses of the analytic centers in this period were the Russian-Ukrainian war and, to a less degree, the problems of macroeconomic stability and reformation of Ukraine. By the attention to the association, the leaders are American analytic centers such as the Woodrow Wilson International Center, Peterson Institute for International Economics, and RAND. In Europe by this indicator, the Norwegian Institute for International Affairs and CASE are in advance.

The special attention is given to the consideration of possibilities and risks from the association with the EU and to the recommendations of influential foreign analytic centers.

KHOMIN I. P. "Homo empathicus and Homo economicus against the background of illusions or the pseudoreformation of the agrarian sector as a result of the equilibration between the etatism and the "laissez faire" principle" — The results of studies of the problems of Ukraine's agrarian sector testify that the reformation of the agrarian sector cannot be considered now completed, aince it was realized in many cases by the principle "one step forward and two ones backward." But the solution of the problem of development of Ukraine's economy is impossible without true reformation, rather than the imitated one. However, the experiment with the conservation of the invariable etatism and the dosed allowance of the "laissez faire" principle led to the mass appearance of agriholdings. This became the main tendency in Ukraine's agriculture and made the harmonic development of the agrarian sector to be impossible, because the principal goal of the activity of such structures, namely the maximum profit, is attained exceptionally due to the specialization on the production of the most commercial kinds of products and leads to the exhaustion of resources (concentration on the production of grain crops and legumes, sunflower seeds, and sugar beets causes the degradation of lands due to, first of all, their excessive chemical intoxication; moreover, the number of cattle in farms does not increase).

The long period of futile efforts to combine the etatism and the "laissez faire" principle in the agrarian sector has proved finally that the exit from the long-term crisis state is possible only if the measures directed to the ensuring of its development will fit the market principles of financial-economic regulation. This requires the overlooking of the tax and credit policies, since Ukraine can count on only the own forces under current conditions. The hope for the altruistic nonrepayable help is illusive. In this aspect, the priority belongs in the first turn to the ensuring of a balance of the crop production and the stockbreeding, which must guide all programs of stimulation of the development of the agrarian sector.

Научный журнал
“ЭКОНОМИКА УКРАИНЫ”
№ 6 (647)/2016

The scientific journal

“ECONOMY OF UKRAINE”
No. 6 (647), 2016

Регистрационное свидетельство: КВ № 1027 от 26 октября 1994 г.

Registration certificate: KB № 1027 of October 26, 1994

Издатель: Государственное предприятие “Редакция журнала “Экономика Украины”

Publisher: State Enterprise Company “Editorial Office “Economy of Ukraine”

Над журналом работали: Горобец Л.А., Городняя А.А., Егорченкова Н.В.,
Загорный В.И. (компьютерная верстка), Кухтин В.В., Олешко А.Г.
(выпускающий редактор), Пасека А.И.

Адрес редакции: ул. Московская, 37/2, 01015, Киев, Украина

Телефоны: зам. главного редактора 280-52-75,

директора 280-32-71,

заведующего редакцией 280-31-10 (тел./факс)

e-mail: ecoua@mail.ru

<http://www.economukraine.com.ua>

Address of the Editorial Board: 37/2, Moskovs'ka Str., Kyiv-15, Ukraine.

Phones: Deputy Editor-in-Chief +38(044) 280-52-75,

Director +38(044)280-32-71,

Fax: +38(044) 280-31-10

e-mail: ecoua@mail.ru

<http://www.economukraine.com.ua>

Подписано в печать 27.06.16. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага офсетная. Офсетная печ.

Общий тираж 545

Circulation 545

Отпечатано в ООО “Наш формат”

02105, Киев, пр. Мира, 7, к. 45.

Регистрационное свидетельство ДК № 4540 от 7 мая 2013 г.

Науковий журнал “Економіка України”

№ 6 (647), 2016 р.

(Видається з січня 1960 р., виходить щомісяця)

Засновники: Міністерство економічного розвитку
і торгівлі України,
Міністерство фінансів України,
Національна академія наук України

Головний редактор В. М. ГЕЄЦЬ

Адреса редакції: 01015, Київ-15, вул. Московська, 37/2.

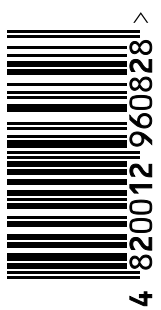
Реєстраційне свідоцтво КВ № 1027 від 26 жовтня 1994 р.

Віддруковано у ТОВ “Наш формат”

02105, Київ, пр. Миру, 7, к. 45.

Реєстраційне свідоцтво ДК № 4540 від 7 травня 2013 р.

Подписной индекс “Укрпочты” 74159

ISSN 0131-7741.
Экономика Украины.
2016. № 6. 1–98.